

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XXII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга II (107).

МАРТЪ-АПРѢЛЬ—1911 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская ул., соб. домъ.

1911.

10

11

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Оправданіе права. Г. Шершеневича	111
Жизнь и личность Григорія Саввича Сковороды. В. Эрн .	126
Соціальная философія Роберта Оуэна. С. Булгакова . .	167

Понятія нормировки и детерминаціи въ биологiи. А. Гур- вича	129
Философія Мэнъ де Бирана въ начальной стадіи ея раз- витія. Н. Кудрявцева	156
Телеологія Лейбница. П. Блонскаго	187

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Emile Meyerson. Identité et réalité. Alcan. 1908. Стр. 431. С. I. Гессенъ	215
--	-----

II. Библиографическій листокъ	228
---	-----

Московское Психологическое Общество.

(Отчетъ о годичномъ распорядительномъ засѣданіи) . . .	230
--	-----

Условія для соисканія премии , учрежденной при Москов- скомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпинымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ	231
--	-----

Списокъ членовъ Психологическаго Общества , состоя- щаго при Императорскомъ Московскомъ Универси- тетѣ, по 1-ое апрѣля 1911 года	243
---	-----

Объявленія.

Оправданіе права.

Если мы признаемъ право нормою поведенія, вынуждаемаго угрозою зла со стороны органовъ власти, то передъ нами тотчасъ же встанетъ вопросъ: допустимо ли такое принужденіе, примѣняемое одними людьми въ отношеніи другихъ людей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ для всякаго, кто въ своей общественной дѣятельности имѣетъ дѣло съ примѣненіемъ нормъ права. Человѣкъ только тогда получаетъ удовлетвореніе отъ своей дѣятельности, когда твердо увѣренъ въ ея цѣлесообразности. Человѣкъ только тогда можетъ служить праву, пользоваться имъ, когда у него есть убѣжденіе въ томъ, что само право служить правдѣ.

Однако, мало внести сознательность въ свое служеніе праву. Оправданіе права, какъ обоснованіе дѣятельности, необходимо еще въ виду ожесточенныхъ нападковъ, какимъ подвергается въ послѣднее время право со стороны анархизма. Нельзя успокоиться на доводахъ за право, пока не будутъ опровергнуты доводы противъ права,—если они вообще отразимы.

Анархизмъ, какъ идеаль общественнаго строя, основаннаго на отсутствіи государственной власти, проявляется впервые опредѣленно съ ученія Годуина (1793), но въ общественное ученіе онъ складывается только съ половины XIX столѣтія. Имя дано ему Пруденомъ, хотя подъ однимъ и тѣмъ же именемъ обращаются доктрины, довольно далеко

расходящаяся одиъ въ сторону индивидуалистическаго, дру-
гя въ сторону коммунистическаго мiросозерпанiя ¹⁾.

Оправданiе права должно стоять внѣ зависимости отъ содержанiя нормъ права. Недостаточно доказать, что то или другое содержанiе требуется нравственнымъ созна-
нiемъ или соотвѣтствуетъ общественному идеалу. Нужно еще доказать, что это содержанiе можно и должно осу-
ществить путемъ права. Высокая цѣль еще не оправды-
ваетъ низкихъ средствъ. Допустимо ли правовое принужде-
нiе въ осуществленiи этическаго требованiя?

Такая постановка вопроса объ оправданiи права приво-
дитъ къ предположенiю принудительнаго момента въ правѣ. Споръ съ анархизмомъ возможенъ только на почвѣ согла-
шенiя, что отличительнымъ признакомъ права является орга-
низованное принужденiе. Возраженiя противъ права дѣла-
ются анархистами именно съ точки зрѣнiя присущаго ему
принужденiя. При этомъ одни анархисты исходятъ изъ того
представленiя, что право всегда соединяется съ принужде-
нiемъ. „Что же это такое,—спрашиваетъ графъ Толстой,—то,
что называется этимъ страннымъ словомъ! Если разсуждать
не по „наукѣ“..., а по общему всѣмъ людямъ здравому
смыслу опредѣлять то, что въ дѣйствительности подразу-
мѣвается подъ словомъ „право“, то отвѣтъ на вопросъ о
томъ, что такое право, будетъ очень простой и ясный:
правомъ въ дѣйствительности называется для однихъ лю-
дей разрѣшенiе, даваемое имъ самимъ себѣ, заставлять дру-
гихъ дѣлать то, что первымъ выгодно; для вторыхъ же пра-
вомъ называется разрѣшенiе дѣлать все то, что имъ не
запрещено“ ²⁾. Другiе анархисты выдѣляютъ изъ права за-
коны, создаваемые государствомъ, и направляютъ свои на-
паденiя исключительно въ эту сторону. Такъ, Бакунинъ воз-

¹⁾ Знаменательно, что изъ семи главныхъ теоретическихъ анархистовъ
Годуинъ, Прудонъ, Штирнеръ, Тэкеръ, графъ Л. Н. Толстой, князь Кро-
поткинъ и Бакунинъ, трое представляютъ Россiю и принадлежатъ къ лучшимъ
дворянскимъ фамилиямъ.

²⁾ *Графъ Л. Н. Толстой, О правѣ.* (Голосъ студенчества, 1910, № 1.)

стаетъ только противъ закона, „которому каждый индивидъ принужденъ подчиняться подъ страхомъ навлечь на себя юридическое наказаніе“¹⁾. Такого же мнѣнія князь Кропоткинъ, когда онъ заявляетъ, что „законъ не имѣетъ никакого права на уваженіе людей“. „Его (закона) просвѣтительное значеніе отошло въ область преданій; у него только одна миссія—поддержки эксплуатаціи“. И если въ ближайшемъ будущемъ „законы будутъ совершенно упразднены“, то все же, безъ сохраненія добраго мира, останется еще то, „что юристы называютъ“ обычнымъ правомъ²⁾. Такъ какъ мы пришли къ заключенію, что право всегда соединяется съ признакомъ принудительности, то мы обязаны принять споръ съ анархизмомъ на почвѣ принужденія. Отрицающіе этотъ моментъ, какъ характерный для права, уклоняются отъ боя съ анархизмомъ. Одни направляютъ свои стрѣлы противъ принужденія въ правѣ, другіе отражаютъ ихъ заявленіемъ, что право возможно и безъ принужденія. Дѣло отъ такого расхожденія мало выигрываетъ въ ясности. Напротивъ, необходимо, признавъ, что принужденіе существенно для права, доказать необходимость правового принужденія.

Если защищать право со стороны его принудительности, то необходимо отстаивать и ту общественную организацію, которая дѣлаетъ организованное принужденіе возможнымъ, т.-е. государство. Безъ государства, по нашему взгляду, нѣтъ права. Съ этой, и только этой, точки зрѣнія, можно утверждать, какъ это дѣлаетъ Еллинекъ, не раздѣляющій нашей точки зрѣнія, что „вопросъ объ основѣ государства существенно совпадаетъ съ вопросомъ объ основѣ права“³⁾. Оправданіе права нераздѣльно съ оправданіемъ государства.

Оправданіе права сводится къ обоснованію необходимости права. Но сама необходимость можетъ быть обосновываема двоякимъ образомъ. Можно утверждать, что право этически

1) Бакунинъ, *Богъ и Государство*. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 15.

2) Кропоткинъ, *Paroles d'un révolté*, 1885, стр. 221, 227, 235.

3) Еллинекъ, *Общее ученіе о государствѣ*, 1908, стр. 165.

необходимо. Для цѣлей общества необходимо право,—и въ этомъ его оправданіе. Всегда и всюду, гдѣ есть общество, должно быть право. Такъ обосновываютъ право Штаммлеръ и Еллинекъ. „Проблема состоитъ въ томъ,—говоритъ первый изъ нихъ,—является ли правовое принужденіе единственнымъ отвѣчающимъ идеалу закономѣрной социальной жизни формальнымъ средствомъ“¹⁾. „Едва ли есть истина болѣе несомнѣнная,—утверждаетъ второй,—чѣмъ та, что необходимымъ слѣдствіемъ отсутствія государства и права явилось бы *bellum omnium contra omnes*“²⁾. Съ такой постановкой вопроса невозможно согласиться, потому что я могу мыслить общество и безъ права, могу допустить общежитіе безъ организованнаго принужденія.

Поэтому обоснованіе необходимости должно быть поставлено на другую почву: надо доказать, что право исторически необходимо. Рѣчь идетъ не о простой ссылкѣ на историческій опытъ: изъ того, что такъ раньше было, еще не слѣдуетъ, что такъ всегда будетъ. Обоснованіе права съ точки зрѣнія исторической необходимости сводится къ вопросу: если историческія условія привели, по закону причинности, къ образованію государства и права, возможно ли въ данный историческій моментъ отрѣшиться отъ государства и права безъ потери того, что человѣкъ цѣнитъ въ общежитіи?

Такъ именно ставится вопросъ анархистами, и потому споръ съ ними возможенъ только при условіи признанія ихъ точки зрѣнія. „И я, не колеблясь, говорю, заявляетъ Бакунинъ,—что государство есть зло, но зло исторически необходимое, столь же необходимое въ прошедшемъ, какъ рано или поздно будетъ необходимо его полное уничтоженіе“³⁾. Еще болѣе опредѣленно утверждаетъ Кропоткинъ, что „уничтоженіе государства съ его законами, со всей его системой управленія, со всѣмъ его объединеніемъ,

¹⁾ Штаммлеръ, *Хозяйство и право*, т. II, стр. 215.

²⁾ Еллинекъ, *Общес учніе о государствѣ*, стр. 164.

³⁾ Бакунинъ, *Богъ и Государство*. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 17.

становится историческою необходимостью“¹⁾. Дѣйстви-тельно ли, однако, насталь моментъ упраздненія права и государства, и оправданіе ихъ потеряло свое историче-ское основаніе?

Въ своей критикѣ государства и права анархизмъ близко подходитъ къ социализму. Но критика социализма направлена противъ государства и права, данныхъ во времени, критика же анархизма направлена противъ всякаго государства и всякаго права. Социализмъ—это голосъ обездо-ленного большинства, протестующій противъ господствующаго меньшинства, тогда какъ анархизмъ—это голосъ инди-вида, протестующаго противъ общества, подавляющаго его. Социализмъ стремится сплотить силы слабыхъ, чтобы овла-дѣть государственною властью съ цѣлью преобразовать право, анархизмъ же стремится вырвать у слабыхъ всякую надежду на государство и право.

Различіе взглядовъ представителей анархизма не пре-пятствуетъ говорить объ анархизмѣ въ цѣломъ. Разногла-сія существуютъ во всякомъ направленіи. Всѣ анархисты сходятся между собою въ томъ, что они отрицаютъ госу-дарство и право, основанныя на принужденіи²⁾.

Прежде всего, недостатокъ права обнаруживается въ возрастающей множественности и сложности нормъ права, затрудняющихъ его усвоеніе. „Стоитъ только начать за-конодательствовать,—замѣтилъ Годуинъ,—и не будетъ этому конца“. „Книга, куда право вписываетъ свои предписанія, все растеть, и міръ скоро окажется слишкомъ малымъ для всѣхъ будущихъ сводовъ“³⁾. „Законодательство,—присоединяется

1) Крпоткинъ, *Anaptis*, 1906, стр. 25.

2) Эльцбахеръ, *Сущность анархизма*, стр. 192, полагаетъ, что анархизму нельзя приписывать отрицаніе права и правового принужденія, какъ это утвер-ждаетъ Штаммлеръ, потому что тогда нельзя называть анархическими ученія Прудона, Бакунина, Крпоткина и Тэкера. Но приводимыя имъ цитаты изъ этихъ авторовъ доказываютъ именно, что правъ Штаммлеръ, потому что онѣ допускаютъ право, но не „юридическое“, какъ выражается Эльцбахеръ, а так-же принужденіе, но не организованное.

3) Эльцбахеръ. *Сущность анархизма*, стр. 31.

къ этому Прудонъ,—должно функционировать безостановочно. Законы, декреты, указы, ордонансы, циркуляры осыплютъ бѣдный народъ какъ градомъ. Вскорѣ вся политическая почва покроется бумажнымъ слоемъ, который геологамъ придется описывать подъ названіемъ бумажной формациі („formation papugacée“¹⁾).

Право несправедливо потому, что выражается въ общихъ нормахъ, пренебрегающихъ индивидуализаціей. Такъ, напр., по Годуину наслѣдство невозможно раздѣлить по законному шаблону безъ грубаго нарушенія справедливости. Со стороны анархизма, отстаивающаго свободу индивида, совершенно послѣдовательно протестовать противъ самой нормы.

Право бесполезно, потому что правовая угроза неспособна удержать кого бы то ни было отъ нарушенія нормы права. „Несомнѣнно, — утверждаетъ Кропоткинъ, — что страхъ наказанія никогда не остановилъ еще убійцы“. „Въ тотъ день, когда на убійцъ не стануть налагать никакого наказанія, число убійствъ не увеличится ни на одинъ лишній случай“²⁾.

Если нормы права не приносятъ пользы, то онѣ, несомнѣнно, причиняютъ вредъ. Государство даетъ однимъ власть надъ другими, а право является средствомъ властвованія. Между тѣмъ власть всегда развращаетъ людей. „Сколько ни придумывали люди средствъ для того, чтобы лишить людей, стоящихъ у власти, возможности подчинять общіе интересы своимъ, всѣ эти мѣры оказывались недѣйствительными. Всѣ знаютъ, что люди, находящіеся у власти, будь они императоры, министры, полицеймейстеры, городовые, всегда именно потому, что имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности“³⁾. Право служить закрѣпленію эксплуатаціи слабыхъ со стороны сильныхъ. „Законы! Кто не знаетъ, что они такое и какая

¹⁾ Proudhon, *Idée générale de la révolution au XIX Siècle* (Oeuvres complètes, 1868, т. X, стр. 136—137.

²⁾ Кропоткинъ, *Paroles d'un révolté*, стр. 240—241.

³⁾ Графъ Толстой, *Царство-Божіе внутри насъ*, 1895.

имъ цѣна! Паутина для сильныхъ и богатыхъ, цѣпи для слабыхъ и бѣдныхъ, не поддающіяся никакой стали, рыболовныя сѣти—въ рукахъ правительства“¹⁾. Право заглушаетъ мораль. „Когда какой-нибудь шахъ персидскій, Иоаннъ Грозный, Чингисъ-Ханъ, Неронъ, рѣжутъ, бьютъ людей тысячами, то это ужасно, но все-таки не такъ ужасно, какъ то, что дѣлаютъ господа правовѣды. Эти убиваютъ не людей, а все святое, что есть въ нихъ“. Въ душу человѣка „вложенъ одинъ высшій, очень простой, ясный и доступный всѣмъ законъ, не имѣющій ничего общаго съ предписаніями людей, называемыми правами и законами“. Этотъ законъ любви къ ближнимъ давно былъ бы всѣми усвоенъ, „если бы не тѣ коварныя и зловредныя усилія, которыя дѣлаютъ для того, чтобы скрыть этотъ законъ отъ людей“²⁾. Право подавляетъ свободу индивида. Человѣкъ создалъ себѣ изъ права идеаль, которому поклоняется „Государство ставить себѣ всегда цѣлью ограничить, обуздать отдѣльную личность, подчинить ее чему-нибудь общему. Но это продолжится только до тѣхъ поръ, пока отдѣльная личность не будетъ все во всемъ, и это показываетъ только мои самоограниченія, мою ограниченность, мое рабство“. „Чужая сила, сила, которую Я оставляю другому, дѣлаетъ изъ Меня раба“³⁾.

Такова безпощадная критика государства и права со стороны анархизма. Чѣмъ же предполагается замѣнить то, что называется государственнымъ и правовымъ строемъ?

Прежде всего необходимо имѣть въ виду двойственное значеніе слова „анархія“: безначаліе и беспорядокъ. Изъ того, что анархисты отрицаютъ власть и ея орудіе—право—не слѣдуетъ выводъ, будто они отстаиваютъ беспорядокъ,—пріемъ недобросовѣстной полемики, нерѣдко примѣняемый въ отношеніи направленія, враждебнаго современному порядку. Мы должны присмотрѣться именно къ тому, каковъ

1) Proudhon, *Idée générale de la révolution*, Oeuvres complètes, т. X, стр. 138.

2) Графъ Толстой, *О правѣ*. (Голосъ студенчества, 1910, № 1).

3) Максъ Штирнеръ, *Единственный и его достояніе*, 1907, стр. 213, 242.

тотъ порядокъ общежитія, которымъ предполагается замѣнить порядокъ, поддерживаемый государствомъ и правомъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду еще слѣдующія обстоятельства. Анархія, въ большей или меньшей степени, свойственна и современному общежитію. 1) Анархія господствуетъ въ той области, которая остается неорганизованной на началахъ принужденія. Такова область экономическихъ отношеній, насколько государство не опредѣлило ихъ нормами права, а предоставило инициативѣ каждаго на началахъ конкуренціи. 2) Анархія имѣетъ мѣсто въ обществѣ, насколько взаимныя отношенія опредѣляются одной моралью. „Да развѣ вся жизнь людей происходитъ въ сферѣ закона? Только одна тысячная доля ея подлежитъ закону, остальная часть происходитъ внѣ его, въ сферѣ нравовъ и воззрѣній общества“. 1) 3) Анархія конкурируетъ съ правомъ, насколько въ дѣйствительной жизни нормы права остаются безъ примѣненія или прямо нарушаются.

Въ предположеніяхъ того, что должно замѣнить собою современный порядокъ, обнаруживается большое разногласіе между анархистами. Одни кладутъ въ основу личное благо (Штирнеръ), другіе—общее благо (Годуинъ), одни—эгоизмъ (Прудонъ), другіе—любовь къ ближнимъ (Толстой). Индивидуалистическій анархизмъ сталкивается съ коммунистическимъ анархизмомъ и не мирится даже съ коллективистическимъ анархизмомъ.

Отрицаніе государства и права, какъ организованнаго принужденія, даетъ возможность только двумъ выводамъ. Можно анархическій порядокъ построить или а) на неорганизованномъ принужденіи или б) на устраненіи всякаго принужденія. Первое основаніе принимаютъ тѣ анархисты, которые предполагаютъ, что порядокъ способенъ держаться добровольными соглашеніями, второе основаніе слѣдуетъ видѣть въ ученіи тѣхъ, кто возлагаетъ всѣ свои надежды на мораль, лишенную санкціи.

1) *Графъ Толстой, Люцернъ* (Собраніе сочиненій, т. III).

Договорныя соглашенія, соединяющія людей въ союзы и обезпечивающія взаимный обмѣнъ услугами—выдвигается рядомъ анархистовъ. „Не изолированность, не одиночество, говоритъ представитель индивидуалистическаго анархизма, Максъ Штирнеръ,—а общество—вотъ естественное состояніе“. Что же сближаетъ людей? „Я предпочитаю расчитывать на своекорыстіе людей, а не на ихъ служеніе любви, ихъ милосердіе, жалость и т. п.“¹⁾ Такимъ образомъ „союзы эгоистовъ“ держатся личною заинтересованностью cadaго. „Я хочу договора,—говоритъ Прудонъ,—а не законовъ“. „Для того, чтобы я былъ свободенъ, чтобы надо мной былъ лишь одинъ законъ—мой собственный, и чтобы управлялъ мною я самъ, необходимо перестроить все общественное зданіе на началахъ взаимнаго договора“. ²⁾ „Моя свобода, или что то же самое, мое достоинство, какъ чело-вѣка,—утверждаетъ Бакунинъ,—заключается въ томъ, чтобы не подчиняться ни одному чело-вѣку и опредѣлять свои дѣйствія согласно своимъ собственнымъ убѣжденіямъ“. ³⁾ Чтобы всѣ чувствовали себя свободными, необходимо обосновать ихъ соединеніе не на власти, а на договорѣ. ⁴⁾ „Идеаль такого общества,—говоритъ Кропоткинъ,—гдѣ каждымъ управляетъ исключительно его собственная воля, достигимъ только путемъ „добровольныхъ союзовъ“. ⁵⁾ Потребность cadaго въ сотрудничествѣ, помощи, сочувствіи въ достаточной степени обезпечитъ соблюденіе договоровъ, положенныхъ въ основу такихъ союзовъ. ⁶⁾

А что, если личный интересъ не обезпечиваетъ въ достаточной степени соблюденіе договоровъ? Принужденіе не исключено въ добровольномъ общеніи. „Норма, по которой договоръ долженъ быть исполненъ, не будетъ покоиться

1) Максъ Штирнеръ, *Единственный и его достояніе*, стр. 289.

2) *Proudhon, Idée générale* (Э. 48).

3) Бакунинъ, *Богъ и государство*. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 13.

4) Бакунинъ, *Федерализмъ, социализмъ и антитеологизмъ*. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 53).

5) Кропоткинъ, *Анархія*, стр. 12—13.

6) Кропоткинъ, *La conquête du pain*, 1892, стр. 169.

исключительно на справедливости, но также и на общей волѣ людей, вошедшихъ въ общеніе,—волѣ, которая заставитъ выполнить заключенный договоръ, хотя бы силой“. 1) „Положимъ, вспыхнетъ ссора или сильный угнетаетъ слабо. Въ первомъ случаѣ самъ народъ подвергнетъ споръ третейскому суду, во второмъ же каждый гражданинъ сочтетъ своимъ долгомъ лично вмѣшаться, не дожидаясь полиціи; полицейскіе будутъ такъ же мало нужны, какъ судьи и тюремные смотрители“. 2) Однако Тэкеръ находитъ возможнымъ дѣйствіе добровольныхъ судовъ присяжныхъ, которымъ должно быть предоставлено не только сужденіе о поступкѣ, но и о томъ правѣ, на основаніи котораго поступокъ долженъ быть осужденъ. Съ точки зрѣнія Тэкера анархизмъ не исключаетъ возможности преслѣдовать и карать преступниковъ. „Гдѣ существуетъ преступленіе, тамъ должна существовать сила для его подавленія, кто же это отрицаетъ. Во всякомъ случаѣ не анархисты“. 3) Тюрьма, смертная казнь и даже пытки допустимы въ борьбѣ съ преступностью. „Это не значить, что общество, карающее смертною казнью, совершаетъ убійство. Убійство есть актъ нападенія. А смертная казнь—только актъ самозащиты“. 4)

Совершенно иначе ставится анархическій идеалъ съ точки зрѣнія тѣхъ, кто въ принципѣ отрицаетъ принужденіе, которымъ теперь пользуется государство. Анархическій порядокъ долженъ быть построенъ всецѣло на морали, не допускающей никакого принужденія. Люди, находясь въ общеніи, будутъ поступать согласно указанію альтруистическихъ чувствъ, и потому никакого столкновенія интересовъ не можетъ быть. „Существуетъ,—говоритъ графъ Толстой,—общій, признаваемый всѣми разумными людьми законъ, подтверждаемый и преданіемъ, и всѣми религіями всѣхъ народовъ, и истинной наукой, и совѣстью cadaго

1) *Proudhon, Idée générale de la révolution* (Oeuvres, т. X, стр. 293).

2) *Kropotkine, Revolutionary Studies* (цитировано по Эльцбахеру).

3) *Тэкеръ, Въмѣсто книги*, 1908, стр. 68.

4) *Тэкеръ, Въмѣсто книги*, стр. 216.

человѣка. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ люди одинаково для исполненія своего призванія и достиженія наибольшаго блага должны помогать другъ другу, любить другъ друга, во всякомъ случаѣ не посягать на свободу и жизнь другъ друга“. 1) Право, поддерживаемое силою, нарушаетъ заповѣдь непротивленія злу. Суда не должно быть. Для воздѣйствія за зло есть только одинъ путь—воздаянiя добромъ на зло. Царствiе Божiе наступитъ тогда, когда мы будемъ руководствоваться не правомъ, а заповѣдями Христа. 2)

Критика анархизма, направившаго свои нападенiя на государство и право, должна исходить не изъ представленiя о возможности въ далекомъ будущемъ осуществленiя анархическаго порядка, а изъ предположенiя, возможно ли немедленное упраздненiе государства и права. Такъ именно ставятъ вопросъ анархисты, которые не просто мечтаютъ о томъ, что можетъ быть черезъ тысячу лѣтъ, а настаиваютъ, что современный государственный правовой порядокъ, основанный на организованномъ принужденiи, долженъ быть немедленно замѣненъ общественнымъ порядкомъ, свободнымъ отъ организованнаго принужденiя или даже отъ всякаго принужденiя.

Нужно уничтожить всѣ законы и на ихъ мѣсто поставить одинъ законъ,—законъ любви. Но гдѣ онъ? Отсутствiе его въ сознании человѣка доказывается лучше всего историческимъ фактомъ существованiя государства и права. Если бы всѣ люди или хотя бы только всѣ „разумные“ люди находились подъ его дѣйствиемъ, развѣ потребовалась бы принудительная организациа защиты противъ другихъ общественныхъ группъ, угрожающихъ извнѣ, и противъ нѣкоторыхъ единицъ, угрожающихъ внутри общества, или для закрѣпленiя выгодной позиции господствующаго меньшинства? Откуда возьмется сейчасъ любовь къ ближнимъ, способ-

1) *Графъ Толстой, Что же дѣлать? 1907, стр. 10.*

2) *Графъ Толстой, Царство Божiе внутри насъ.*

ная замѣнить право, если люди исторически воспитаны въ чувствѣ вражды, въ стремленіи къ господству, въ зависти? Возможно, конечно, дѣйствіе нѣкоторыхъ выдающихся индивидовъ силою убѣжденія, соединеннаго съ обаятельностью ихъ личности. Но едва ли кто вѣрить, чтобы самая сильная проповѣдь преобразила всѣхъ людей, и пока останутся не поддавшіеся,—результатъ не достигнуть. Можно также дѣйствовать внѣшнимъ разрушеніемъ всего порядка, съ которымъ связаны чувства и убѣжденія людей. Но будетъ ли это и разрушеніемъ всей прежней психологіи, безъ чего немислимо новое построеніе? Можно, конечно, безъ труда разрушить дома, но такъ же ли легко сломить предрассудки?

Нужно, устранивъ право, поставить отношенія между людьми исключительно подъ дѣйствіе нормъ нравственности. Однако мораль есть продуктъ общественности. Хорошіе и дурные люди, по словамъ Макай, создаются общественнымъ строемъ. 1) Но, если нормы нравственности и нравственныя чувства зависятъ отъ общественной среды, то не значить ли это, что для поднятія нравственнаго уровня необходимо преобразовать эти общественныя условія? А какъ же ихъ преобразовать безъ содѣйствія государства и права? Если бы государство, путемъ правовыхъ нормъ, устранило все то, что возбуждаетъ, по мнѣнію анархистовъ, дурныя инстинкты въ людяхъ, то не примирило ли бы оно съ собой нынѣшнихъ враговъ своихъ? Для достиженія этого результата необходимо, чтобы государственная власть оказалась въ рукахъ тѣхъ, кто былъ бы заинтересованъ направлять ея силы въ сторону народнаго большинства. Эта цѣль осуществима только путемъ политической борьбы, которая предполагаетъ государство и право.

Представимъ себѣ, что, порвавъ политическія и юриди-

1) Макай, *Анархисты*, 1906, стр. 2. См. еще *Бакунинъ, Богъ и государство* (Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 11).

ческія узы, современные люди переходятъ къ образованію добровольныхъ союзовъ, основанныхъ на соглашеніи (механическая теорія!). Устраняется ли при этомъ допущеніе, что въ такихъ союзахъ окажутся элементы, настроенные антисоціально? Пусть ослабнутъ факторы преступности, все же исторія наложила свою печать на духовный складъ современнаго человѣка. Если такіе элементы возможны, то чѣмъ же поддерживается союзъ противъ ихъ вредоносныхъ дѣйствій? Союзъ исключаетъ неисправимаго эгоиста. Но если ни одинъ другой союзъ не пожелаетъ его принять; если онъ самъ не захочетъ удалиться? Насиліе неизбѣжно въ защиту союза. И мы видѣли, что анархисты (кромѣ Толстого) не отрицаютъ возможности реагированія со стороны общества. При сколько-нибудь значительномъ союзѣ,—а при современныхъ условіяхъ производства союзъ не можетъ быть незначительнымъ,—придется выдѣлить для защиты особые элементы. Не приведетъ ли это къ организаціи принудительной силы? А организація эта не поведетъ ли къ возстановленію государства и права? Не начнется ли исторія съ начала?

Анархисты тщательно избѣгаютъ говорить о томъ, въ какомъ отношеніи стануть одни союзы къ другимъ. Раздѣленіе земли и иныхъ богатствъ между союзами легко можетъ послужить вновь источникомъ вражды и факторомъ преступности. Примемъ во вниманіе, что приглашеніе перейти къ анархическому порядку дѣлается сейчасъ, когда народы воспитались въ національномъ чувствѣ. Не требуется ли организація защиты групповой неприкосновенности, а это, въ свою очередь, не потребуетъ ли политической организаціи?

Производство экономическихъ благъ, для большей успѣшности, непременно потребуетъ дальнѣйшаго раздѣленія труда, специальныхъ знаній, планомѣрнаго сотрудничества. Это окажется необходимымъ какъ для того, чтобы не тратить понапрасну силъ и средствъ, принадлежащихъ союзу, такъ и для того, чтобы успѣшно обмѣнивать продукты сво-

его труда на продукты другихъ союзовъ. Достижима ли организація производства безъ нормъ права и власти, ихъ поддерживающихъ?

Современныя большія и сложныя общественныя соединенія не выдержали бы давленія индивидуализма безъ правовыхъ скрѣпъ. „Господствующее стремленіе нашего времени есть стремленіе къ образованію тысячъ всевозможныхъ союзовъ и обществъ, для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей современнаго человѣка“. ¹⁾ Фактъ подмѣченъ правильно, но невѣрно истолкованъ, когда ему придается значеніе предвѣстника анархическихъ союзовъ. Современное государство, по своей величинѣ, не въ состояніи удовлетворить потребность человѣка въ ближайшемъ общеніи. Человѣкъ нуждается въ болѣе тѣсныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Но всѣ эти соединенія возможны только на фонѣ государственной и правовой организаціи.

Область современной анархіи показываетъ ясно, что общественная жизнь стремится итти не по пути ея расширенія, а, напротивъ, въ направленіи ея сокращенія, порою даже тамъ, гдѣ это невозможно. Слабость нравственной санкціи побуждаетъ упорно держаться за правовую санкцію иногда цѣною самообмана. Анархическое состояніе экономическихъ отношеній болѣе всего возбуждаетъ чувство справедливости противъ общественнаго строя и заставляетъ взывать къ вмѣшательству государства и права.

Государство и право построены на принужденіи, которое многимъ кажется несимпатичнымъ, пока дѣло не коснется защиты ихъ интересовъ. Но они необходимы для защиты интересовъ всѣхъ членовъ общества. Власть и право, конечно, могутъ служить интересамъ меньшинства въ ущербъ большинства. Но они же способны приспособлять меньшинство къ интересамъ большинства. Право есть сильное орудіе, опасное въ однихъ рукахъ, благодѣтельное въ дру-

¹⁾ Кропоткинъ, *Анархія*, стр. 27.

гихъ. Топоромъ можно срубить лѣсъ для постройки избы, но топоромъ можно и человѣка убить. Все дѣло въ томъ, чтобы право, какъ и топоръ, было въ такихъ рукахъ, въ которыхъ орудіе оказалось бы полезнымъ, а не опаснымъ.

На исторической очереди стоитъ принципъ социалистическій, а не анархическій, и лишь гдѣ то, на горизонтѣ, въ неясныхъ очертаніяхъ вырисовывается анархизмъ, который явится, можетъ быть, еще болѣе непримиримымъ врагомъ социалистическаго строя, чѣмъ самъ социализмъ въ отношеніи къ буржуазному строю.

Г. Шершеневичъ.

Жизнь и личность Григорія Саввича Сковороды ¹⁾.

Того, кто станетъ изучать жизнь и ученіе Сковороды, поистинѣ поражаетъ исключительная *цѣльность* его натуры, законченное *единство* его духовнаго облика. Его жизнь—лучшая иллюстрація его философіи, а его философія—прекрасное умозрительное истолкованіе его жизни. Сковорода пластически соединяетъ въ себѣ глубокую теоретическую мудрость съ практическимъ осуществленіемъ ея въ жизни. Онъ по-античному органиченъ. Онъ живетъ такъ, какъ думаетъ, и думаетъ такъ, какъ живетъ. Если, напр., Кантъ, творя огромную революцію въ области мысли, жилъ съ размѣренной точностью и аккуратностью, такъ что кенигсбергцы могли провѣрять по Канту часы, и если малозначительная жизнь Канта ничего не прибавляетъ къ многозначительности его философіи, то въ Сковородѣ мы имѣемъ рѣдкій примѣръ жизни, не менѣе значительной, чѣмъ его философія и философіи, *всецѣло* выросшей изъ личнаго душевнаго *опыта*. Личность Сковороды, нашедшая сильное выраженіе въ его жизни,—не менѣе крупная *философская* цѣнность, чѣмъ его произведенія.

Вотъ почему изученіе его жизни и личности представляетъ самостоятельный интересъ. ²⁾

Сковорода родился въ Малороссіи въ 1722 году, т.-е. въ

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ закрытомъ засѣданіи Религіозно-Философскаго Общества памяти В. Соловьева 9 марта 1911 года.

²⁾ Изложенію философіи Сковороды будетъ посвященъ особый очеркъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Вопросовъ фил. и психологіи».

послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Годъ и мѣсто рожденія Сковороды переносятъ насъ въ эпоху самага зачаточнаго воздѣйствія западной культуры на туземныя стіхія русской жизни. Для того, чтобы въ этихъ условіяхъ возлюбить философію и стать ея вѣрнымъ рыцаремъ, нужно было обладать глубоко-самобытной натурой, изнутри проникнутой философскимъ Эросомъ. Если Сковорода, сынъ простаго казака, становится однимъ изъ любопытнѣйшихъ европейскихъ философовъ XVIII вѣка, то этимъ обязанъ онъ не школамъ, въ которыхъ учился, не средѣ, въ которой вращался, не воздѣйствіямъ, получаемымъ отъ окружающихъ людей, а единственно *себѣ*, силъ *своего* устремленія къ философскому самопознанію.

Нужно принять во вниманіе эту культурную изолированность Сковороды, чтобы съ тѣмъ большей силой воздать должное его необычайности, его исключительной оригинальности.

Говоря грубо, жизнь Сковороды можно раздѣлить на три періода. Первый періодъ—подготовительный: годы юности и ученія. Второй—періодъ обостреннаго исканія и философскаго становленія. Третій—періодъ странничества и учительства.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

О первомъ періодѣ я скажу въ самыхъ общихъ чертахъ.

Дѣтство Сковороды протекло въ хорошихъ условіяхъ. По свидѣтельству Ковалинскаго, родители Сковороды отличались „честностью, страннопріимствомъ, набожествомъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ“ ¹⁾. Сковорода „по седьмому году отъ рожденія примѣтенъ былъ склонностью къ бого-

1) «Житіе» Сковороды, написанное Ковалинскимъ, напечатано первоначально проф. Сумцовымъ въ Киевской старинѣ, 1886 г., сент. Въ исправленномъ видѣ оно вошло въ юбилейное изданіе сочиненій Г. С. Сковороды, предпринятое историко-филологическимъ Харьковскимъ обществомъ подъ ред. проф. Багалѣя. На это превосходное изданіе я буду часто ссылаться, обозначая римской цифрою *часть*, а простыми цифрами страницы.

почтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ и твердостью духа“ ¹⁾. Поступивъ въ кievское училище, Сковорода „скоро превзошелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами“ ²⁾. „Отмѣнно пріятный голосъ“ и „дарованіе къ музыкѣ“ ³⁾ чуть было не сыграли въ жизни Сковороды рѣшающую роль. Онъ былъ избранъ въ придворную пѣвческую капеллу и прямо изъ казацкой хаты отправился къ пышному двору Елизаветы Петровны, „любительницы музыки и Малороссіи“ ⁴⁾. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, и „придворнымъ пѣвчимъ было неслыханное привольное житье“ ⁵⁾. Но прелести веселой придворной жизни были безсильны надъ духомъ Сковороды, и онъ уже черезъ годъ возвращается въ Малороссію для того, чтобы „паки учиться“ ⁶⁾. Онъ поступаетъ въ бурсу и проводитъ 6 лѣтъ въ усиленныхъ занятіяхъ философіей, математикой, метафизикой, естественной исторіей, богословіемъ и языками: еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ ⁷⁾.

Когда кievскій архіерей захотѣлъ посвятить Сковороду въ священники, Сковорода такъ испугался этой перспективы, что притворился сумашедшимъ и настолько искусно, что архіерей оставилъ его въ покоѣ и позволилъ жить, гдѣ угодно ⁸⁾.

Исполненный философской жажды, Сковорода не могъ удовлетвориться тѣмъ, что могъ дать ему Кіевъ. „Онъ пожелалъ видѣть чужіе края“ ⁹⁾. Случай скоро представился, и онъ въ качествѣ хорошаго пѣвчаго и знатока богослуженія былъ взятъ генераломъ Вишневскимъ въ Венгрію для

¹⁾ I, 2.

²⁾ I, 2.

³⁾ I, 2.

⁴⁾ I, 8.

⁵⁾ Данилевскій. Гр. Сав. Сковорода. Собр. соч. изд. Маркса, т. XXII, стр. 42.

⁶⁾ Ковалинскій, I, 3.

⁷⁾ Гессъ де Кальве. Украинскій Вѣстникъ, 1817 г.г. VI, стр. 110.

⁸⁾ Гессъ де Кальве. Ibid. стр. 111.

⁹⁾ Ковалинскій, I, 3.

строющейся тамъ православнои церкви. Съ позволенія Вишневекаго онъ „истинно философски, т.-е. пѣшкомъ“, сталь изучать чужеземную жизнь и обошелъ Вѣну, Оффенъ, Пресбургъ и „прочія окольныя мѣста“; такъ говоритъ Ковалинскій. Но Гессъ де Кальве, другой біографъ Скворода, районъ путешествія или лучше странствія Скворода значительно расширяетъ и говоритъ, что Скворода обошелъ Польшу, Пруссію, Германію и Италію. Во всякомъ случаѣ въ путешествіи онъ старался „знакомиться наипаче съ людьми и ученостью и знаніями отлично славимыми тогда“ ¹⁾, и, какъ прибавляетъ Гессъ де Кальве, посѣщаль лекціи, гдѣ только могъ ²⁾.

„Насытившись ученостью и свѣдѣніями“ и, очевидно, забывъ, для чего былъ взятъ генераломъ въ Венгрію, Скворода пожелалъ вернуться на родину. Разъ пожелавъ, онъ моментально исполнилъ свое желаніе и, положившись на „проворство ногъ своихъ“ ³⁾, быстро очутился въ Малороссіи. Прежде чѣмъ войти въ родную деревню, онъ по какому-то инстинкту зашелъ на кладбище и, предаваясь тамъ размышленіямъ, вдругъ наткнулся на свѣжія могилы. Изъ надписей онъ узналъ, что отецъ, мать и братъ его переселились въ лучшей міръ.

Скворода остался одинъ, одинокъ, и какъ говоритъ Гессъ де Кальве, „былъ подобенъ кольцу, выброшенному изъ цѣпи челоуѣчества“ ⁴⁾. Съ этого времени начинается періодъ одиночества, ухода *внутрь*, обостреннаго разлада съ самимъ собой и страстнаго *исканія*. Сквородѣ было уже тридцать лѣтъ.

Періодъ *Lehrjahre* кончается. Прежде чѣмъ итти дальше, отдадимъ себѣ отчетъ въ учености Скворода, т.-е. въ характерѣ и объемѣ познаній, вынесенныхъ имъ изъ пребыванія въ бурсѣ и заграничнаго путешествія.

¹⁾ Ковалинскій, I, 3.

²⁾ Гессъ де Кальве, *ibid.* стр. 112, см. также статью А. К. въ „Воронежскомъ литературномъ сборникѣ“, изд. Гарденина. 1861 г. стр. 256.

³⁾ Гессъ де Кальве, *ibid.* стр. 113.

⁴⁾ *ibid.* стр. 114.

„Онъ говорилъ весьма исправно—съ особливою чистотою латинскимъ—нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣль эллинскій“ ¹⁾. Это еще до путешествія. Кромѣ того, онъ зналъ еврейскій настолько хорошо, что *Библию* читалъ по-еврейски ²⁾. Для простого бурсака такія познанія исключительны. Филологическія дарованія Сковороды были очевидно огромны и напоминаютъ другіе два примѣра рѣдкой филологической одаренности въ исторіи русской философской мысли: В. С. Печерина и В. И. Иванова.

Будучи очень далека отъ того ученаго, надъ которымъ издѣвается Гейне, говоря, что ему даже ночью снилось пересаживаніе цитатъ съ одной грядки на другую, Сковорода менѣе всего задавался цѣлью показать въ сочиненіяхъ своихъ начитанность и свои разностороннія познанія. Онъ никогда не дѣлаетъ *ссылокъ*, вотъ почему сужденіе объ *объемѣ* его учености произвести невозможно. Принимая во вниманіе остроту его ума и сильную волю къ познанію, мы можемъ только заключить, что познанія его были обширны. Его постояннымъ, сознательнымъ правиломъ было: *pop multa sed multum* ³⁾, и обширность его познаній, о которой мы только заключаемъ, сочеталась съ глубокой продуманностью усвоеннаго, о чемъ мы уже категорически узнаемъ изъ его сочиненій.

Если объемъ познаній Сковороды для насъ не ясенъ, то зато очень ясенъ *характеръ* познаній. Сковороду отличаетъ рѣдкое благородство вкуса. Его влекла, во-первыхъ, античность и для своего времени онъ былъ совершенно исключительнымъ ея знатокомъ. Въ античности его прежде всего интересовала *theologia ethnica* ⁴⁾, „природные богопроповѣдники“ ⁵⁾. Онъ знаетъ „боговидца“ Платона ⁶⁾, Исократу ⁷⁾,

¹⁾ Ковалинскій, I, 3.

²⁾ Гессъ де Кальве. *Ibid.*, стр. 115.

³⁾ 76-ое письмо къ Ковалинскому, I, 105.

⁴⁾ 18 письмо, I, 59.

⁵⁾ II, 154.

⁶⁾ II, 252, Потопъ Зміинъ Рук. Рум. музея за № 1488.

⁷⁾ I, 42.

Демосѣена ¹⁾), знаетъ въ подлинномъ текстѣ многихъ представителей до-сократовской философіи ²⁾), Эпикура ³⁾), Аристотеля ⁴⁾), Филона, Марка Аврелія, Лукіана, Плутарха (котораго называютъ *vir plenus fidei ac venustatis*) ⁵⁾), наконецъ, детально знаетъ римскую литературу: Горація (котораго называетъ „римскимъ пророкомъ“), Виргилія, Цицерона, Сенеку, Лукреція, Персія, Теренція ⁶⁾). Въ письмахъ къ Ковалинскому, написанныхъ языкомъ Цицерона, онъ часто мысль свою выражаетъ стихами латинскихъ поэтовъ.

Не менѣе античности привлекала вниманіе Сковороды органически связанная съ античной философіей *патристика*. Онъ изучалъ Климента Александрійскаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста ⁷⁾), Исидора (Пелусіота), Василія Великаго, Евагрія ⁸⁾ (*τά μωαυρία*)—съ одной стороны, а съ другой—Оригена, Діонисія Ареопагита, св. Максима Исповѣдника ⁹⁾). Если изученіе первыхъ было прямымъ занятіемъ бурсака, то изученіе вторыхъ, находящихся подъ подозрѣніемъ у рядового православія и полныхъ большихъ философскихъ трудностей, могло быть дѣломъ чисто *личной* потребности Сковороды и ведено было исключительно своими силами. Вообще нужно сказать, что даже своей теоретической освѣдомленностью Сковорода обязанъ прежде всего *себѣ*. Не школа дала ему его познанія, а самъ онъ впиталъ ихъ въ себя подъ воздѣйствіемъ внутренней произвольной потребности. Вотъ отчего знанія Сковороды были такъ *органичны*, и мысли его, рождаясь, моментально облекались плотью и кровью *дѣйствія*. Если у большинства философовъ

1) I, 42.

2) I, 42, I, 51.

3) II, 252.

4) I, 46.

5) I, 14.

6) На всѣхъ нихъ частыя ссылки въ письмахъ къ Ковалинскому.

7) I, 180.

8) I, 45.

9) I, 14.

мысли просятся прежде всего *на бумагу*, то у Сковороды мысли прежде всего просились въ *жизнь*, и въ этомъ онъ походилъ на великаго Сократа.

ВТОРОЙ ПЕРИОДЪ.

Вернувшись изъ-за границы, Сковорода остался одинъ и „былъ подобенъ кольцу, выброшенному изъ цѣпи челоуѣчества“.

„Побывавши въ родной деревушкѣ, онъ взялъ опять свой странническій посохъ,—говорить Гессъ де Кальве,—и *многими обходами* пошелъ въ Харьковъ“. Начинается десятилѣтній періодъ одиночества и ухода внутрь.

Прежде чѣмъ попытаемся заглянуть въ душу Сковороды, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнихъ фактахъ его жизни за этотъ періодъ.

Стѣсняя небогатыхъ пріятелей и не имѣя самъ ничего, Сковорода принялъ предложеніе преподавать поэтику въ Переяславлѣ, сдѣланное тамошнимъ епископомъ. Самобытность Сковороды сказалась и здѣсь. Какъ говоритъ Ковалинскій, онъ „написалъ разсужденіе *о поэзїи столь новымъ образомъ*“, что епископу оно показалось страннымъ и несообразнымъ старинному обычаю. Епископъ „приказалъ перемѣнить“. Сковорода уперся и моментально былъ изгнанъ. „Поэтика“ Сковороды не дошла до насъ. Но, какъ можно заключить изъ словъ Снегирева ¹⁾, онъ въ своемъ разсужденіи *слѣдовалъ Ломоносову*, высокая оцѣнка котораго и привела въ гнѣвъ епископа, предпочитавшаго силлабическіе стихи Симеона Полоцкаго.

Вторая попытка „устроиться“ кончилась также плачевно. Приглашенный къ помѣщику Тамарѣ воспитывать сына его Василю, Сковорода быстро снискалъ любовь своего воспитанника. Его педагогическіе приемы на рѣдкость оригинальны и свѣжи. Какъ говоритъ Ковалинскій, „Сково-

¹⁾ Отечествен. записки 1823. № 42.

рода началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ рошеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовью“. Очевидно, Сковорода, подобно Сократу, имѣлъ въ себѣ что-то исключительно притягательное. Черезъ тридцать лѣтъ его ученикъ Василій Тамара пишетъ бывшему учителю трогательное, полное преданности и любви письмо. Но теперь вышло недоразумѣніе. Ученикъ сказалъ глупость, Сковорода его выругалъ, дворянка передала барынѣ, барыня возмутилась, и Сковорода былъ отставленъ. Сановный и гордый Тамара, человекъ большого ума, видимо неохотно разстался со Сковородой. Въ первый разъ заговоривъ съ нимъ, онъ сказалъ: „Прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!“ ¹⁾

Оставшись опять не при чемъ, Сковорода видимо не знаетъ, что ему дѣлать, и мало интересуется этимъ вопросомъ. Какой-то пріятель его (очевидно, по бурсѣ) уговорилъ его ѣхать въ Троице-Сергіевскую лавру. Здѣсь онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на преподавателей академіи, и „многоученый Кириллъ“, намѣстникъ лавры, „нашедъ въ немъ человека отличныхъ дарованій и учености, хотѣлъ устроить его для пользы училища“ преподавателемъ академіи. Но, безцѣльно пріѣхавъ, Сковорода опять уже захотѣлъ на родину и, захотѣвъ, немедленно уѣзжаетъ ²⁾.

Зачѣмъ? Неизвѣстно.

Очевидно, онъ въ нерѣшимости и тоскѣ. Очевидно, душа его, вниманіе его поглощены чѣмъ-то другимъ.

Чѣмъ же?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно разобраться въ *психикѣ* Сковороды, основныхъ элементахъ его душевнаго склада. Мы имѣемъ циклъ стихотвореній

¹⁾ Ковал. I, 5 ср. А. К. въ Ворон. сборн. стр. 255.

²⁾ Ковал. I, 5.

Сковороды: „Сады божественныхъ пѣсней“. Это лирика нашего чудака—торжественная, величавая и правдивая. Его современникамъ и, можетъ быть, ему самому казалось, что въ этихъ пѣсняхъ одно славословіе, къ которому иногда примѣшивается сатира, но для насъ цѣненъ прежде всего лиризмъ „Сады божественныхъ пѣсней“, съ яркостью выражающей мятущуюся и хаотическую душу Сковороды. Здѣсь мы имѣемъ возможность заглянуть въ то, что съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ можетъ быть названо „подпольемъ“ Сковороды или лучше темной, стихійно-природной подосновой его характера.

Нѣкоторые склонны считать Сковороду идиллически цѣльнымъ, наивно-гармоническимъ. Это глубоко невѣрно. Цѣльность Сковороды *трагическая* и гармонія его—плоды мучительнаго *κάθαρσις*, имъ пережитаго.

Ахъ ты тоска проклята! о докучлива печаль!

Грызешь мене измлада, какъ моль платью, какъ ржа сталь.

Ахъ скука! ахъ ты мука, люта мука!

Гдѣ ли пойду, все съ тобой, вездѣ всякій часъ ¹⁾.

Это не простая скука, извѣстная какъ настроеніе каждому. Это одна изъ стихійныхъ чертъ Сковороды. Она всегда съ нимъ, вездѣ, всякій часъ; она уже съ дѣтства грызетъ его душу, грызетъ непрерывно и больно; онъ чувствуетъ себя безсильнымъ бороться съ нею, свирѣпствующею въ немъ какъ дикій звѣрь; она исторгаетъ въ немъ слезы и вопли. Невольно вспоминается „сѣрый карликъ“, „сѣрый философъ“ В. Печерина и скука, терзавшая В. Соловьева. Но скука Сковороды сильнѣе и порывистѣе. Она какъ буря внезапно налетаетъ на ничего не ожидающаго Сковороду и въ буквальномъ смыслѣ *гонитъ* его, какъ какую-то щепку. Съ переяславскихъ степей перекидываетъ въ Курскъ съ такой стремительностью, что онъ бѣжитъ безъ оглядки, еле успѣвъ захватить „ютку да бурку“, и въ это

¹⁾ Пѣснь 19-ая, II, 279.

время внутри его адъ: желанія въ безысходности крутятся какъ листвіе и вихрь сѣчетъ, потрясаетъ неутвержденную душу ¹⁾.

Въ душѣ его есть щели и дыры и дыханіе ада, врываясь опустошительной бурей, кидаетъ его въ разныя стороны. Отсюда глубокой, живой пессимизмъ его мірочувствія. Черезъ разладъ и хаосъ своей души онъ съ яркостью ощущаетъ разладъ міровой, хаосъ вселенскій. Человѣкъ для него „преглупая тварь“ ²⁾. *Stultissimum genus hominum.* Онъ говоритъ то, что будетъ съ виртуозностью повторять Шопенгауэръ: „истинно добрый человѣкъ рѣже встрѣчается, чѣмъ бѣлый воронъ. Много нужно фонарей Диогена, чтобы найти его“. *Vere bonus homo corvo est rarior albo. Quem ut invenias multum tibi laternis diogenicis est opus* ³⁾. *Mundus stultorum cavea errorumque taberna.* Тайныя слезы міра, о которыхъ впоследствии гениально будетъ пѣть Тютчевъ, подслушаны Сковородой.

Миръ сей являетъ видъ благолѣпный,
Но въ немъ таится червь неусыпный...
Горе ти, Міре. Смѣхъ внѣ являешь,
Внутрь жъ душою тайно рыдаешь ⁴⁾.

Тайный плачъ міра улавливается Сковородой потому, что въ его душѣ что-то стихійно рыдаетъ.

Проживи хоть триста лѣтъ, проживи хоть цѣлый свѣтъ,
Что тебѣ то помогаетъ,
Если сердце внутрь рыдаетъ.

Завоюй земный весь шаръ, будь народамъ многимъ царь,
Что тебѣ то помогаетъ,
Аще внутрь душа рыдаетъ ⁵⁾.

¹⁾ Письмо 75-ое, I, 103.

²⁾ Ibid. I, 67.

³⁾ Письмо 22-ое, I, 61.

⁴⁾ II, 250.

⁵⁾ Пѣснь 28-ая, II, 283.

Въ то время какъ торжествующій рационализмъ договорился до метафизической маниловщины въ „Теодицеѣ“ Лейбница, Сковорода ужасается передъ міромъ:

Я....

Разслабъ, ужаснулся, поблѣдъ.

О горе сущимъ въ немъ! ¹⁾.

И это смятеніе духа въ одномъ стихотвореніи находитъ сильнѣйшее выраженіе. Хаосъ разлада и внутренней неутоленности *жжетъ* Сковороду, какъ адскій пламень. Каменья, сердце ожесточается. Замѣчательнъ образъ: Тотъ, Кто въ горахъ *раздираетъ проходы источникамъ*, пусть дасть внутреннему мученію Сковороды изойти въ неисходныхъ рыданіяхъ; пусть дасть болѣзни, внутренне сожигающей Сковороду, *выходъ* чрезъ обильныя слезы. Сковорода изнываетъ отъ муки, не могушей даже реализоваться въ слезахъ. И слезъ, и рыданій онъ проситъ, какъ облегченія—пусть слезы будутъ долгими, безконечными, только бы въ нихъ нашла какой-нибудь выходъ спертая скорбь его духа ²⁾.

Передъ нами разверзается то, что самъ Сковорода называетъ „сердечными пещерами“ ³⁾. Упреждая на много десятилѣтій Шопенгауэра, Сковорода отчетливо осозналъ, что въ этихъ пещерахъ, темныхъ, непроницаемыхъ, полныхъ мрака и мрачности, волнуется и дышитъ первооснова космическаго хаоса—злая, ненасытная *воля*.

Воля, адъ, твоя проклята,

Воля наша пещь намъ ада...

Воля! о насытый адъ!

День ночь челюстями зѣваешь,

Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь... ⁴⁾.

Все плотское пожирается ненасытнымъ адомъ воли, обращается въ скуку, скрежетъ, тоску, печаль. Сковорода чувствуетъ неусыпность, неистомность, *безконечность* воли.

¹⁾ Пѣснь 17-ая II, 272.

²⁾ II, 292.

³⁾ Пѣснь 28-я II, 283.

⁴⁾ Пѣснь 28-я II, 284.

*Бездна духъ есть въ человекѣ, водъ всѣхъ
ширшій и небесь.*

Волнуемый хаотической волей, заливаемый ею, Сковорода видитъ въ ней *море и бурю*.

Челнокъ мой бури вихрь шатаетъ,
Се въ бездну, се выпрь свергаетъ!
Ахъ, нѣсть мнѣ днесь мира
И нѣтъ мнѣ навклира,
Се море мя пожираетъ!
Гора до небесь восходитъ,
Другая до бездны низводитъ
Надежда мнѣ таетъ,
Душа исчезаетъ,
Ждахъ и се нѣсть помогай! ¹⁾.

Итакъ—злая, „несытая“, слѣпая („безъ взгляда“) хаотическая *воля*—вотъ что наполняетъ „сердечныя пещеры“ Сковороды. Онъ съ сочувствіемъ приводитъ слова Августина: *tolle voluntatem propriam et tolletur infernus*: истреби волю собственную и истребится адъ ²⁾. Воля—это вопросъ вопросовъ и фокусъ всѣхъ трудностей. Здѣсь „вся высота богословскія пирамиды“, „весь Іорданъ богومудрія“ ³⁾.

Но если воля такъ хаотична въ Сковородѣ, если онъ потрясается ею,—гдѣ выходъ? *Возможенъ ли выходъ?* Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны глубже проникнуть въ душу Сковороды.

Скука, которая есть какъ бы изжога воли, поглощающей то, что не можетъ волю насытить, хаотическая разстроенность духа, ожесточенная окаменѣлость сердца—все это признаки *бользненнаго* состоянія. Это мертвенность, сковывающая жизненныя силы духовнаго организма. Сковорода рвется изъ этой мертвенности, и первый порывъ состоитъ въ ея осознаніи. Онъ чувствуетъ себя мертвымъ, лежа-

1) Пѣснь 29-ая II, 285.

2) II, 284.

3) II, 284.

щимъ во гробѣ, подобно Лазарю, заваленному камнями. Но чувствуя себя мертвымъ, онъ *хочетъ* не смерти, а *жизни*. Рождается новый порывъ, существенный и значительный. Воскресеніе послѣ Голгоѣы. Дабы воскреснуть, страждущій духъ Сковороды ищетъ *распятыя*, ищетъ мертвенность свою вознести на крестъ. Въ пасхальные дни вотъ чего просить онъ:

Сраспни мое тѣло, спригвозди на крестъ,
Пусть буду жъ внѣ не цѣлый, дабы внутрь воскресъ.
Пусть внѣшній мой изсохнетъ
Да новый внутрь цвѣтетъ; се смерть животна... ¹⁾

Это поворотъ отъ мрака къ свѣту. Поворотъ, естественно находимый душой, страданія которой дошли до *предѣла*, ей свойственнаго. Сковорода не обращается къ Церкви. Вѣря въ нее, онъ не идетъ къ священнику, чтобъ душу свою облегчить исповѣдью и покаяніемъ; онъ не идетъ въ монахи, чтобы волю свою связать послушаніемъ и аскезой. Исцѣленія ищетъ онъ въ *тайной своей природѣ*. Сораспяться онъ *хочетъ* не по церковно-мистическимъ мотивамъ, а лишь для того, чтобъ обрѣсти *въ себѣ* новаго, тайнаго, скрытаго человѣка.

Вяч. Ивановъ говоритъ:

И по Землѣ по цвѣтоносной много,
Братья любви, Голгоѣъ святыхъ.
Кущи деревъ ждуть вашихъ рукъ простертыхъ,
Терніе ждетъ багрянныхъ.

Голгоѣа, которую возжелалъ духъ Сковороды—это *Голова земли*, а не Голгоѣа неба, вотъ отчего муки креста и распятыя не выводятъ Сковороды изъ сферы природно-мистическихъ переживаній. Онъ необычайно вѣренъ себѣ, своей природѣ, и эта вѣрность спасая его, намѣчаетъ своеобразный выходъ изъ его душевнаго разлада.

Стихійно-природное, пройдя черезъ внутреннюю Голгоѣу, преобразается въ *благодатно-природное*. Душевные грозы

¹⁾ II, 264.

и бури, проносясь и кончаясь, открываютъ въ душѣ Сковороды тишину и лазурь.

Прошли облака. Радостно дуга сіяетъ.
 Прошла *вся* тоска. Свѣтъ нашъ блистаетъ...
 Прощай о печаль, прощай, прощай зла утроба... ¹⁾

Воля, „гнѣздящаяся въ душевной точкѣ“, переставая хаотизировать душу, какимъ-то чудомъ становится началомъ возносящимъ и организующимъ...

Если Сковорода для своего безудержнаго алканія и своей огромной тоски нашель великолѣпный образъ оленя, который, „нажравшись досыта змievъ и не стерпя внутрь палющія ядомъ жажды“, бѣшено мчится на источники водные, то теперь этотъ образъ символизируетъ преображенную *силу стремленія*, возносящаго въ горнія страны умопостигаемаго покоя и насыщенія.

Се мой любезный прескоръ скачетъ младый елень
 Выше небесъ, выше горъ; крынь мой чистъ, новъ, зеленъ.
 Сладость его есть гортань, очи голубины,
Весь есть любовь и харранъ, руцѣ кристаллины.
 Ахъ! обрати мнѣ свой взоръ: онъ мя *окрыляетъ*.
 Выше стихій, выше горъ онъ мя *оперяетъ*. ²⁾

Хаосъ гармонизуется. Безудержная воля, напрягаясь и собираясь, освобождаетъ, возносить. Бросается въ глаза сходство между оленемъ Библии Сковороды и Эросомъ Платона.

Какъ Эросъ постепенно возноситъ душу, вѣрную ему, къ безвидной Красотѣ, самой въ себѣ, такъ Олень стремленія, окрыляя и оперяя душу Сковороды, несетъ ее выше горъ, выше *стихий*. Въ своемъ послѣднемъ опредѣленіи онъ весь *любовь и харранъ*. Онъ прикасается ко всему кристально-чистыми прикосновениями. Видитъ все тѣмъ „окомъ голубицы“, которое „взираетъ выше водъ потопныхъ (т.-е.

¹⁾ II, 272.

²⁾ II, 275, 276.

минуя призракъ феноменальности) на прекрасную ипостась Истины 1)“.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ: гдѣ душа Сквороды?

Душа его въ бореніи.

Ему нужно было до конца восчувствовать и познать свой хаосъ. Его душа, какъ „африканскій олень“, налоталась ядовитыми и ненасытимыми впечатлѣніями жизни и ему нужно было, чтобъ воля его, обратившись въ прескорога оленя Библии, помчалась къ цѣлительнымъ горнымъ источникамъ божественной Мудрости.

Мы разсмотрѣли сейчасъ психику Сквороды въ статическомъ разрѣзѣ. Намѣтили основные элементы переживаній. Сквороды Намъ будутъ теперь понятны краткія свѣдѣнія о томъ *динамическомъ самоопредѣленіи* Сквороды, которымъ внутренне кончается второй періодъ его жизни,— періодъ обостренныхъ исканій.

Не успѣлъ Скворода вернуться изъ своей безцѣльной поѣздки въ Троицу, какъ уже Тамара черезъ пріятеля сталь уговаривать его, „чтобъ паки къ сыну опредѣлился учителемъ“. Скворода не соглашался, но желаніе Тамары было такъ велико, что пріятель „обманомъ привезъ Сквороду въ деревню къ Тamarѣ ночью спящаго“.

Съ Тамарой за время отсутствія Сквороды случилось что-то рѣшительное. Гербовая спесь слетѣла съ него отъ какого-то жизненнаго удара, и онъ къ людямъ сталь относиться иначе. Не говорившій раньше со Сквородой ни слова, онъ теперь обласкалъ Сквороду, своею *любовью и откровенностью* покорилъ Сквороду, и Скворода остался у Тамары съ сердечнымъ желаніемъ, безъ договора, безъ условій 2).

Скворода очутился наконецъ въ тѣхъ условіяхъ, о ко-

1) II, 254.

2) Ковал. I, 6.

торыхъ давно мечтавъ. Онъ получилъ возможность узнать силу и прелесть спокойнаго уединенія и уединеннаго досуга. Отзанимавшись, онъ былъ совершенно свободенъ и могъ со всей страстью отдаться своему внутреннему міру. „Часто въ свободные часы отъ должности своей онъ удалялся въ поля, рощи, сады для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы сообщниками глумленій (забавъ) его“. Основной вопросъ его жизни—*разобраться въ себя*, побѣдить хаосъ своей природы, найти дѣло и мѣсто въ жизни, былъ теперь пережить Сковородой во всей остротѣ. „Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его попеременно къ принятію какого-либо состоянія въ жизни“. Онъ мысленно все перебралъ и мысленно ко всему примѣрился. Суету міра и горечь мірской жизни онъ ощутилъ уже въ достаточной степени. Принять монашество ему мѣшало то, что въ монашествѣ, „удалаясь отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно“¹⁾. И вотъ онъ принимаетъ рѣшеніе на всю жизнь,—рѣшеніе, которое плоды свои стало приносить только черезъ десять лѣтъ. Въ напряженности внутренней борьбы онъ прежде всего отвергаетъ самую идею *внѣшняго* жизненнаго самоопредѣленія. Онъ не хочетъ стать ни монахомъ, потому что таковъ одинъ изъ обычныхъ путей, ни занять какую-нибудь свѣтскую должность, потому что таковъ другой изъ обычныхъ путей. Онъ ставитъ передъ собой задачу: не себя втиснуть въ какое-нибудь изъ существующихъ вакантныхъ мѣстъ въ жизни, а творчески создать себѣ такое положеніе въ жизни, которое бы ему соотвѣтствовало. И вотъ основное его рѣшеніе: стать *творцомъ* своей жизни, положить въ основу своего внѣшняго самоопредѣленія самоопредѣленіе *внутреннее*, а такъ какъ начинать нужно съ послѣдняго, то онъ, отбросивъ все внѣшнее, предпринялъ только *внутреннее* рѣшеніе.

¹⁾ I, 6.

„Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостыжанія, всѣ трудности излишества“¹⁾).

Высокое настроеніе его вылилось въ пѣсню:

Оставь, о духъ мой, вскорѣ всѣ земныя мѣста!

Взойди, духъ мой, на горы, гдѣ правда живетъ свята!..

Въ этотъ критическій моментъ жизни онъ увидѣлъ сонъ, который тогда же подробно записалъ. Жизнь прошла передъ нимъ въ рядѣ видѣній. Онъ увидѣлъ себя въ царскихъ чертогахъ, гдѣ веселились, плясали и въ роскошной обстановкѣ предавались любви. Потомъ „повела его сила“ къ простому народу, гдѣ веселье, пляска, любовь предстали передъ нимъ въ болѣе грубыхъ формахъ, потомъ онъ очутился на постоянныхъ дворахъ, гдѣ ссорились и кричали. Наконецъ, онъ почувствовалъ себя въ храмѣ, обширномъ и прекрасномъ, и тутъ „якобы въ день сошествія св. Духа“ онъ служилъ литургію и „чувствовалъ внутренне сладчайшее удовольствіе“, изобразить которое онъ не можетъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ, что въ союзныхъ почти храму комнатахъ нѣкіе люди „одѣтаго въ черную ризу челоуѣка, имѣвшіе голыя колѣни и убогія сандалии, убитаго въ рукахъ держа, при огнѣ колѣни и икры жарили и мясо съ истекающимъ жиромъ отрѣзывали и, отгрызвая, жрали. Не стерпя смрада и свирѣпства сего, Сковорода *отвратилъ очи и вышелъ*“²⁾). Этотъ сонъ необычайно характеренъ: это не просто сонъ; это *смыслъ* всего боренія Сковороды. Онъ „отвратилъ очи“ отъ *всего содержанія* жизни, отъ всего просто даннаго, онъ „вышелъ“ изъ всѣхъ обычныхъ условій существованія; какъ истинный философъ, онъ съ *жизнью* своей еродѣлалъ то, что хотѣлъ продѣлать съ *мыслью* своею

¹⁾ I, 7.

²⁾ I, 8.

Декартъ. Если Декартъ методическимъ сомнѣніемъ рѣшилъ избавить теоретическую мысль свою отъ господства традиціи и предразсудковъ и для этого, усомнившись во всемъ, пытался хотя бы на время оставить мысль наединѣ съ самою собою, то Сковорода отважился на нѣчто болѣе рѣшительное и грандіозное: онъ отвергъ всякое готовое содержаніе *жизни*, а не только мысли, и, усомнившись во всѣхъ путяхъ, рѣшилъ „прежде всего остаться съ *самимъ собою*, овладѣть своимъ „я“ и *создать* себѣ такую жизнь, которая бы всецѣло, во всѣхъ своихъ частяхъ, *вытекала* (т.-е. логически слѣдовала) изъ чистой идеи его внутренняго существа.

Можетъ показаться, что это рѣшеніе мало содержательно,—ибо носить отрицательный характеръ и мало значительно,—ибо такія внутреннія рѣшенія предпринимаютъ всѣ люди, и не разъ въ жизни. Но Сковорода обладалъ огромною *цѣльностью* и непоколебимою послѣдовательностью *воли*. Значительность этого его рѣшенія доказывается тѣмъ, что оно легло въ основу всей второй половины его жизни, которая своей содержательностью раскрыла и показала, какое цѣнное зерно заключалось въ этомъ его по виду скромномъ рѣшеніи.

Внѣшнимъ образомъ ничего особеннаго не произошло, и нѣкоторое время его жизнь продолжаетъ протекать хотя и съ причудливостью, обычно ему присущей, но не представляющей чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго.

Когда ученику его нужно было для ученія переѣхать въ городъ, Сковорода, мирно разставшись съ нимъ, принялъ предложеніе епископа Іосафа и сталъ преподавать „поэзію“ въ харьковскомъ училищѣ (въ 1759 г.). Черезъ годъ, когда къ нему стали приставать, убѣждая принять монашество и обѣщая митру, Сковорода „возревноваль по истинѣ“ и, рѣзко отвѣтивъ на „предложенія“, ушелъ изъ училища. Въ окрестностяхъ Бѣлгорода въ деревнѣ Старицѣ онъ нашель у одного пріятеля своего полное уединеніе и воспользовался имъ для того, чтобъ углубить свое жизненное рѣшеніе и „прилежалъ больше всего къ позна-

нію себя“. Любовь къ уединенію и свободѣ въ немъ возрастала, и онъ „проводя дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечалии, часто при посѣщающихъ его говорилъ: „свобода, о наука“! ¹⁾). О немъ начала распространяться слава и его стали посѣщать, какъ мудреца; онъ вель бесѣды съ посѣтителеми и наслаждался уединеніемъ. Очень характерно для Сковороды, какъ уединеніе это было прервано. Дядя Ковалинскаго просилъ Сковороду познакомиться съ племянникомъ и обратить на него свое вниманіе. Приѣхавъ въ Харьковъ, Сковорода увидаль этого самаго племянника, и тутъ произошло нѣчто неожиданное. „Сковорода, посмотря на него, возлюбилъ его и *возлюбилъ до самой смерти*“. 38-лѣтній чудакъ вдругъ почувствовалъ *философскій паѳосъ* къ юношѣ и бросилъ свое уединеніе, всеохотно согласился снова стать преподавателемъ въ харьковскомъ училищѣ (теперь онъ преподавалъ синтаксисъ и греческій языкъ)—только для того, чтобы быть вмѣстѣ съ юношей.

Между юнымъ Ковалинскимъ, удивлявшимся философской жизни Сковороды, и Сковородой, полюбившимъ юношу, завязывается дружба, длящаяся до самой смерти Сковороды, исполненная философскаго паѳоса и трогательной поэзіи. Трудно подыскать какую-нибудь аналогію этимъ своеобразнымъ отношеніямъ. Это совсѣмъ не простая дружба. По простотѣ, цѣльности, органичности, это античная *philia*, вдохновенно и тонко описанная въ Никомаховой этикѣ Аристотеля. Только *philia* эта перенесена на христіанскую почву и углублена специфически-христіанской трезвостью. При всей патетичности она трезва и аскетична и въ этомъ смыслѣ глубоко отличается отъ тѣхъ „романтическихъ дружбъ“, которыми прославился конецъ XVIII и начало XIX вѣка.

Патетизмъ дружбы Сковороды съ Ковалинскимъ яркъ и несомнѣнень. Мало того, что онъ видится съ нимъ каждый день, занимаетъ его музыкой и чтеніемъ книгъ, онъ,

¹⁾ I, 11.

видясь съ нимъ каждый день, пишетъ ему длинныя письма и получаетъ отъ Ковалинскаго отвѣты. Desideratissime, iucundissime, carissime, mellitissime, dilectissime, pretiosissime, generosissime, strenuissime, dulcissime, voluptas mea, desiderium meum, Ἐράσμιε, ἡδυστέ, ευγενέστατε, φίλτατε φίλάτων, γλυκίστα, — вотъ постоянныя обращенія Сковороды къ Ковалинскому.

„Признаюсь тебѣ въ своей любви: Я бы любилъ тебя, если бѣ даже ты былъ ἀναφάλητος, если бѣ ты даже былъ простымъ мужикомъ, — за чистоту твоего духа, за устремленность твою къ дѣламъ достойнымъ, не говоря уже о другомъ. А теперь, видя тебя въ занятяхъ греческимъ языкомъ (нужно ли говорить тебѣ, до какой степени я его люблю)... у меня подымается такая любовь къ тебѣ, что она растетъ со дня на день, такъ что ничего въ жизни нѣтъ для меня сладостнѣе, чѣмъ забота о тебѣ и тебѣ подобныхъ“¹⁾.

„Никому дружба не доставляетъ столько радости, какъ мнѣ. Это единственное сокровище и единственная утѣха“²⁾.

„Нѣтъ ничего мнѣ сладостнѣе и дороже, чѣмъ душа, меня любящая, больше мнѣ ничего не нужно. И забота моя и утѣха и слава и жизнь — не безсмертныя ли? — въ дружественной душѣ, въ душѣ меня любящей, въ душѣ меня помнящей. Она для меня желаннѣе, чѣмъ пирамиды, чѣмъ мавзолеи, чѣмъ прочія царскія сооруженія“³⁾.

Но не даромъ Сковорода подписывался tuus christianus amicus — твой христіанскій другъ. Въ Ковалинскомъ его интересуется прежде всего душа, духовная жизнь. Онъ печется о томъ, чтобы заразить Ковалинскаго Эросомъ къ Вѣчности, чтобы увлечь его къ тѣмъ высотамъ, до которыхъ добрался самъ путемъ неустанной борьбы.

„Итакъ τοῦ Κυρίου ἐπιποθεῖς — ты стремишься къ Господу! О, слаже нектара для меня эти твои слова — или лучше благороднѣйшая и ὄντως δῖον — поистинѣ божественная душа

¹⁾ I, 53.

²⁾ I, 49.

³⁾ I, 43.

твоя. Наконецъ узнаю, что ты не изъ рода коршуновъ и хищниковъ, а по крови изъ тѣхъ благородныхъ орловъ, которые любятъ высь, и оставивъ внизу летучихъ мышей съ ихъ мракомъ, устремляются къ солнцу. О если бъ чаще слышать отъ тебя такія слова!.. Я бы отказался отъ всякой амврозіи. О, Юноша достойный Христа! Ты почти исторгъ у меня слезы; вѣдь сильная радость заставляетъ плакать...“¹⁾ Всѣ письма Сковороды къ Ковалинскому продиктованы желаніемъ *развить* юношу, руководить его поведеніемъ, вызвать въ немъ правильное и возвышенное отношеніе къ жизни. Сковорода чувствуетъ въ юношѣ „кандидата блаженнѣйшей христіанской философіи“ и старается заронить въ его душу побольше сѣмянъ; *perfer et obdura* — будь твердь и настойчивъ — вотъ постоянный тонъ его писемъ.

„О дорогой! избѣгай участія въ злыхъ дѣлахъ! Въ злыхъ дѣлахъ участія избѣгай! Бѣги какъ можно дальше! Помни! Избавь меня отъ страха. Я очень боюсь. Избавь же меня, если любишь, отъ страха, заботы, которые меня мучать... Помни, ты храмъ Божій! Храни въ цѣломудріи тѣло. Но храни раньше душу. Храни не для міра, а для Христа, Господа твоего и моего. Сохранишь, если будешь бодрствовать; будешь бодрствовать, если будешь трезвиться; трезвиться же будешь, если будешь молиться, плакать и не успокаиваться“²⁾.

Ковалинскій съ своей стороны отвѣчалъ любовью и преданностью. 30 лѣтъ спустя онъ пишетъ Сковородѣ: „Видь начертанныхъ тобой писемъ возбуждаетъ во мнѣ огонь... ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самого не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладью мою къ пристани тихаго уединенія. Тогда бы я утѣшился съ тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ. Прости. Не знаю, что по-

¹⁾ I, 44.

²⁾ I, 58.

слать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности:* все въ тебѣ и съ тобою...“¹⁾).

Очень характерно, что, сразу полюбивъ Сквороду, Ковалинскій не сразу могъ отдаться дружбѣ со Сквородой. Онъ боялся близости со Сквородой, потому что чувствовалъ въ Сквородѣ силу, которая должна разрушить его прежнія привычныя мнѣнія. Онъ „восчувствовалъ въ себѣ *возбужденную борьбу мыслей* и не зналъ, чѣмъ разрѣшить оную. Прочіе учителя его внушали ему отвращеніе къ Сквородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговоры его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце Сквороды, но дичился разума его, почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его...“ Въ періодъ этой „возбужденной борьбы мыслей“ (въ 1763 году), Ковалинскій увидѣлъ сонъ:

„Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другого по всему пространству, были написаны золотыми буквами слова. Все небо голубого цвѣта и золотыя слова оныя казались не только снаружи блестящими, но больше внутри сіяли прозрачнымъ свѣтомъ, и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па-мять свя-тыхъ му-че-никъ А-на-ні-я, А-за-рі-я, Ми-са-и-ла. Изъ самыхъ золотыхъ словъ сыпались огненные искры, подобно какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія Сквороду. Онъ стоялъ на землѣ, поднимъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ расположеніи тѣла и каковымъ Скворода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ него; нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая упали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и

¹⁾ Данилевскій, I. с. стр. 72.

неизъяснимое удовольствіе духа. Я въ исполненіи сладчайшаго чувствованія проснулся“ ¹⁾).

Не сказавъ ни слова объ этомъ снѣ Сковородѣ, не только тогда, но и всю жизнь, Ковалинскій отправился къ почтенному, старому священнику Б., у котораго жилъ. Тотъ, выслушавъ его, „сказаль съ умиленіемъ: Ахъ, молодой чело-вѣкъ, слушайте вы сего мужа, онъ посланъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ - руководителемъ и наставниковъ. Съ того часа, — говоритъ про себя Ковалинскій, — молодой чело-вѣкъ сей *предался вседушно дружбѣ Григорія*“ ²⁾).

Сковорода не ошибся въ своемъ выборѣ. „Предавшись вседушно дружбѣ Григорія“, Ковалинскій остался вѣренъ ей всю жизнь и даже черезъ десятки лѣтъ въ чинѣ тайнаго совѣтника сохранилъ нетронутой свою преданность бездомному страннику, добровольному бродягѣ, какимъ сталъ Сковорода въ послѣднюю, самую зрѣлую треть своей жизни.

Историкъ обязанъ этой замѣчательной дружбѣ двумя крупными фактами:

1. Ковалинскій послѣ смерти Сковороды написалъ прекрасное „житіе“ своего друга, которое отличается не только литературными достоинствами, но и проникновеннымъ пониманіемъ своеобразной психологіи великаго чудака. Не будь этой біографіи, написанной любящей рукой и знающимъ чело-вѣкомъ, историкъ врядъ ли могъ бы возстановить жизнь Сковороды изъ тѣхъ разрозненныхъ, часто легендарныхъ и противорѣчивыхъ воспоминаній, которыя мы имѣемъ въ позднѣйшихъ замѣткахъ Вернета, Гессъ де-Кальве, Срезневскаго и др.

2. Какъ начало, такъ и характеръ всей литературной дѣятельности Сковороды находятся въ прямой зависимости отъ дружбы съ Ковалинскимъ. Если письма — эти маленькія сочиненія Сковороды, были вызваны къ жизни дружбой къ

¹⁾ I, 15.

²⁾ I, 15.

Ковалинскому, то большія произведенія Сквороды если не прямо написаны для Ковалинскаго и съ прямымъ посвященіемъ ему, то всегда съ тайной мыслью о немъ.

„Возлюбленный друже Михаиле! Прійми отъ мене маленькій сей дарикъ“,—говорится въ посвятительномъ письмѣ къ діалогу о древнемъ мірѣ ¹⁾. „Жену Лотову,—говорится въ другомъ мѣстѣ, пришлю, аще Богъ восхоцетъ чрезъ Андрея Ивановича. Пришлю и Потопъ Змінъ... Тебѣ посвящены обѣ книги“ ²⁾. Дружба съ Ковалинскимъ и дружба со многими другими людьми предохранили Сквороду отъ ученаго и схоластическаго писательства. При своихъ познаніяхъ Скворода могъ бы съ легкостью составлять многоученые трактаты по самымъ различнымъ отраслямъ знанія, но вмѣсто этого онъ писалъ хотя и очень трудныя, но лирически искреннія и часто дифирамбически-восторженныя произведенія, въ которыхъ ярко сказывается не только содержаніе его воззрѣній, но и живой, музыкально опредѣленный „тонъ“ его философствованія.

Отдаваясь дружбѣ и сладостно-трудному дѣлу непрерывнаго воспитанія даровитаго и чуткаго юноши, Скворода прожилъ въ Харьковѣ до 1766 года. Въ 1766 г. въ Харьковскомъ училищѣ были учреждены добавочные классы, въ которыхъ *правила благодравія* поручили преподавать Сквородѣ. Скворода охотно взялся за это дѣло, оговоривъ только, что за эти занятія онъ не будетъ брать никакихъ денегъ.

Сквородѣ было 44 года. Онъ уже сталъ отстаиваться, опозналъ свою „мысль“ и потому *правила благодравія* юношеству захотѣлъ внушать по-своему. Вотъ первыя слова его первой „лекціи“, показывающія, *какимъ* опредѣленнымъ языкомъ заговорилъ Скворода: „*Весь міръ спитъ*, да еще не такъ спитъ, какъ сказано о праведникѣ: аще падетъ, не разбѣтсся... Спитъ, глубоко протянувшись. А наставники,

¹⁾ II, 46.

²⁾ I, 107.

пасущіе Израиля, не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ“ 1). Какъ говоритъ Срезневскій, „волненіе было готово“. Епископъ вознегодовалъ. А когда эти лекціи были Сквородою записаны, ихъ потребовали на разсмотрѣніе. „И тогда - то буря возстала на него всей силой“. Пошли объясненія, въ результатѣ которыхъ Скворода снова былъ изгнанъ.

Это было послѣдней попыткой Сквороды идти по обычной дорогѣ. И въ то же время это было тѣмъ толчкомъ, благодаря которому въ насыщенномъ растворѣ его долготѣнныхъ исканій вдругъ началась быстрая и окончательная кристаллизація. Въ его жизни наступаетъ почти тридцатилѣтній періодъ (1766—1794 г.) *странничества*, аскетической отрѣшенности отъ всѣхъ благъ обычной жизни и *учительства*.

ТРЕТИЙ ПЕРІОДЪ.

„Мнѣнія подобны воздуху: онъ между стихіями не виденъ, но твердѣе земли, а сильнѣе воды—ломаетъ деревья, низвергаетъ строенія, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разъяряетъ пламень. Такъ и *мысли сердечныя*: онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ, но отъ сей искры весь пожаръ, мятежъ и сокрушеніе; *отъ сего зерна зависитъ цѣлое жизни нашей дерево*“ 2).

Мы видѣли уже, какъ зерно основной сердечной мысли было осознано Сквородой въ глубокой борьбѣ съ своей хаотической природой. Уже рожденіе „мысли“—большой внутренней подвигъ. Многихъ причисляютъ къ великимъ и мудрымъ за одно рожденіе „мысли“. Но Скворода отважился на подвигъ, много разъ большій. Зерно его „мысли“ превращается въ богатое, причудливое растеніе. Вся вторая половина его сознательной жизни—это замѣчательное осуществленіе творческаго жизненнаго замысла, родивша-

1) II, 175.

2) II, 130, 131.

гося въ періодъ обостренной внутренней борьбы. Если онъ подвергъ коренной критикѣ всѣ „состоянія“, т.-е. всѣ пути жизни, подобно тому, какъ Декартъ подвергъ критикѣ всѣ пути теоретической мысли, то Сковорода не вернулся „къ прежнимъ мнѣніямъ“, какъ это сдѣлалъ Декартъ, и не остановился на мнимомъ выходѣ изъ своего священнаго „сомнѣнія во всемъ“. Сковорода, много превосходя Декарта послѣдовательностью, сдѣлалъ блестящую попытку, отвергнувъ всѣ проторенные пути жизни, *уже не вернуться на нихъ*, и творчески, съ подлинной оригинальностью, проложить совершенно *новую* дорогу.

Отнынѣ онъ уже не будетъ ни „учителемъ поэзіи“, ни профессоромъ греческаго языка, ни лекторомъ по нравственной философіи. Отрѣшаясь отъ всѣхъ преимуществъ, связанныхъ съ его ученостью, навсегда отказываясь отъ желанія какъ-нибудь *устроиться* въ жизни, Сковорода въ 1766 г. окончательно переводитъ свою жизнь во *внутреннія измѣренія*, становится странникомъ, птицей перелетной, не имѣющей ни угла своего, ни имущества и всецѣло предавшей въ волю Божию.

Внѣшнія рамки этого внутренняго самоопредѣленія уясняются изъ сопоставленія нѣсколькихъ разрозненныхъ данныхъ: Сковорода въ народной памяти сохранился подъ названіемъ „старца“. Андрей Ковалевскій въ письмѣ своемъ къ Ковалинскому называетъ Сковороду: Благословенный старецъ Сковорода. Что это не физиологическая категорія, а какая-то *другая*, показываетъ то, что и въ повѣсти Срезневскаго „Майоръ“, несомнѣнно построенной на подлинныхъ воспоминаніяхъ и приуроченной къ 1766 г., когда „старикомъ“ Сковорода еще никакъ не могъ быть, Сковорода самъ себя съ гордостью называетъ „старцемъ“. На вопросъ майора: „Что же, ты хочешь вѣкъ остаться бродягой?“ Сковорода отвѣчаетъ: „Бродягой—нѣтъ. Я странствую, *какъ и всѣ и старцемъ навсегда останусь; этотъ самъ какъ разъ по мнѣ*“¹⁾. Это всѣ прекрасно разъясняется драго-

¹⁾ Москов. Набл. 1836 г. 219.

цѣннымъ показаніемъ Хиждеу въ „Сковородинскомъ Идіотиконѣ“: „На Украинѣ ведется особый, почти наслѣдственный цехъ *нищихъ*, называемыхъ *старцами*. Они пользуются большимъ уваженіемъ у простаго народа и *сами отличаютъ себя отъ обыкновенныхъ нищихъ-дѣдовъ* и жебраковъ. Это люди бывалые, *носители народной мудрости*. Они имѣютъ даже свою родословную. Я былъ свидѣтелемъ спора двухъ старцевъ въ Васильковѣ (Кіевской губ.). Я старецъ, а ты-то, какой-нибудь найденышъ... И теперь поселяне часто ссылаются на *судъ старцевъ* и въ нѣкоторомъ отношеніи ихъ можно бы назвать бродящими судьями Мира“. ¹⁾

Итакъ, Сковорода становится однимъ изъ этихъ *старцевъ, живущихъ* милостыней и гостепріимствомъ. Изъ ученаго, высоко цѣнимаго многучеными Кириллами, находившимися у власти, изъ ученаго, котораго желали нарасхватъ всѣ люди понимающіе, — Сковорода героическимъ определеніемъ воли становится странствующимъ *нищимъ* и нищенствующимъ носителемъ *народной мудрости*. Онъ, такъ мучительно искавшій „стать“ (т.-е. состояніе) по своей „природѣ“ и всегда со страстью учившій, что каждый челоуѣкъ долженъ выбирать жизненный путь сообразно своей *внутренней* сущности, онъ съ жаромъ сказавшій губернатору Шербинину: „Если бы я почувствовалъ сегодня, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ *сего же дня* привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско“, ²⁾—онъ нашелъ наконецъ свое истинное мѣсто въ жизни—въ смиренной роли странствующаго нишаго, и, нашедъ ее, *остался ей вѣренъ до конца своихъ дней*. Съ этихъ поръ жизнь его становится непрерывнымъ странствіемъ. То онъ въ помѣстьѣ Земборскихъ въ Гужвинскомъ, то удворянь Сошальскихъ въ Гусинкахъ, то въ Китаевской пустыни близъ Кіева, то у архимандрита Венедикта въ Ахтыркѣ. Заходитъ даже въ Таганрогъ. „Съ этого времени его жизнь

¹⁾ Телескопъ 1835, VI, стр. 177.

²⁾ I, 22.

принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, хожденій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями“ 1).

„Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но что бы ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: дайте нищему, и самъ довольствовался только сѣрой свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ сочиненій— вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журавлемъ и флейтой*. И то, и другое было его собственнаго рукодѣля“ 2).

„Въ крайней бѣдности, говоритъ Гессъ-де-Кальве, переходилъ Сковорода по Украинѣ изъ одного дома въ другой... Никто, во всякое время года не видалъ его иначе, какъ пѣшимъ. Также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу... Онъ обыкновенно приставалъ къ убогой хижинѣ пасѣчника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество“ 3).

„Усталый,—говоритъ Ковалинскій, имѣя въ виду пребываніе Сковороды у Сошальскихъ, *Гусинку*, которыхъ Сковорода называлъ „любимымъ своимъ пустынножителествомъ“,—усталый приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко живущему на пасѣкѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего и трое, составя общество, раздѣляли они между собою „вечерю“ 4).

Среди „жалкой худобы“ въ мѣшкѣ у Сковороды хранилось самое большое его сокровище — *еврейская Библія*. Онъ не разставался съ нею никогда. Относился къ ней, какъ къ живому существу: называлъ ее невѣстой своей:

1) Данилевскій I. с. стр. 61.

2) И. Срезневскій. Утренняя звѣзда 1833, кн. I.

3) Гессъ де Кальве. I. с. стр. 117.

4) I, 19.

„сію возлюбилъ отъ юности моя... О сладчайшій органе! Единая голубица моя Библія!.. На сіе я родился. Для сего ѣмъ и пью; *да съ нею проживу и умру съ нею*. И дѣйствительно умирая, онъ подъ голову положилъ себѣ мѣшокъ съ книгами, въ которомъ хранилась и Библія. Эта Библія говоритъ о томъ, что высшая степень *отпущенія* соединялась въ Сковородѣ съ высшей степенью *культурности*. Этотъ странникъ, ночевавшій въ кустахъ, на сѣновалахъ, на пасѣкахъ, читалъ свою невѣсту въ ея *подлинномъ еврейскомъ начертаніи*. Уходя въ нищенствующую жизнь, онъ не отказывался такимъ образомъ ни отъ познаній своихъ, ни отъ той высшей культуры, которую вкусилъ благодаря своему же неустанному труду. Сознательно осуществляя идеалъ древнихъ стойковъ *ἡμολογοῦμένως τῆ φύσει ζῆν*—жить *согласно природѣ*, Сковорода менѣе всего былъ склоненъ раствориться въ природно-стихійной жизни, отдаться природѣ такой, какъ она есть. Онъ отнесся къ своей задачѣ мужественно, активно и, читая Сковороду, менѣе всего можно захотѣть ползати на четверенькахъ, какъ насмѣшливо выразилъ Вольтеръ свое впечатлѣніе отъ чтенія Руссо.

Что же дѣлалъ Сковорода за это время? Чѣмъ онъ былъ занятъ?

Сковорода въ одномъ письмѣ объ этомъ говорить такъ:

„Ангель мой хранитель нынѣ со мной веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость, нищета, смиреніе, безопасность, незлобіе суть мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ мене... Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите, что онъ тамъ дѣлаетъ? Еслибъ я въ пустынь отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился или оберегалъ пчелы, или ловилъ звѣрь, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для чело-вѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воевать, портняжить, строиться, ловить звѣрь? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна причина

нашей бѣдности: погрузивъ все сердце наше въ приобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, *мы не имѣемъ времени проникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего — душу нашу...* Не всѣмъ ли мы избытны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ тѣлѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ, — *одной только души нашей не имѣемъ*. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, какъ у *шкорбутика или подарика нош*; она въ насъ разслаблена, грустна, своенравна, боязлива, завистлива, жадна, ничѣмъ недовольна, сама на себя гнѣвна, тошая, блѣдная, точно паціентъ изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребають по указу. Такая душа если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатъ? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ ее превозноситъ портретами и пѣснями, сирѣчь одами величаетъ, не жалобны ли для нея оныя пророческія сонаты:

„Въ тайнѣ восплачется душа моя“ (Іеремія).

„Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души изныетъ и болитъ, кто или что увеселить ее? Ахъ, государь мой, плывите по морю и возводите очи къ гавани. *Не забудьте себе среди избытій вашихъ*. „Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человекъ“.

„О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Сковорода“ ¹⁾).

Итакъ, снисканіе ангельскаго хлѣба — вотъ чѣмъ занять Сковорода. Но снискавъ этотъ хлѣбъ, Сковорода безсознательно безъ всякихъ усилій и преднамѣренности — и даже почти незамѣтно передавалъ этотъ хлѣбъ другимъ: онъ „училъ, говоритъ Гессъ-де-Кальве, дѣтей примѣромъ непорочной жизни, а зрѣлыхъ наставленіями“... „Иногда онъ жилъ у кого-либо, — говоритъ Ковалинскій, — совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ, но для того только, дабы обращаясь съ ними, бесѣдуя, *нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла*“.

¹⁾ Данил. I. с. стр. 70, 71.

Н. С. Мягкій, имѣя въ виду тестя своего А. И. Ковалевскаго, пишетъ Данилевскому: Скворода „имѣлъ большое вліяніе на хозяйна, укрощая его крайне вспыльчивый нравъ, раздражавшійся грозю надъ доминантими и дворнею“ ¹⁾. И этотъ-то самый грозный, вспыльчивый Ковалевскій, укрощаемый Сквородой, какъ мы видѣли уже, называетъ Сквороду „благословеннымъ старцемъ“. Затронувъ кого-нибудь своими бесѣдами и подружившись, Скворода уже не оставлялъ своего новаго друга *письмами*: „Духъ велить мало съ тобою побесѣдовать... Скажи мнѣ, друже, здоровъ ли ты? *Не вопрошаю о тѣлѣ*. Не потерялъ ли ты доселѣ самого себя? Т.-е. мыслей твоихъ и сердца?“ ²⁾ Другому онъ пишетъ: „Кричи, вопи, стучи, буди: Христось честолюбивъ, хочетъ, чтобы мы Его просили и *будто спитъ, да научитъ насъ наша бѣда, горе, идѣ искать Его*“—и благодарить своего корреспондента за „огнедуховенное письмо“ ³⁾. Въ своихъ многочисленныхъ письмахъ онъ ободряетъ, утѣшаетъ и вдохновенно съ большимъ порывомъ проповѣдуетъ Христа. Не одинъ Ковалинскій обязанъ ему своимъ духовнымъ возрожденіемъ.

Но главное орудіе его вліянія на другихъ не письма, а *устная рѣчь*.

Онъ былъ жаркимъ собесѣдникомъ и краснорѣчивымъ ораторомъ. Онъ умѣлъ незамѣтно входить въ разговоръ, пересыпая рѣчь шутками, брать нить бесѣды въ свои руки и дѣлать ее неожиданно значительной и памятной. При этомъ онъ не дѣлалъ различія между простымъ народомъ и помѣщиками. Скорѣе простой народъ ему былъ ближе, ибо изъ него онъ вышелъ и къ нему возвратился. „Барская умность, говоритъ онъ, будто простой народъ есть черный, кажется мнѣ смѣшной, какъ умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. *Какъ мертвой матери родятъ живыхъ дѣтей?* И какъ изъ утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа?“ Скворода *умѣлъ* разговари-

1) Данил. I. с. стр. 82.

2) I, 117.

3) I, 118.

вать съ народомъ, умѣль сдѣлаться понятнымъ и, мнѣ кажется, не рѣчью своей, которая всегда была замысловата и причудлива, а своимъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, своей горячей одушевленностью. „О мнѣ говорятъ, что я ношу свѣчу передъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ. Они знаютъ свое дѣло, а я знаю мое и дѣлаю мое, какъ знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе“. Если онъ былъ понятенъ темному люду, то именно *знаніемъ* своего дѣла и увѣреннымъ и неуклоннымъ его выполненіемъ.

Какъ нужно представлять душевный status Сквороды за это время? Затихъ ли въ немъ окончательно хаосъ его природы? Иначе говоря, прекратилась ли его внутренняя борьба?

Изъ писемъ и стихотвореній Сквороды видно, что попрежнему иногда налетала на него скука, попрежнему челнокъ его жизни, какъ щепка бросался волнами жизни. И все же нужно сказать, основное внутреннее рѣшеніе его жизни стало приносить плоды. *Побѣдный тонъ его жизни растетъ* и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Бороться онъ не перестаетъ до самой смерти, но свѣтлые моменты, полные мудрой, возвышенной тишины и невозмутимой душевной ясности становятся болѣе частыми и болѣе длинными. Основная цѣль его жизни „новая земля не мертвыхъ, но живыхъ людей“, уже ясно рисуется ему; въ 1784 г. онъ пишетъ: „я издали взираю на сію землю очами вѣры какъ зрительною трубою, что на обсерваторіяхъ астрономскихъ, *всѣ мои обуреванія и горести симъ зрѣлищемъ услаждаю, воспѣвая пѣснь Аввакумову:*

„На стражѣ моей стану и взойду на камень“ ¹⁾.

А въ 1788 г., т.-е. уже почти на исходѣ дней своихъ, онъ пишетъ Ковалинскому: „Мнози глаголютъ, что дѣлаеть въ жизни Скворода, чѣмъ забавляется? *Азъ же о Господь раду-*

¹⁾ I, 117.

юся. *Веселюся о Бозь Спась моегъ... Вѣчная Мати святыня кормить мою старость. Я сосца ея сосу безъ омерзѣнія и алчу паче и паче. Я вовѣки буду съ нею, а Она со мною. Вся бо проходитъ, любезная же любовь ни“* ¹⁾.

Стихійно-природное алканіе его воли переходитъ въ одно чистое алканіе вѣчной любви, и онъ, питаясь ею, хочетъ ея все больше и больше. Вдохновеніе, и раньше въ немъ жившее, принимаетъ яркія формы. Не даромъ арх. Гавріиль (слѣдуя Хиждеу) называетъ Сковороду „теомантомъ, испытавшимъ всѣ переходы вдохновенія“, и говоритъ: „Сковородѣ въ энтузіазмѣ казалось, что его духъ носится въ океанъ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности“ ²⁾.

Объ одномъ изъ такихъ припадковъ энтузіазма Сковорода рассказываетъ Ковалинскому въ такихъ выраженіяхъ:

„Имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностью къ Богу (онъ только что избавился отъ опасности), вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое я сердцемъ моимъ осязаль, была нѣкая развязность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю свою волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполнило меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ, и казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ какимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненного состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; *одно чувствіе любви, спокойствія, вѣчности* оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую уми-

¹⁾ II, 45.

²⁾ Арх. Гавріиль. Исторія философіи, ч. VI, стр. 201.

ленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновее любви увѣреніе...“ 1).

Въ такія минуты, когда вѣчность касалась его души, Сковорода чувствовалъ ясно летъ времени и съ радостью констатировалъ своему другу: *переходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается*“. А противникамъ, которыхъ у него было немало въ такія минуты онъ съ гордостью могъ говорить: „прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вошанныхъ чучель, я вялю не изъ воску, а изъ мѣди и камня“.

Аскетическая жилка, всегда свойственная Сковородѣ, въ этотъ періодъ усиливается. Нищенствующая жизнь Сковороды—есть сама по себѣ уже суровый видъ аскетизма. Отъ добровольно принятаго подвига онъ съ рѣзкой неуклонностью воли, уже никогда не отказывался. Онъ готовъ былъ въ компаніи среди друзей *попировать* и въ одномъ письмѣ самъ говорить о себѣ, что не только пилъ, но и слегка буянилъ. Но это показываетъ только, что онъ не былъ педантомъ и ригористомъ, что онъ несъ свой подвигъ съ легкостью и свободой. Не даромъ его любимымъ изреченіемъ сдѣлалось изреченіе Эпикура: *καὶρὸς τῆ μαχαρία φύσει, ὅτι τὰ ἀναγκαῖα ἐπιήσειν εὐπορίᾳ, τὰδε δὲς πορίᾳ οὐκ ἀναγκαῖα* или въ его переводѣ: „Благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ“. Аскетизмъ Сковороды подаль поводъ противникамъ его распустилъ про него клевету. Именно его упрекали, что онъ „осуждаетъ употребленіе мяса и вина и самъ чуждается оныхъ“, „что онъ называетъ вредными, сами по себѣ, золото, серебро, драгоценныя вещи, одежды и пр. На это Сковорода отвѣчалъ: „было время и теперь бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ вина и мяса. Не потому ли лѣкарь осуждаетъ, напр., чеснокъ, когда велитъ воздержаться отъ употребленія онаго тому, у кого вредный жаръ вступитъ въ глаза. Все сотво-

1) I, 28.

рено хорошо отъ всещедрого Творца, *но не все вѣзмъ всегда бываетъ полезно*“ ¹⁾. „Пишу онъ употреблялъ всегда самую грубую“ (Гессъ-де-Кальве) и отъ суровыхъ привычекъ своихъ не хотѣлъ отступить, уже будучи больнымъ старикомъ.

„Полуночное время имѣлъ онъ обычай *всегда посвящать на молитву*, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнвивіи и всегда низу поникшіе ума моего помыслы, возмיתесь и возвыситесь на гору вѣчности. *Тутъ миновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ биты: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными брэнности человѣческой слабостями и всѣми тварями, сильнѣйше нападало на волю его, дабы плѣнить ее, возсѣсть на престолъ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его... Какое бореніе, сколько подвиговъ!.. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго.* Такъ за полунощные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ правды и въ *торжественъ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять словословіе свое со всею природою*“ ²⁾.

Нельзя не отмѣтить въ душевномъ обликѣ Сквороды еще одного момента: въ немъ было нѣчто въ родѣ сократовскаго *δαίμων*. Почти всегда во всѣхъ движеніяхъ своей воли онъ повиновался своему „духу“. „Духъ велить“, „духъ зоветъ“, „духъ говорить“—это постоянныя выраженія Сквороды. Что это не метафора и не простой способъ выраженія, доказываетъ слѣдующій странный случай, произо-

¹⁾ I, 29.

²⁾ I, 31.

шедшій съ Сковородой. Въ 1770 г. прїѣхаль онъ въ Кіевъ къ родственнику своему Іустину. „Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ внутреннее движеніе духа, непонятное, *побуждающее его ѣхать изъ Кіева*“. Іустинъ закликаетъ его всею святынею не оставлять его. Прїатели также удерживаютъ его, но онъ отговаривается, „*что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева*“. Пришедъ на гору, откуда сходятъ на Подоль, вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенести не могъ и тотчасъ поверотился домой. Духъ убѣдительно погналъ его изъ города и „онъ отправился въ путь на другой же день“.

И что же? Прибывъ въ Ахтырку, онъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого получаетъ извѣстіе, что „въ Кіевѣ оказалась *моровая язва*, о которой въ бытность его и не слышно было и что городъ запертъ уже“¹⁾. И вотъ тогда-то онъ пережилъ тотъ восторгъ благодарности къ Богу, о которомъ было сказано выше. Очевидно, природа была благосклонна къ своему вѣрному сыну и надѣлила Сковороду какой-то особой чрезмѣрной остротой чувства и необычайно тонкой восприимчивостью даже къ тайнымъ, для другихъ незамѣтнымъ, движеніямъ—какъ физической, такъ и психической среды.

Я говорилъ выше о „дѣятельности“ Сковороды. Помимо бесѣдъ и непосредственнаго духовнаго воздѣйствія, онъ еще развилъ обширную *литературную* дѣятельность. Для отсутствующаго Ковалинскаго и вообще для друзей своихъ, онъ сталъ *писать* философскіе трактаты глубокаго и сосредоточеннаго содержанія. При жизни Сковороды ни одно произведеніе его не прошло черезъ типографскій станокъ. Но зато друзья его и почитатели его мудрости усердно *переписывали* его произведенія и относились къ нимъ съ благоговѣніемъ. Только этимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ и можно объяснить, что большая часть его произведеній

¹⁾ I, 27, 28.

дошла до насъ. Самъ Скворода съ любовью пѣствовалъ свои литературныя дѣтища, говорилъ о нихъ какъ объ одушевленныхъ существахъ и боялся какъ бы не попали они въ невѣрныя, недостойныя руки. Но и у него были припадки, сближающіе его съ его гениальнымъ землякомъ. *Онъ сжигалъ свои рукописи.* „Я удивился, увидѣвъ у друга нашего бабійскаго іерея „Наркиза“ и симфонію: „аще не увѣси“. Я ее ожелчившись спалилъ въ Острогорскѣ“¹⁾. Больше всего Скворода любилъ писать на пчельникѣ. „Ученымъ кабинетомъ ему служила хижина, помѣщавшаяся возлѣ пасѣки. Тишина этого уголка нарушалась только гудѣніемъ пчель и звуками собственной флейты“.

Какое же впечатлѣніе производила на украинцевъ причудливая жизнь этого страннаго человѣка? Очевидно, огромное. Уже про начало „пустынножительства“ Сквороды Ковалинскій говоритъ:

„И добрая и худая слава распространилась о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе“. А дальнѣйшее пустынножительство увеличило славу его все больше и больше. „Стихи его дѣлались народными пѣснями“, говоритъ Гессъ де Кальве. „Въ его краю многія его изреченія вошли въ пословицы, говоритъ И. Снегиревъ. И Срезневскій указываетъ, что большая часть псалмовъ, распѣваемыхъ слѣпцами-лирниками—суть сочиненіе Сквороды. Срезневскій записалъ народную передѣлку стихотворенія Сквороды: „Всякому городу нравъ и права“. Въ пѣснѣ Сквороды было пять строфъ, а въ народной передѣлкѣ 16. Это сотрудничество ученаго профессора съ простымъ народомъ очень характерно. Уваженіе къ Сквородѣ, говоритъ Срезневскій, простиралось до того, что *почитали за особенное благословеніе Божіе тому дому, въ которомъ поселился хоть на нѣсколько дней.* Данилевскій говоритъ, что о Сквородѣ и донинѣ (писано въ 1862 г.) въ рѣдкомъ уголкѣ его родины не вспоминаютъ съ сочувствіемъ. Костомаровъ говоритъ

¹⁾ Рук. Рум. Музея № 1488 стр. 4.

объ этомъ еще сильнѣе: „На всемъ пространствѣ отъ Острогорска (Воронежской губ.) до Кіева во многихъ домахъ висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ, имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь—*предметъ разсказовъ и анекдотовъ*; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщаль, гдѣ любилъ пребывать и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ *составляетъ семейную гордость внуковъ*“. „Но лучшее доказательство общественнаго значенія Сковороды, говоритъ Данилевскій,—состоитъ въ томъ, что безъ него въ извѣстной степени не было бы долго основано университета на Украинѣ. Дѣло Каразина—открытіе Харьковскаго университета, кончилось такъ легко потому, что въ 1803 г. первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ 618 тысячъ рубл. сер. для основанія этого университета были большею частью все или *ученики, или короткіе знакомые и друзья Сковороды*“.

Такъ Сковорода въ смиренномъ образѣ нищаго и пустынножителя сумѣлъ стать однимъ изъ вліятельнѣйшихъ русскихъ людей XVIII столѣтія.

Та побѣда надъ своимъ хаосомъ, та душевная ясность, которой достигъ Сковорода неустаннымъ внутреннимъ подвигомъ, украсили жизнь Сковороды лучшимъ вѣнцомъ: спокойнымъ и безбоязненнымъ исходомъ. Если онъ жилъ, какъ училъ, и училъ, какъ жилъ, то умеръ онъ такъ, какъ жилъ и училъ: твердо, безропотно, мудро.

Незадолго передъ смертію онъ увидѣлся съ Ковалинскимъ, съ которымъ разстался въ началѣ своего пустынножительства и о которомъ не забывалъ думать всю жизнь. Ковалинскій, увлеченный „вихремъ свѣта“, уѣхалъ служить въ Петербургъ, затѣмъ за границу и, испытавъ много личнаго горя, въ чинѣ тайнаго совѣтника, вернулся на родину. „И Сковорода, семидесятитрехлѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не-

смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастную погоду, прѣхаль въ деревню къ другу своему одинъ, раздѣлить съ нимъ ничтожество его“ ¹⁾).

Это было свиданіе плодотворное, длившееся три недѣли, въ продолженіе которыхъ Скворода успѣлъ вернуть душевное спокойствіе своему другу. И въ то же время свиданіе это было послѣднее.

„Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровѣ Сквороды, усилили кашель и расслабленіе... Другъ его упрасивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончить со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что *духъ его велитъ ему ѣхать*,— другъ отправилъ его немедленно“.

Ковалинскій ходѣлъ дать ему что-нибудь въ дорогу.

„Можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить...“

„Ахъ, другъ мой, сказалъ Скворода,—неужели же я не приобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что Промыслъ Его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременность“.

И вмѣсто того, чтобы брать отъ друга своего „приношеніе“, самъ, обнимая его, оставилъ ему завѣтъ:

„Можетъ быть, я больше уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: „Свѣтъ и тьма, добро и зло, вѣчность и время...“ ²⁾. Это было 26 августа 1794 г., а 29 октября онъ уже скончался.

И. Срезневскій такъ описываетъ послѣднія минуты Сквороды:

„Въ деревнѣ у помѣщика Ковалевскаго небольшая „кимнатка“ окнами въ садъ, уютная, была послѣднимъ его жилищемъ... Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много людей погулять и повеселиться. Послушать Сквороду было также въ предметъ... За обѣдомъ Скворода

¹⁾ I, 33.

²⁾ I, 38.

быль необыкновенно весель и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствованія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ... Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашель подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму—узкую длинную могилу. „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ? сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. „Пора, другъ, кончать странствіе,— отвѣтилъ Сковорода, — и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній, пора успокоиться“. „И, братъ, пустое. Полно шутить, пойдемъ“.—„Иду, но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила“. И пошли въ домъ. Сковорода недолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кимнатку“ перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую „свитку“, легъ сложивши накрестъ руки... Долго ждали его къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый“.

Передъ кончиной, какъ говоритъ Ковалинскій, Сковорода завѣщалъ похоронить его на возвышенномъ мѣстѣ, близъ роши и гумна и сдѣлать слѣдующую надпись:

Міръ ловилъ меня, но не поймалъ.

Что это? Горделивость или простое констатированіе факта? Свидѣтельство, что притязательная воля чудака дала себя знать передъ самой кончиной и увѣковѣчила себя въ эпитафій, или же наоборотъ правдивое свидѣтельство, что этотъ человекъ *дѣйствительно не пойманъ былъ міромъ?*

Трудно сказать. Во всякомъ случаѣ и могила Сковороды

обладала какими то особыми свойствами. Когда владѣльцы, къ которымъ переходилъ садъ съ могилой „философа“, забывали объ этой могилѣ, съ ними случалось несчастье: или лишались своихъ женъ, или спивались. Такъ говорить молва. И молва эта говоритъ еще болѣе странныя вещи: „По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и рассказывалъ мнѣ,—говоритъ Н. Мягкій въ своемъ письмѣ къ Данилевскому,—о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ, откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежь двери, чуть не сорвалъ двери, перепугалъ до смерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода“.

Когда же Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: „У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ“. Владѣльцы перерыли весь садъ, но ничего не нашли. Очевидно, подъ „кладомъ“ юродивая разумѣла могилу Сковороды.

В. Эрнъ.

Соціальная філософія Роберта Оуэна ¹⁾.

Современный соціалізм розвивається на почві новішого індивідуалізму і єсть одно із его частныхъ проявленій. Соціалізмъ и індивідуалізмъ суть не противоположности, взаємно другъ друга ісключающія, но сопряженныя между собою понятія, которыхъ нельзя раздѣлять. Соціалізмъ въ ізвѣстномъ смыслѣ єсть лишь средство для індивідуалізма. Личность и общество обусловливають другъ друга, но въ то же время взаємно другъ друга ограничуютъ. Двѣ силы,—центробѣжная и центростремительная, постоянно направленные въ разные стороны, двѣ чашки вѣсовъ, склоняющіяся то на одну, то на другую сторону, съ всегда неустойчивымъ равновѣсіемъ!

Новіший індивідуалізмъ, а съ нимъ и новіший соціалізмъ, зарождається при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Онъ имѣетъ два истока: возрожденіе и реформацію, и, соотвѣтственно, два русла: релігіозное и свѣтское. Двойственность заложена въ самомъ его возникновеніи. Ренессансъ или гуманизмъ єсть возрожденіе правъ естественнаго чловѣка, реставрація античнаго язычества, попытка возвратиться къ до-христіанскому самочувствію и міроощущенію. Онъ упрощаетъ проблему чловѣческой души съ глубоко почувствованнымъ ея трагізмомъ и возвращаетъ чловѣку, или сулить возвратитъ — естественную

¹⁾ Извлечено изъ курса лекцій по історіи соціальныхъ идей въ 19 вѣкѣ, читаннаго студентамъ Московскаго Коммерческаго Института.

ясность и простоту сына природы. Въ этомъ смыслѣ гуманизмъ какъ бы вновь открываетъ естественнаго человѣка ¹⁾, реставрируя античное міровоззрѣніе. Здѣсь лежитъ объясненіе обаянія гуманизма, но вмѣстѣ и его роковой ограниченности, ибо прошлое вообще невозвратно, и всякая реставрація связана съ духовной реакціей и убылью души ²⁾. То возрожденіе язычества, которое было произведено ренессансомъ, продолжается и въ новѣйшей исторіи. Имъ образуется особое русло духовнаго развитія европейскаго человѣчества. Прямымъ продолженіемъ ренессанса является просвѣтительство и раціонализмъ, деизмъ и пантеизмъ, натурализмъ и матеріализмъ. Наиболѣе же законченное выраженіе онъ получаетъ въ религіи человѣко божія, проповѣданной въ 19 вѣкѣ.

Другимъ источникомъ индивидуализма была реформація, бунтъ личности противъ церковнаго авторитета во имя своей независимости и самочинности. Реформаціонныя теченія разныхъ отгѣнковъ объединяетъ общій для нихъ религіозный индивидуализмъ. Онъ, повидимому, освобождаетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и уединяетъ человѣка, превращая каждую отдѣльную индивидуальность въ самостоятельный центръ вселенной. Но въ этомъ провозглашеніи правъ религіозной личности содержится уже и провозглашеніе „правъ человѣка и гражданина“, какъ это и обнаружилось въ дальнѣйшей исторіи. Какъ извѣстно, „права человѣка и гражданина“ были осознаны не только свѣтскимъ гуманизмомъ въ великую французскую революцію, но ранѣе того религіознымъ индивидуализмомъ реформаціи въ лицѣ Роджера Вильямса ³⁾. На почвѣ того же самаго религіознаго провоз-

¹⁾ Ср. превосходную характеристику сущности ренессанса у *Кіно Фишера* *Исторія философіи*, т. I, 76 и у *М. С. Корелина*. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія, т. II, 1061.

²⁾ Ср. характеристику ренессанса у *Ad. Harnack*. *Reden und Aufsätze*, Band I, стр. 151 слл. Также у *Th. Ziegler*. *Geschichte der christlichen Ethik*. 2. Ausg. Strassburg. 1892, стр. 423—4.

³⁾ *Теллинскъ*. Декларация правъ человѣка и гражданина, перев. *А. Э. Вормса*, стр. 60.

глашенія правъ челоувѣка и гражданина развивается идеология англійской революціи, начиная отъ религіознаго радикализма индепендентовъ, квинтомонархистовъ и квакеровъ до политическаго и соціальнаго радикализма левеллеровъ или уравниателей съ ихъ соціалистическими развѣтвленіями ¹⁾.

При всемъ своемъ сродствѣ обѣ разновидности индивидуализма, религіозно-идеалистическій и гуманистически-натуралистическій, вступаютъ между собою иногда въ открытую вражду, а иногда въ мирное сотрудничество, но оба русла можно явственно различать во всей новѣйшей культурѣ, а въ частности и въ соціальной философіи, и нигдѣ, можетъ быть, это соотношеніе ихъ не обнаруживается съ такой ясностью, какъ въ Англии, родинѣ промышленнаго капитализма и новаго соціализма. На исторіи англійскаго соціализма можно прослѣдить борьбу и чередованіе обоихъ теченій мысли.

Основнымъ фактомъ въ духовной исторіи Англии является, безспорно, то, что революція соединилась здѣсь съ реформацией, и первые и основные толчки освободительному движенію даны были религіознымъ энтузіазмомъ пуританъ и индепендентовъ. И эта волна религіознаго идеализма достигла и до порога 20-го вѣка, такъ что на протяженіи всего 19-го вѣка мы ее еще ощущаемъ—въ Карлейлѣ и Рёскинѣ, въ христіанскихъ соціалистахъ. Но уже въ революціи намѣчается и другая, встрѣчная ей волна,—раціонализма и „просвѣтительства“, матеріализма и натурализма; она, конечно, все увеличивается въ силѣ и размѣрахъ къ 19-му вѣку. Наиболѣе вліятельнымъ мыслителемъ этого направленія въ Англии былъ, безспорно, Бентамъ съ его утилитаризмомъ. Бентамизмъ въ чистомъ или измѣненномъ и преобразенномъ видѣ и до сихъ поръ живъ въ соціально-экономической мысли Англии. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ соціальныхъ мыслителей бентамовскаго направленія является знаменитый соціалистъ Робертъ Оуэнъ (1771—1858), ду-

¹⁾ Обѣ англійской революціи съ этой стороны см. превосходную работу *Heingarten. Die Revolutionskirchen Englands*. Есть и русскій переводъ.

ховный отецъ кооперативнаго движенія въ Англіи ¹⁾, великій социальный реформаторъ и филантропъ. Мы не будемъ здѣсь говорить, однако, объ его кипучей дѣятельности въ области социальной политики, — она довольно извѣстна и не разъ уже описывалась въ нашей литературѣ, да къ тому же этому и не мѣсто на страницахъ философскаго журнала; остановимся вмѣсто этого на менѣе извѣстной, хотя, по-своему, любопытной его сторонѣ, именно философской основѣ міровоззрѣнія Оуэна и проанализируемъ его составъ.

Оуэнъ не былъ социальнымъ теоретикомъ по специальности и не могъ имъ быть уже по одному тому, что онъ вовсе не получилъ настоящаго научнаго образованія. Изъ его біографіи видно, какъ рано началась его практическая жизнь, и хотя, при пытливости своего ума и выдающихся способностяхъ, онъ могъ много читать по интересующимъ его вопросамъ, но ни въ одну изъ эпохъ жизни онъ не имѣлъ возможности восполнить первоначальные пробѣлы своего образованія. Тѣ основныя идеи, которыя были положены въ основу его міровоззрѣнія, онъ воспринималъ изъ вторыхъ рукъ или же изъ общественной атмосферы. Благодаря этому, общія идеи философіи просвѣтительства у Оуэна мы находимъ въ нѣсколько вульгаризованномъ видѣ. Сомнительно, чтобы самъ Оуэнъ читалъ тѣхъ авторовъ, къ которымъ онъ питалъ такую симпатію и интересъ, напримѣръ, французскихъ матеріалистовъ и энциклопедистовъ, и даже Іеремію Бентама, духовное вліяніе котораго на Оуэна было несомнѣнно такъ велико. На 40-мъ году жизни онъ вступилъ въ личное знакомство съ Бентамомъ, и, вѣроятно, съ этого времени началось непосредственное его вліяніе. И это вліяніе осуществлялось скорѣе путемъ личнаго обмѣна мнѣній, нежели чтеніемъ книгъ; вѣдь ходячая мораль этого времени была пропитана бентамовскимъ утилитаризмомъ. Въ области политической экономіи Оуэнъ зналъ, очевидно, Рикардо и

¹⁾ См. объ этомъ *B. Potter. The cooperative movement.*

Беллерса. Едва ли вообще его знакомство съ экономической литературой было велико. Вообще, читаль онъ мало, и только къ эпохѣ дѣтства и ученичества относится періодъ его усиленнаго чтенія, а въ дальнѣйшей его біографіи о немъ мало рѣчи. „Отець мой,—разсказываетъ его старшій сынъ,—читаль хотя много, но большею частью газеты. Ни одна книга его бібліотеки не носить помѣтки его руки; онъ только пробѣгалъ книги и откладывалъ ихъ съ замѣчаніемъ, что радикальныя заблужденія въ разныя стороны дѣлають ихъ одинаково малоцѣнными“. Такимъ образомъ, его склонность къ наукѣ и вѣра въ ея перерождающую силу въ значительной степени платоническая. Воспоминанія его сына, родившагося въ 1801 году, подтверждаются замѣчаніями и сверстника Р. Оуэна утилитариста-чартиста Фрэнсиса Плеса, который пишетъ: „Изъ политической экономіи читаль онъ мало, изъ метафизики и философіи ничего не читаль“. Также полагаетъ и біографъ его Ллойдъ Джонсъ 1). Все это я привожу для того, чтобы показать, что научной или философской системы съ глубокимъ обоснованіемъ у Оуэна ждать нельзя, и если онъ и интересенъ съ этой стороны, то не какъ самостоятельный мыслитель, а какъ вліятельный и яркій выразитель того міровоззрѣнія, которое развивалось на основѣ бентамизма и вообще философіи просвѣтительства.

Въ основѣ всего ученія Оуэна лежитъ его религіозное міровоззрѣніе, въ частности его рѣзкое, непримиримое отрицаніе всякой положительной религіи и въ особенности христіанской. Его раннее дѣтство,—какъ онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи 2),—дало ему довольно много религіозныхъ впечатлѣній, притомъ не только положительныхъ, но и отрицательныхъ. Представители разныхъ сектъ и испо-

1) *Lloyd Jones. The Life, Times and Labours of Robert Owen.* 3-rd ed. London, 1900.

Ср. также *Helene Simon. Robert Owen. Sein Leben und seine Bedeutung für die Gegenwart.* 1905.

2) *The life of Robert Owen written by himself.* London, 1857.

вѣданій стремились перетянуть его каждый на свою сторону, и плодомъ этихъ впечатлѣній отъ споровъ сектъ между собою было то, что онъ рѣшительно повернулъ въ сторону скептицизма, а позднѣе и полного отрицанія религіи. Однимъ изъ важныхъ къ этому мотивовъ служило, — какъ говорилъ онъ, — то, что религія учитъ о личной отвѣтственности, между тѣмъ какъ отрицаніе личной отвѣтственности и сведеніе человѣческой личности всецѣло къ влиянію среды сдѣлалось основнымъ положеніемъ всего міровоззрѣнія Оуэна. Поэтому, вполне послѣдовательно дѣлая выводъ изъ этого своего вѣрованія, онъ до конца жизни относился враждебно къ міровоззрѣніямъ, подрывавшимъ эту его основу. Его враждебное отношеніе къ религіи въ Англіи, гдѣ религиозный вопросъ занимаетъ такъ много мѣста въ общественномъ мнѣніи, не могло остаться незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что во время своей агитаціи въ Америкѣ и въ Англіи онъ очень часто выступалъ на митингахъ противъ христіанства, вель объ этомъ многочисленныя дискуссіи и въ концѣ-концовъ возбудилъ къ себѣ на этой почвѣ вражду не только духовенства, но также и народныхъ массъ, хотя, конечно, имѣлъ и сторонниковъ. Его разрывъ съ квакеромъ Алланомъ, который былъ совладѣльцемъ его хлопчатобумажной фабрики въ знаменитомъ Нью-Ланаркѣ, возникъ тоже на почвѣ религиозныхъ разногласій. Въ позднѣйшее время въ IV части своего сочиненія „Новый нравственный міръ“, озаглавленной „Explanatory of the Rational Religion“, Оуэнь развиваетъ идею „раціональной“ религіи, не имѣющей, конечно, ничего общаго съ христіанствомъ. Эта раціональная религія сводится къ любви къ ближнему и къ нѣкоторому натуралистическому деизму. Всѣ факты убѣждаютъ, что все въ бытіи имѣетъ внѣшнія и внутреннія причины. „Эта все проникающая причина движенія или перемѣнъ во вселенной есть та самая сила, которую народы міра называли Богомъ, Іеговой, Господомъ и т. д. Но эта сила еще невѣдома, и всякій клиръ и культъ ненужны. Высшимъ долгомъ человѣка является исканіе истины пу-

темь свободнаго отъ предразсудковъ изслѣдованія фактовъ природы, чтобы на ихъ основѣ создать условія, необходимо вызывающія человѣческую любовь и терпимость“. „Практика рациональной религіи будетъ состоять въ содѣйствіи счастью нашихъ ближнихъ. Ихъ богослуженіе въ тѣхъ невыразимыхъ чувствахъ изумленія и восхищенія, которыя при здоровыхъ условіяхъ будутъ естественнымъ слѣдствіемъ разсмотрѣнія безконечности пространства и времени и законовъ вселенной, чувства, которыя слишкомъ чисты и возвышенны, чтобы находить выраженіе въ словахъ“. Позднѣе въ своей автобіографіи ¹⁾ онъ развиваетъ міровоззрѣніе, которое принимаетъ еще болѣе опредѣленный характеръ натуралистическаго деизма, при чемъ универсальная творческая сила причинности, безличная природа, получаетъ названіе Бога: *deus sive natura!*

Соотвѣтствующія мысли выражены здѣсь въ діалогической формѣ, какъ разговоръ между Р. Оуэномъ и его собесѣдникомъ, а вмѣстѣ и совопросникомъ (*Inquisitor*).

Оуэнъ. „Я установилъ, что Великая творческая Сила Вселенной, сущность и способъ дѣйствія которой неизвѣстны человѣку, есть Универсальный Богъ Творенія (*Universal God of Creation*). Т.-е. это есть Всемогущая и Вѣчная Творческая Сила, которая, какъ раскроетъ это будущая наука, создаетъ сѣмена всякой человѣчности до рожденія каждаго индивида, и такимъ образомъ различіе въ пропорціяхъ естественныхъ качествъ человѣчества въ каждомъ сѣмени для образованія разныхъ индивидуальностей, сѣмена всѣхъ естественныхъ качествъ человѣка даются ему отъ рожденія безъ вѣдома и безъ согласія его... Факты доказываютъ во всѣ времена, что всѣ члены человѣческой расы рождаются съ тѣми же общими качествами человѣчности, но соединенными въ разныхъ пропорціяхъ, и потому въ высшей степени нераціонально дѣлать отвѣтственнымъ индивида или же ту Силу, которая создала и сообщила эти таинственныя

¹⁾ *The life of Robert Owen, written by himself, vol. I.*

сѣмена божественныхъ качествъ, божественно соединенныхъ, т.-е. человѣка.

Inquisitor... но почему же они божественны?

Оуэнъ. Ибо они таинственно созданы Великой Творческой Силой Вселенной или Богомъ всего Творенія“.

Уже очень рано Оуэнъ приходитъ къ убѣжденію, что социальная реформа невозможна безъ религіозной, и на этомъ основаніи включаетъ въ программу своей дѣятельности борьбу съ существующими религіями, особенно съ христіанской, и пропаганду новой, „раціональной“ религіи. Подъ старость въ его міровоззрѣніи замѣчаются нѣкоторыя перемѣны, однако отнюдь не въ сторону христіанства. То религіозное чувство, которое сильно было въ немъ въ дѣтствѣ и оставалось заглушеннымъ и неудовлетвореннымъ въ зрѣломъ возрастѣ, а съ другой стороны, матеріализмъ, въ которомъ онъ упорствовалъ до смерти, соединившись, привели къ тому, что Оуэнъ сдѣлался убѣжденнымъ спиритомъ, матеріалистомъ въ религіи и религіознымъ въ самомъ матеріализмѣ. Увлечение его спиритизмомъ относится къ 1852—1853 гг., когда Англию охватила настоящая спиритическая эпидемія, захватившая, между прочимъ, старшаго сына ¹⁾ Оуэна и самого его. Въ 1852—1853 гг. Робертъ Оуэнъ сообщаетъ міру о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ получаетъ чрезъ духовъ. Въ собраніи его сочиненій вы можете читать и самые эти трактаты, сообщенные ему духами и относящіеся къ социальной реформѣ. Оуэнъ вступаетъ въ спиритическую связь съ умершими друзьями и близкими, съ герцогомъ Кентскимъ, наконецъ, съ коронованными особами Англии. Шекспиръ диктуетъ ему съ того свѣта отрывокъ о вѣротерпимости, составленный имъ въ мірѣ духовъ. При этомъ характерно, что, несмотря на новое направленіе мысли, его враждебность къ существующимъ религіямъ не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается. Одновременно съ этимъ у него крѣп-

¹⁾ Сынъ Оуэна Р. Дэль Оуэнъ сдѣлался извѣстнымъ писателемъ по спиритическимъ вопросамъ и пропагандистомъ спиритизма.

нетъ мысль о томъ, что природа божественна и что въ ней осуществляется Богъ, причеиъ природа, матерія и духъ есть одно и то же, а человеѣкъ есть лишь чрезвычайное соединеніе разныхъ элементовъ. Въ концѣ-концовъ изъ матеріала этихъ безличныхъ элементовъ будетъ создано будущее счастье человеѣчества, и тогда наша земля вступитъ въ связь съ болѣе тонкими областями міра духовнаго и болѣе чистой атмосферы. „Великая республика соединенныхъ націй будетъ вѣчна, какъ высшія сферы неба“, говоритъ Оуэнь. Такимъ образомъ, развитіе его міровоззрѣнія заканчивается матеріалистически-спиритическимъ хилиазмомъ. На этой почвѣ Оуэнь разошелся со многими изъ своихъ социалистическихъ единомышленниковъ, и въ этомъ настроеніи написана его автобіографія, вышедшая въ 1857 г.

Ученіе Оуэна объ обществѣ есть крайній социальный детерминизмъ. Въ основѣ его положено ученіе о несвободѣ воли и личной безотвѣтственности. Человеѣкъ всецѣло есть продуктъ социальной среды, исторической обстановки, никакого самостоятельнаго значенія личность и ея воля не имѣютъ. Строго говоря, согласно этому воззрѣнію, личности просто даже и нѣтъ, а есть только формально-психологическое единство, которое сознаетъ себя какъ личность. Вслѣдствіе этого личность всецѣло зависитъ отъ общества. Развитіе этой мысли мы находимъ въ уже цитированномъ выше діалогѣ между Р. Оуэномъ и Inquisitor'омъ, который помѣщенъ въ его автобіографическомъ сочиненіи ¹⁾.

Оуэнь... Исторія міра... въ рѣзкихъ краскахъ раскрывала мнѣ безконечное разнообразіе характеровъ... Я спросилъ себя, откуда же это разнообразіе характеровъ и какъ оно производится? Первоначальный матеріаль обладалъ тѣми же самыми общими качествами, хотя и варіировалъ въ своихъ комбинаціяхъ, откуда же эти различія религіи, языка, правительствъ, законовъ, привычекъ, нравовъ, идей о справедливомъ и ложномъ, противоположныхъ чувствъ,

¹⁾ The life of R. Owen etc., Introduction, XX—XXI.

поведенія и другихъ безконечныхъ различій въ характерѣ? Первый отвѣтъ, который былъ у меня, тотъ, что они произведены различіями обстоятельствъ или условій, въ которыхъ находятся отъ рожденія отдѣльныя націи и племена. Я сказалъ, что эти внѣшнія различія могутъ произвести и производятъ различіе религіи, законовъ, установленій, привычекъ, нравовъ и до извѣстной степени управляютъ чувствами и поведеніемъ всѣхъ. Но нужно еще что-то прибавить, чтобы объяснить все различіе въ образованіи человѣческаго характера на землѣ. И скоро я напалъ, слѣдуя тому же методу наблюденія надъ фактами, на мысль, что возможна безконечная разниа въ комбинаціяхъ первоначальнаго матеріала, изъ котораго всѣ индивиды получили свой отличительный характеръ, и что каждый изъ нашей расы имѣетъ сложный характеръ, образовавшійся изъ первоначальнаго матеріала, подвергшагося воздѣйствію внѣшнихъ условій, въ которыхъ онъ находился отъ рожденія“.

Далѣе Оуэнъ ставитъ передъ собой слѣдующіе вопросы.

Вопросъ: „Кто или что создало матеріалъ, изъ котораго образуется характеръ человѣка?“—Очевидный отвѣтъ на это: „Великая Творческая Сила Вселенной“. Второй вопросъ: „Кто окружаетъ cadaго индивида средой, образующей его языкъ, религію, нравы, привычки, опредѣляющіе его чувства и поведеніе, и внушаетъ ему свои идеи и отдѣльныя ассоціаціи идей?“—Отвѣтъ: „Общество“. Вопросъ: „Какимъ образомъ?“—Отвѣтъ: „Если факты показываютъ, что Универсальная Творческая Сила и общество создаютъ характеръ cadaго индивида, новый міръ чудесъ сразу открывается нашему взору и ясная дорога къ истинѣ, знанію, единству, счастью, которой легко идти, не боясь заблудиться“. Вопросъ: „Какъ же вы пришли къ этимъ необыкновеннымъ заключеніямъ изъ тѣхъ фактовъ, которые вы установили?“—Отвѣтъ: „Такъ. Если человѣкъ тѣмъ, что онъ есть, дѣлается благодаря силѣ, создавшей его, и обществу, то человѣкъ не можетъ быть отвѣтственъ за тѣ

способности, силы, свойства, которыя имѣть“. Вопросъ: „И вы даете ему полную свободу дѣйствовать безпрепятственно, согласно своимъ дурнымъ наклонностямъ?—Отвѣтъ: „Совсѣмъ наоборотъ. Если характеръ его въ такой степени, какъ это установлено, опредѣляется обществомъ, общество можетъ образовать хорошій характеръ для каждаго и можетъ внушить всѣмъ отъ рожденія такое нечувствительное принужденіе, что они никогда не будутъ думать или поступать дурно или несправедливо по отношенію къ любому изъ вашихъ ближнихъ, и при этомъ сдѣлать необходимымъ, чтобы они дѣйствовали, постоянно увеличивая въ наибольшей степени прочность счастья всѣхъ окружающихъ ближнихъ и дальнихъ“. „Естественныя наклонности человѣчества,—продолжаетъ Оуэнъ,—всѣ хороши, если онѣ развиваются въ мѣру (to the point of temperance), и если общество, можетъ быть, сумѣетъ приобрести склонности здраваго смысла, оно ясно пойметъ какъ размѣстить, вести и воспитывать всѣхъ, такъ что они не будутъ имѣть иного желанія, кромѣ какъ развивать себя для наибольшаго здоровья и удовольствія въ должной мѣрѣ, и никогда ея не перейдутъ. Не существуетъ дурныхъ наклонностей въ человѣкѣ“. Въ этихъ словахъ отчетливо выражается та особенность міровоззрѣнія Оуэна, которая соединяетъ его съ общей философіей просвѣтительства. Это, во-первыхъ, оптимистическое воззрѣніе на естественныя наклонности человѣка—„не существуетъ дурныхъ наклонностей у человѣка“,—говоритъ Оуэнъ,—а затѣмъ убѣжденіе, что человѣческая личность представляетъ собой результатъ механическаго воздѣйствія общественной среды и что, слѣдовательно, личность сама по себѣ есть только формальное единство, выражаясь грубо, пустой мѣшокъ, въ который общество сыплетъ всякое содержаніе, и этотъ мѣшокъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой упругости, а принимаетъ ту форму, которую придаетъ ему насыпаемый въ него матеріаль.

Поэтому для того, чтобы устроить общественное счастье,

нужно установить соответствующее влияние на личность. Проблема общественной реформы для Оуэна, также как и для Платона, хотя и по совершенно другим мотивам, становится проблемой общественного воспитания. Воспитание, по мнению Оуэна, всеильно. „Каждое дитя,— говорит онъ,— можетъ быть воспитано во всякомъ языкѣ, чувствѣ, вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ, которые только не противорѣчатъ человѣческой природѣ. Всякому обществу, даже цѣлому міру, можетъ быть данъ характеръ отъ самаго лучшаго до самаго худшаго, отъ самаго невѣжественнаго до самаго просвѣщеннаго, соответственными средствами“. Поэтому задача социальной реформы есть задача прежде всего педагогическая, приводящая къ выработкѣ социального характера. Отсюда понятно практическое требованіе о томъ, что нужна школа для всѣхъ и обязательный трудъ для всѣхъ, потому что безъ труда невозможно воспитаніе. (Отсюда Оуэнъ становится проповѣдникомъ общеобязательнаго образованія.) При осуществленіи этой реформы воспитанія социальный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ самъ собой безъ болѣзни и безъ борьбы. Эти основы ученія Оуэна могутъ быть выражены въ видѣ слѣдующихъ краткихъ положеній, которыя были сформулированы имъ самимъ въ одномъ изъ сочиненій ¹⁾:

„1. Характеръ въ общемъ создается обстоятельствами, которыя окружаютъ индивида, а не имъ самимъ.

2. Человѣчеству можно привить всякія привычки и чувства.

3. Склонности не подлежатъ контролю индивида.

4. Всякій индивидъ можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ можетъ производить больше, чѣмъ потребляетъ, если ему предоставлено достаточное количество земли.

5. Культура создала средства, при помощи которыхъ населеніе во всякое время можетъ поддерживаться, и вся-

1) Опытъ объ образованіи человѣческаго характера, рус. пер.

кому индивиду будетъ обезпечено наибольшее счастье, при чемъ оно не нуждается въ помощи порока или нищеты въ качествѣ препятствія къ размноженію населенія. (Здѣсь полемика съ Мальтусомъ.)

6. Каждая община можетъ быть поставлена при помощи соотвѣтствующаго сочетанія этихъ принциповъ въ такое состояніе, при которомъ исчезнуть не только порокъ, нищета и бѣдность, но и каждое отдѣльное лицо получить больше постояннаго счастья, нежели выпадаетъ на долю кого бы то ни было при современныхъ условіяхъ.

7. Всѣ начала, на которыхъ до сихъ поръ основывались общества, ошибочны.

8. Подъемъ, который могъ бы быть осуществленъ принятіемъ новыхъ и правильныхъ принциповъ, можетъ быть осуществленъ, не причинивши ни одному лицу ни малѣйшаго зла“.

Таковы основоположенія Оуэновскаго социализма. Поэтому Оуэнъ считалъ осуществленіе общественной реформы, коренную социальную реорганизацию общества, осуществимою мирнымъ путемъ, путемъ убѣжденія и всеобщаго воспитанія. Онъ объявляетъ главной причиной всѣхъ золъ три вещи: религію, продажный бракъ, который существуетъ въ теперешнемъ обществѣ, и частную собственность. Для того, чтобы перейти отъ строя, основаннаго на частной собственности къ социализму, Оуэнъ обращается къ самимъ рабочимъ. Въ сущности, у него уже мы находимъ мысль марксизма о томъ, что „освобожденіе рабочаго класса, должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, однако въ пониманіи Оуэна это вовсе не значить, что оно есть дѣло только однихъ рабочихъ, ибо онъ обращается къ „суверенамъ, правительствамъ и народамъ Европы“ и стремится убѣдить ихъ въ осуществимости и въ благопріятныхъ результатахъ общественныхъ реформъ.

Оуэнъ является въ Англии, да и вообще въ исторіи XIX вѣка, однимъ изъ первыхъ представителей социализма, и самое понятіе и слово „социализмъ“ вводится въ употреб-

леніе въ началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка именно Оуэномъ. Но оуэновскій социализмъ, несмотря на отдѣльныя колебанія, остается мирнымъ,—въ немъ отсутствуетъ идея класовой борьбы, и усилія Оуэна направляются къ тому, чтобы искать мирнаго разрѣшенія социальнаго вопроса.

Говорить о теоретической законченности социалистической системы Оуэна, конечно, трудно; скорѣе можно видѣть въ ней ростки будущаго, при чемъ самъ авторъ оказывается гораздо ярче и интереснѣе своихъ идей. Обращаясь къ критикѣ или къ характеристикѣ міровоззрѣнія Оуэна, я долженъ подчеркнуть отличительную черту его общаго міровоззрѣнія, благодаря которой оно есть нечто иное какъ социальный бентамизмъ или социальное антиманчестерство. Близость между Бентамомъ и Оуэномъ состоитъ въ томъ, что въ сущности пониманіе проблемы личности у нихъ довольно сходно. Бентамъ превратилъ личность какъ-бы въ таблицу логарифмовъ для подсчета личной и общественной пользы, при чемъ самъ Бентамъ практически дѣлалъ этотъ подсчетъ въ пользу экономическаго либерализма и индивидуализма. Оуэнъ же, сохраняя ту же исходную точку зрѣнія, приходитъ къ практическимъ выводамъ социалистическаго характера. У него какъ и у Бентама личность, являясь всецѣло результатомъ среды, развивается гармонично въ случаѣ соблюденія чувства мѣры, т.-е. того же самаго бентамовскаго благоразумія. Но позволительно спросить: если личность есть лишь формальное единство, лишена всякой актуальности и инициативы, то что же представляетъ изъ себя общество? Общество, конечно, представляетъ изъ себя сумму личностей, но личность есть то, чѣмъ дѣлаетъ ее общество, въ смыслѣ же самостоятельнаго содержанія есть нуль. Что же представляетъ изъ себя общество, если оказывается, что оно состоитъ изъ нулей, помноженныхъ лишь на неопредѣленное число? Съ этой точки зрѣнія и самое общество, понимаемое какъ нѣчто органическое улетучивается, и совершенно непонятно, какимъ же образомъ и въ какомъ

смыслъ, эта сумма нулей можетъ оказаться такой единственно опредѣляющей силой. Неясность въ исходномъ понятіи личности роковымъ образомъ сопровождается неясностью и самого понятія общества. Но это еще не есть единственное затрудненіе, которое влечетъ за собой послѣдовательное приложеніе Оуэновско-Бентамовской точки зрѣнія. Значительно еще острѣе второй вопросъ, который заключается въ слѣдующемъ. Если личность опредѣляется обществомъ, а общество состоитъ изъ личностей, то какимъ образомъ вообще возможенъ общественный прогрессъ, какимъ образомъ возможны измѣненія въ общественномъ развитіи? Откуда можетъ быть данъ толчокъ и гдѣ дается инициатива такого измѣненія? Вѣдь каждая личность ничего не можетъ сдѣлать отъ себя, она есть результатъ среды. Поэтому, если послѣдовательно примѣнять эту точку зрѣнія, то надо придти къ предположенію что такое общество должно находиться въ состояніи хроническаго китаизма, т.-е. неподвижности, лишь повторяя самого себя, и новое творчество жизни и общественныхъ формъ оказывается совсѣмъ невозможно. Чтобы въ этомъ обществѣ началось измѣненіе, все равно революція или регрессъ, оно должно само себя вытащить изъ болота за волосы. Отдѣльнымъ личностямъ, изъ которыхъ суммируется общество, нужно самимъ *изъ себя* начать измѣненіе, чтобы это измѣненіе потомъ перешло дальше и выразилось въ перемѣнѣ и общественныхъ формъ. Поэтому для Оуэна остается неразрѣшимымъ вопросъ, какимъ образомъ вообще возможенъ соціальныи прогрессъ или эволюція. Дальнѣйшіе представители просвѣтительскаго соціализма, которые въ общемъ стоятъ на той же философской точкѣ зрѣнія и приближаются къ Бентаму и Оуэну, обыкновенно дѣлаютъ ссылки для объясненія общественной эволюціи на разные факторы развитія, отъ личности также не зависящіе.

Экономическій матеріализмъ, на примѣръ, указаль въ качествѣ такого недостающаго у Оуэна движущаго фактора истории экономическаго процесса. Можно подставить сюда

и другіе историческіе факторы, но общей особенностью этого типа ученій останется то, что пружина, приводящая механизмъ въ движеніе, лежитъ внѣ личности, остается такъ сказать за кулисами, скрывается подъ землю.

Для Оуэна съ его просвѣтительскимъ оптимизмомъ столь же неразрѣшимымъ является и вопросъ о природѣ зла: откуда же происходитъ зло? зло вообще и въ частности социальное зло? Если, дѣйствительно, человѣкъ по природѣ такъ добръ и не имѣетъ прирожденныхъ дурныхъ наклонностей, или если личность опредѣляется обществомъ и потому ни одна личность сама не можетъ себя испортить и нарушить эту гармонію, то, стало быть, должна бы торжествовать гармонія, что явнымъ образомъ противорѣчитъ дѣйствительности. Вопросъ о томъ, что представляетъ собою личность, въ какой степени она является активнымъ началомъ исторіи, а въ какой пассивнымъ, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ и философіи, и этики, и исторіи. Вопросъ о роли личности въ исторіи есть въ сущности вопросъ о свободѣ или несвободѣ человѣческой воли. Во всемъ объемѣ этотъ вопросъ принадлежитъ къ области философіи и, въ частности, метафизики. Если бы Оуэнь разрѣшалъ этотъ вопросъ во всей его глубинѣ и сложности, присущей философской и метафизической его постановкѣ, необходимо было бы послѣдовать за нимъ въ эти области, чтобы изслѣдовать его аргументацію. Но мы знаемъ, что его аргументація такъ далеко не идетъ; она чисто практическая; онъ черпаетъ ее изъ окружающей жизни, изъ опыта своего социальнаго реформаторства. Отсюда онъ вынесъ убѣжденіе, что личность слѣдуетъ разсматривать какъ величину пассивную и безотвѣтственную, и, слѣдовательно, его ученіе о личности имѣетъ характеръ практически-этической. Но если разсматривать вопросъ даже только въ этихъ предѣлахъ, то и въ такомъ случаѣ провести эту точку зрѣнія послѣдовательно нѣтъ никакой возможности. Мыслимо еще отрицать метафизически свободу воли и личную отвѣтственность, но послѣ-

довательно провести этотъ принципъ на практикѣ совершенно невозможно. И прежде всего самихъ себя мы не можемъ послѣдовательно мыслить продуктомъ среды, не имѣющимъ никакой личной инициативы, потому что въ непосредственномъ нашемъ сознаніи присутствуетъ воля и ея сознаніе. Сознаніе этой воли,—соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ оно метафизической дѣйствительности,—въ нашемъ эмпирическомъ сознаніи во всякомъ случаѣ выражается какъ чувство свободы и связанной съ ней моральной отвѣтственности, и на этомъ основана вся наша практическая дѣятельность.

Если Оуэнъ считалъ, что личность или общество всецѣло есть продуктъ обстоятельствъ, то спрашивается, какимъ же образомъ онъ могъ всю свою жизнь и всю свою энергію отдать на то, чтобы призывать фабрикантовъ, рабочихъ, парламенты и королей, лицъ самыхъ разныхъ положеній къ усиліямъ для общественной реформы? Очевидно, практически и онъ дѣйствовалъ, какъ бы исходя изъ того предположенія, что они какъ будто имѣютъ свободу выбора, могутъ поступать такъ или иначе. Очевидно, послѣдовательное проведеніе точки зрѣнія Оуэна ведетъ къ фатализму и уничтоженію не только личной отвѣтственности, но и личной инициативы. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что наиболѣе блестящій и яркій аргументъ противъ теоріи Оуэна даетъ онъ самъ своею собственною жизнью—этимъ удивительнымъ романомъ, по выраженію его біографа,—и она же есть практическое неопровержимое доказательство силы идей и идеаловъ, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ ими воодушевленъ.

Отмѣчу еще одно уже чисто практическое противорѣчіе, которое связано съ ученіемъ Оуэна. Оуэнъ проповѣдовалъ социализмъ, онъ хотѣлъ поднять общественную нравственность, пробудить общественную совѣсть, устранить социальныя неурядица, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ, что личность безотвѣтственна. Однако, болѣе совершенный общественный строй предполагаетъ не безотвѣтствен-

ность личности, но повышенную ея отвѣтственность; онъ не только не ослабляетъ ея или дѣлаетъ во все ненужной, а напротивъ, ее увеличиваетъ, потому что вся та активность, которая въ демократическихъ обществахъ переходитъ отъ правительства на общество, соотвѣтственно увеличиваетъ и активность личности. Поэтому въ своемъ стремленіи къ социализму Оуэнъ, казалось бы, скорѣе долженъ былъ требовать повышенія личной отвѣтственности и не принижать личность, какъ онъ это дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, теоретически, но возвышать ее, какъ онъ это и самъ дѣлаетъ практически. Вслѣдствіе этого въ міровоззрѣніи Оуэна остается та же общая непослѣдовательность и неясность, которую можно видѣть и у Бентама и вообще во всемъ этомъ теченіи философіи просвѣтительства. Задача социальнаго реформатора, вообще широкаго общественнаго дѣятеля, которая одушевляла Оуэна, совершенно не вяжется съ такимъ скуднымъ ученіемъ, какъ то, что человѣкъ есть всецѣло продуктъ общества, а личность представляетъ собой только формальное единство, пассивное начало. Напротивъ, съ этой задачей надо обращаться къ чувству свободы и отвѣтственности, ставя передъ личностью ту идеальную цѣль, къ которой нужно итти. Оуэнъ же призываетъ итти впередъ, но въ то же время увѣряетъ насъ, что наши ноги представляютъ лишь иллюзію.

Оглядываясь назадъ, мы поражаемся, какъ рѣзко отличается духовная позиція, занятая Оуэномъ, отъ міровоззрѣнія индипендентовъ, Мильтона, Кромвеля, вообще отъ пуританства. За протекшіе полтора вѣка здѣсь получилась полная перетасовка понятій, создалась такая противоположность, которую можно выразить только по Гегелю, какъ тезисъ и антитезисъ, или какъ да и нѣтъ. Кальвинисты и индипенденты считали личность свободной, отвѣтственной передъ Богомъ и своей совѣстью и творческой въ исторіи; они приписывали ей такое всемогущество, такую автономію, такую несвязанность съ исторической средой и своимъ прошлымъ, что хотѣли быть совсѣмъ независимыми

отъ исторіи и въ этомъ смыслѣ называли себя индепендентами (независимыми). Напротивъ, Оуэнь проповѣдуетъ деппендентство,—ученіе о томъ, что личность всецѣло зависитъ отъ общества и внѣ его ничего въ себѣ не содержитъ.

Полную противоположность Оуэну составляютъ его знаменитые соотечественники Рёскинъ ¹⁾ и Карлейль, ²⁾ носители духа индепендентства въ современной оболочкѣ. Борьба съ бентамизмомъ составляетъ паѳосъ Карлейля, а оуэновскій социализмъ въ философскихъ основахъ своихъ есть лишь разновидность бентамизма.

Значеніе Оуэна въ исторіи социальныхъ идей заключается въ томъ, что въ его міровоззрѣніи выразился—въ наивной, но зато прозрачной формѣ—опредѣленный типъ социальной философіи, *соціальный детерминизмъ*, и обозначились уже основныя внутреннія противорѣчія этого ученія. Въ исторіи 19-го вѣка социальному детерминизму принадлежитъ очень видная роль: радикальный кетлетизмъ, органическая теорія Спенсера, марксизмъ—суть лишь его разновидности. Наибольшее практическое значеніе здѣсь имѣеть, конечно, марксизмъ, и про него можно сказать, что въ общей своей концепціи социальнаго детерминизма онъ лишь воспроизводитъ идеи оуэнизма и не дѣлаетъ ни одного шага впередъ по сравненію съ нимъ. Онъ разлагается такъ же, какъ и оуэнизмъ, отъ внутренняго противорѣчія своихъ началъ, именно отъ неспособности разрѣшить вопросъ о свободѣ и необходимости, о части и цѣломъ, о личности и обществѣ. Такъ какъ социальный детерминизмъ и до сихъ поръ остается широко распространеннымъ міровоззрѣніемъ не только въ широкой публикѣ, но и въ кругахъ научныхъ специалистовъ, то и идеи Оуэна возбуждаютъ къ себѣ не одинъ лишь историческій, но и злободневный интересъ.

С. Булгаковъ.

¹⁾ Ср. нашъ очеркъ „Соціальное міровоззрѣніе Дж. Рёскина“, Вопросы Философіи и Психологіи, 1910, I.

²⁾ О Карлейлѣ см. нашъ очеркъ „О социальномъ морализмѣ“ въ сборникѣ „Два града“. Москва, 1911, томъ I.

Понятія нормировки и детерминаціи въ біологіи.

Первой фазой научнаго ознакомленія съ объектами внѣшняго міра является описаніе ихъ, которое должно удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ: помимо необходимой полноты и вѣстѣ съ тѣмъ краткости, формулировка, являющаяся результатомъ описанія, должна быть одинаково примѣнима, должна имѣть обязательную силу для любого случая или любого экземпляра разсматриваемой категоріи, независимо отъ различныхъ условий времени и пространства, при которыхъ совершается наблюденіе даннаго индивидуальнаго случая. Изъ этого слѣдуетъ прежде всего, что мы въ состояніи составлять видовыя представленія или категоріи т. с. интуитивнымъ путемъ, т.-е. съ достаточной степенью увѣренности причисляемъ къ одному виду рядъ объектовъ, завѣдомо не во всемъ совпадающихъ другъ съ другомъ.

Ислѣдованіе этой стороны познавательной способности не входитъ однако въ предѣлы нашей задачи.

Для насъ важна возможность извлечь изъ ряда лишь аналогичныхъ другъ съ другомъ, связанныхъ лишь видовымъ понятіемъ объектовъ, нѣчто общее имъ всѣмъ, нѣчто приобретающее для насъ особенный интересъ и значеніе, то, что мы обыкновенно называемъ *сущностью* даннаго объекта (или, вѣрнѣе, даннаго вида.)

«Сущность» даннаго вида объектовъ называется обыкновенно (эмпирическимъ) закономъ, достовѣрность котораго можетъ достигнуть очень высокой степени, но никогда не можетъ претендовать на полную аподиктичность: «alles, was aus Erfahrung stammt, kann durch weitere Erfahrung widerlegt werden» (Hertz).

Нахожденіе эмпирическихъ законовъ, являющееся первой ступенью естественно-научнаго ислѣдованія, бываетъ дѣломъ не-

рѣдко чрезвычайной трудности уже въ т. н. неорганическихъ наукахъ, которыя, какъ мѣтко выяснилъ недавно Карповъ¹⁾, занимаются пока мѣстъ изученіемъ явленій, а не «естественныхъ тѣлъ».

Въ области біологіи, напротивъ того, въ значительной степени уже теперь, а еще больше въ будущемъ, изученіе «естественныхъ тѣлъ» призвано стать въ центрѣ интереса изслѣдованія.

И здѣсь предъ нами появляется трудность слѣдующаго рода: въ то время какъ при изученіи «явленій» въ неорганическихъ наукахъ, мы можемъ продолжить процессъ редукціи до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до явленія, имѣющаго обязательную силу при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ и являющагося искомымъ (эмпирическимъ) закономъ, при изученіи «естественныхъ тѣлъ», каковыми являются объекты біологіи, процессъ редукціи зависитъ не отъ насъ и не отъ постановки нашего вопроса, но отъ самой природы объектовъ. Пояснимъ сказанное нѣсколько ближе.

Въ проблемахъ неорганическихъ наукъ объекты не выступаютъ предъ нами въ качествѣ обособленныхъ индивидуумовъ, но могутъ быть лишь болѣе или менѣе сложными комплексами явленій, изъ которыхъ мы можемъ по нашему желанію выбрать то или другое элементарное явленіе и, изучивъ его отдѣльно, воссоздать его прежнія связи.

Если мы изслѣдуемъ два свѣтовыхъ явленія, разнящихся въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ отъ друга, то намъ еще совершенно неизвѣстно въ началѣ изслѣдованія, когда мы дойдемъ до начала, общаго обоимъ, и въ чемъ такое начало будетъ заключаться, т.-е., другими словами, не сумѣемъ устранить неравенства явленій А и В на опредѣленной ступени ихъ расчлененія, мы не теряемъ надежды достигнуть тождественной обоимъ явленіямъ «сущности» при дальнѣйшемъ отщепленіи факторовъ или моментовъ, различныхъ обоимъ явленіямъ.

Такъ, напр., мы констатируемъ различныя явленія преломляемости въ двухъ свѣтовыхъ явленіяхъ. Предположимъ, что намъ удалось сначала подмѣтить и устранить неравенство плотности средъ, чрезъ которыя въ томъ и другомъ случаѣ проходятъ свѣ-

¹⁾ См. „Вопр. Философіи“, книга 98.

товые лучи. Возможно, что и послѣ этого оба свѣтовыхъ феномена не совпадаютъ по своей преломляемости другъ съ другомъ, и что нами можетъ быть обнаружено неравенство длины свѣтовыхъ волнъ въ томъ и другомъ случаѣ, и послѣ этого получается формула преломленія, общая тому и другому явленію, т. н. «законъ преломленія». Исходные объекты нашего наблюденія,— преломленіе красныхъ лучей въ средѣ плотности n и фіолетовыхъ въ средѣ плотности m , являются одной изъ безчисленныхъ мыслимыхъ комбинацій свѣтовыхъ явленій, изъ которыхъ ни одно не представляетъ собой типичнаго «индивидуума», и т. к. комбинаціи условій совершенно произвольны, то понятно, что и съ существованіемъ специально того или другого комплекса ихъ не можетъ быть связано особеннаго интереса или специальной проблемы.

Совершенно другое дѣло, если предметомъ изслѣдованія являются свойства индивидуума, «естественнаго тѣла», имѣющія отношеніе именно къ *данной* его цѣлости или индивидуальности, напр., величина и масса или конфигурація естественныхъ тѣлъ, напр., организмовъ. Какой видъ и содержаніе можетъ принять (эмпирическій) законъ, предполагаемый въ основѣ конфигураціи особей даннаго вида, если наблюденіе многочисленныхъ индивидуумовъ показываетъ, что эта конфигурація въ нихъ не тождественна?

Законъ или формула, примѣнимая ко всѣмъ особямъ даннаго вида, будетъ, конечно, заключать въ себѣ то, что является общимъ для всѣхъ ихъ, то, что мы можемъ назвать сущностью или типомъ. Какъ и всякое видовое понятіе, «типъ» будетъ значительно бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ любой конкретный случай, такъ какъ мы создаемъ первый изъ послѣднихъ, отбрасывая отъ нихъ цѣлый рядъ ихъ свойствъ. То же самое мы дѣлаемъ, конечно, выискивая «законъ» для ряда «явленій» неорганическаго міра: отъ сложнаго комплекса элементарныхъ процессовъ, каковымъ обыкновенно бываетъ непосредственно наблюдаемое нами, мы извлекаемъ лишь одинъ изъ этихъ элементовъ, общій всѣмъ, напр., фактъ эфирныхъ колебаній, лежащихъ въ основѣ всѣхъ свѣтовыхъ явленій. Но, во-первыхъ, специальная комбинація или специальныя условія, легшія въ основу наблюдаемаго нами непосредственно комплекса, являются лишь одной и притомъ произвольной изъ безчисленныхъ возможныхъ комбинацій, за ко-

торыми нельзя признать никакого типа, индивидуальности, которую мы бы приносили въ жертву, совершается ея анализъ. Во вторыхъ, расчлняя комплексное явленіе, мы, собственно говоря, не отбрасываемъ ни одной его части, т. к. всегда въ состояніи отнестн ея къ тому или другому «закону». Такъ въ нашемъ примѣрѣ съ двумя свѣтовыми явленіями мы въ поискахъ общаго принципа, «закона» ихъ, элиминируя моментъ различной плотности среды А и В, можемъ создать изъ отношенія между распространеніемъ свѣта и плотностью среды, въ свою очередь, специальный законъ.

Иначе обстоитъ дѣло при установленіи видоваго понятія, т.-е. «эмпирическаго закона», для ряда особей, «естественныхъ тѣлъ», т.-е. организмовъ.

Абстрагируя отъ индивидуальныхъ чертъ каждой, мы принуждены дѣйствительно отбрасывать, игнорировать ихъ, такъ какъ именно ихъ многообразіе и служитъ помѣхой для созданія видовой формулы изъ всего объема непосредственнаго наблюденія. Такъ какъ отброшенныя индивидуальныя свойства особей являются самостоятельными лишь для нашего анализа, а не въ дѣйствительности, то при этой операціи и происходитъ настоящее разрушеніе природы индивидуума. Единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія является примѣненіе къ проблемамъ, относящимся къ естественнымъ тѣламъ, своеобразнаго метода субсуммированія, совершенно чуждаго неорганическимъ наукамъ, трактующимъ о «явленіяхъ». Методъ этотъ въ настоящее время широко примѣняется во многихъ отрасляхъ біологическихъ наукъ и носитъ обыкновенно названіе варіаціонной статистики. Сущность его заключается въ слѣдующемъ.

Изучая какое-либо свойство организма меристическаго характера, т.-е. могущее быть выраженнымъ цифровыми данными, мы можемъ для сопоставленія данныхъ, добытыхъ отъ многихъ индивидуумовъ, которыя мы желаемъ подчинить видовому понятію, избрать одинъ изъ двухъ путей: изъ цифрового матеріала можно образовать т. н. среднюю ариѳметическую величину, которая и будетъ считаться характеристикой даннаго видоваго свойства.

Представимъ себѣ, что подсчетъ тычинокъ изъ большого числа цвѣтковъ или т. н. лучей въ плавникахъ рыбы одного вида дастъ намъ колебанія чиселъ въ предѣлахъ между n и

п+р. Образовавъ среднюю ариѳметическую или, даже проще, выдѣливъ только наиболѣе часто встрѣчающееся число, мы можемъ счесть его типичнымъ для даннаго вида; отклоняющіеся въ ту или другую сторону случаи называются при этомъ варіаціями. Удѣляя наше вниманіе исключительно этой средней величинѣ, мы при описаніи даннаго видоваго свойства возводимъ ее въ (эмпирической) «законъ», варіаціи же вовсе не входятъ при этомъ въ разсмотрѣніе.

Вполнѣ очевидно, что подобное разсмотрѣніе видовъ оказывается достаточнымъ далеко не во всѣхъ случаяхъ. Нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что свойство всѣхъ особей даннаго вида обладать признакомъ P , дающимъ среднюю ариѳметическую $= Q$, больше выражаетъ его сущность или замѣчательнѣе, чѣмъ реальный фактъ колебанія этого признака между извѣстными предѣлами $Q-m$ и $Q+n$. Свойство варьировать почти всѣми своими признаками такъ же неотъемлемо для всѣхъ естественныхъ тѣлъ, специально для организмовъ, какъ и свойство этихъ варіацій группироваться вокругъ опредѣленной величины, которая часто, но не всегда, совпадаетъ съ средней ариѳметической.

Такимъ образомъ, желая выразить въ опредѣленной формулѣ дѣйствительную сущность какого-нибудь признака даннаго вида, мы должны, основываясь на достаточномъ количествѣ индивидуальныхъ наблюдений, установить объемъ и типъ варіацій, такъ называемую, варіаціонную кривую. Такая кривая будетъ дѣйствительнымъ эмпирическимъ закономъ для даннаго видоваго признака и главнымъ драгоценнымъ свойствомъ его будетъ примѣнимость къ каждому отдѣльному экземпляру даннаго вида, такъ какъ въ рамкахъ кривой есть мѣсто для всякаго изъ нихъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣняя эмпирическую кривую варіацій къ предсказанію свойства неизвѣстнаго еще экземпляра, мы не въ состояніи высказаться въ этомъ случаѣ вполнѣ опредѣленно, а должны ограничиться указаніемъ вѣроятности того или другаго положенія его на кривой. Нашъ эмпирической законъ является т. о. таковымъ лишь для вида или для коллектива, но не для отдѣльнаго индивидуума—и можетъ быть поэтому названъ «коллективнымъ» закономъ.

Наукамъ, имѣющимъ своими объектами «естественныя тѣла»,

доступны т. о. лишь коллективные законы. Таковы законы статистики.

Приступая къ коллективному изученію какого-либо свойства или явленія естественнаго тѣла, мы, конечно, не можемъ предсказать, въ какую сторону выльется ожидаемая вариационная кривая. Теоретически возможны безконечно разнообразныя числовыя отношенія различныхъ случаевъ. Но опытъ показалъ, и въ этомъ заключается самый цѣнный результатъ вариационной статистики, отцомъ которой является Quetelet, что въ большинствѣ біологическихъ объектовъ, растительныхъ и животныхъ, статистическое изученіе любого меристического признака или явленія приводитъ къ болѣе или менѣе типичной кривой, главнымъ свойствомъ которой является ея *одновременность*. Другими словами, если мы на абсциссѣ будемъ откладывать цифровую характеристику изслѣдуемаго свойства въ восходящемъ порядкѣ, на ординатѣ—количества случаевъ, то начало и конецъ кривой будутъ находиться у абсциссы, вершина же кривой (и притомъ обыкновенно въ единственномъ числѣ) будетъ занимать центральное положеніе. Итакъ, крайніе въ меристическомъ смыслѣ признаки (напр., особенно большія и особенно меньшія особи и т. д.) будутъ встрѣчаться наиболѣе рѣдко, величины, отклоняющіяся отъ крайнихъ предѣловъ даннаго вида—чаще, и наиболѣе часто (обыкновенно даже въ видѣ крутого maximum'a кривой) величины, близкія къ средней арифметической. Такое распределеніе оказывается типичнымъ для самыхъ разнообразныхъ видовыхъ массъ (коллективныхъ предметовъ—Kollektivsysteme по выраженію G. Th. Fechner'a), какъ показали безчисленные изслѣдованія, начатыя еще Quetelet и проведенныя цѣлымъ рядомъ зоологовъ, ботаниковъ, антропологовъ и статистиковъ¹⁾.

Кривыя, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе большинства коллективныхъ предметовъ, пріобрѣтаютъ особенный интересъ и значеніе въ виду того, что онѣ обыкновенно болѣе или менѣе приближаются къ т. н. «Гауссовой кривой» (кривой случая, нормальной кривой)²⁾. Послѣдняя выведена, какъ извѣстно, Gaus-

¹⁾ Сравни Quetelet—Antropométrie, G. Th. Fechner—Collectivmasslehre, de Vries—Mutationstheorie и многочисленныя изслѣдованія въ ботанической области Ludwig'a, въ различныхъ областяхъ Pearson'a и его школы, Duncker'a и цѣлага ряда другихъ авторовъ.

²⁾ Относительно случаевъ, дающихъ кривыя, не совпадающія съ Гауссовой кривой ср. изслѣдованія Pearson'a.

с'омъ для распредѣленія т. н. несистематическихъ, случайныхъ ошибокъ многократнаго наблюденія постоянной величины. Совпаденіе статистическаго матеріала съ кривой Gauss'a, поразившее уже Quetelet, было въ самой широкой степени использовано соціологами и біологами, занимавшимися изученіемъ законовъ варіацій (т. н. біометріей).

Исходя изъ того, что кривая Gauss'a получается въ томъ случаѣ, если при многократномъ наблюденіи величины или явленія, самого по себѣ постояннаго, на результатъ каждаго наблюденія, т.-е. на величину каждаго конкретнаго случая вліяютъ многочисленныя, разнообразныя и не систематическія ошибки,—соціологи и біологи склонны въ большинствѣ случаевъ къ слѣдующей интерпретаціи своихъ результатовъ: въ основѣ коллективнаго явленія лежитъ факторъ (или законъ) по своему существу *постоянный*, величина его выражается вершиной кривой. Но такъ какъ осуществленіе закона въ каждомъ конкретномъ случаѣ подвержено воздѣйствію внѣшней среды, включающему въ себѣ безчисленное количество всевозможныхъ, случайныхъ, не систематическихъ моментовъ, то совокупность варіацій, т.-е. отклоненій отъ нормы и пріобрѣтаетъ распредѣленіе, близкое къ кривой Gauss'a.

Теоретическое значеніе этихъ представленій и выводовъ чрезвычайнó велико съ различныхъ точекъ зрѣнія, но для нашей цѣли въ особенности интересна заключающаяся въ этой интерпретаціи варіацій видоваго понятія попытка объединить характеръ и сущность законовъ, которые мы въ состояніи вывести для «явленій» неорганическаго міра съ законами, имѣющими силу для «естественныхъ тѣлъ». Непосредственное наблюденіе большого числа послѣднихъ, приводящее насъ къ выводу, что всѣ законамѣрности, которыя мы въ состояніи вывести для нихъ, имѣютъ лишь приблизительную точность, оставляетъ въ насъ чувство глубокаго неудовлетворенія, въ особенности по сравненію съ чистотой и непогрѣшимостью конечныхъ законовъ «явленій», и поэтому и является методологически важнымъ и желательнымъ выдѣлить и для коллективовъ «естественныхъ тѣлъ» законъ, самъ по себѣ абсолютный, но вступающій во взаимодѣйствіе съ цѣлымъ рядомъ постороннихъ и несущественныхъ причинъ при каждомъ конкретномъ случаѣ своего осуществленія.

Но несомнѣнно, что взглядъ этотъ является совершенно догматичнымъ—представленіе о томъ, что всѣмъ особямъ коллектива

присуща общая и идентичная (и въ количественномъ отношеніи) сущность, т.-е. обладающій абсолютной силой законъ, является постулатомъ, не могущимъ притязать на логическую необходимость.

Обычная въ статистикѣ интерпретація варіаціонной кривой должна быть доказана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и больше того, для обширнаго, но покамѣстъ еще совѣмъ не затронутого статистическимъ изслѣдованіемъ класса коллективныхъ процессовъ, обычный постулатъ является даже мало вѣроятнымъ.

Коллективные предметы, служащіе до сихъ поръ объектами соціальной и біологической статистики, не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ матеріальной, реально осязательной связи между собой въ пространствѣ или во времени. Если мы, произведя изслѣдованіе какого-либо свойства на большомъ числѣ индивидуумовъ одного вида, разбросанныхъ далеко другъ отъ друга и не связанныхъ по времени, найдемъ для него коллективное выраженіе въ видѣ типичной кривой, то что это, собственно говоря, обозначаетъ?

Если мы констатируемъ, что дробленіе яйца лягушки во всѣхъ странахъ и въ различные годы совершается по типу настолько одинаковому, что варіаціи индивидуальныхъ случаевъ при поверхностномъ наблюденіи могутъ даже ускользнуть отъ нашего вниманія, то мы выводимъ, что для даннаго процесса существуетъ «правило», которое могло бы даже превратиться въ непреложный «законъ», если бы не различныя въ конкретныхъ случаяхъ воздѣйствія внѣшней среды, приводящія къ варіаціямъ. Но какъ себѣ представить и чѣмъ обосновать общность закона для всѣхъ безчисленныхъ лягушекъ, разбросанныхъ по земному шару? Свести все на общность происхожденія едва ли возможно, и во всякомъ случаѣ представленіе объ одномъ *индивидуумѣ*, родоначальникѣ всѣхъ лягушекъ, совершенно неприемлемо. Т. о. присутствіе видовъ, включающихъ несмѣтныя количества индивидуумовъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ и во времени, является фактомъ, съ которымъ мы, конечно, должны мириться, но отъ пониманія котораго мы еще очень далеки.

Если мы оставимъ біологическую статистику и обратимся къ объектамъ соціальной, то здѣсь намъ будетъ еще болѣе ясно, что въ объединяемости какого-либо комплекса въ коллективный предметъ можно убѣдиться лишь эмпирическимъ путемъ, а

posteriori, и едва ли найдутся случаи массовыхъ явленій человѣческаго общества, гдѣ подчиненность индивидуальныхъ случаевъ очевидна a priori, до изслѣдованія, и послѣднее лишь выясняетъ характеръ, т.-е. кривую этой подчиненности.

Предѣлы установленія коллективныхъ законовъ никоимъ образомъ не совпадаютъ съ предѣлами ихъ пониманія, и наиболѣе убѣдительною иллюстраціей этого являются нашумѣвшія въ свое время увлеченія коллективными законами со стороны самого Quetelet, говорившаго о «бюджетѣ тюремъ и эшафота» и т. д.

Но мыслимы коллективные законы и совершенно другого порядка и къ разсмотрѣнію ихъ, какъ къ главной темѣ нашего изслѣдованія, мы теперь и обратимся. Къ первой категоріи такихъ законовъ, мы можемъ причислить результаты воздѣйствія какъ естественнаго, такъ и искусственнаго, т.-е. экспериментальнаго, на комплексъ объектовъ, которые мы можемъ счесть въ общемъ однородными.

Искомымъ неизвѣстнымъ будетъ въ данномъ случаѣ не природа или сущность закона воздѣйствія, который предполагается извѣстнымъ или даже находится въ рукахъ экспериментатора, но результатъ примѣненія его къ выбранному для отвѣта или наблюдаемому комплексу.

Предположимъ, напр., что п особей одного вида, которыя мы имѣемъ основаніе предполагать однородными, подвергаются общему для всѣхъ воздѣйствію какого-нибудь фактора, напр., определенной температурѣ.

Результатъ воздѣйствія возможенъ двоякій: или совершенно одинаковый для всѣхъ особей, или неодинаковый. Первый случай не представляетъ, конечно, собой дальнѣйшей проблемы, во второмъ случаѣ, изслѣдованіе различія отдѣльныхъ результатовъ можетъ привести насъ къ определенной закономерности, которая будетъ въ этомъ случаѣ называться «коллективнымъ» закономъ воздѣйствія даннаго фактора на изслѣдуемый комплексъ.

Въ противоположность коллективнымъ законамъ соціальной и біометрической статистики, мы въ случаяхъ послѣдней категоріи имѣемъ дѣло не съ абстракціей, а съ реальнымъ и вполне извѣстнымъ намъ факторомъ, и центръ тяжести нашего изслѣдованія переносится на отношеніе отдѣльныхъ объектовъ къ данному общему «коллективному фактору».

Взгляды на это отношеніе могутъ быть чрезвычайно различны и изслѣдованіе ихъ представляетъ большой интересъ.

Исходя изъ разобраннаго нами уже выше и обоснованнаго результатами изслѣдованій явленій неорганическаго міра взгляда, мы имѣемъ обыкновенно предвзятое отношеніе къ зависимости между предшествующимъ и послѣдующимъ процессами, осуществляющейся не во всѣхъ, а лишь въ извѣстномъ $\%$ наблюдаемыхъ случаевъ.

Если мы наблюдали повторно, но не всегда, что А слѣдуетъ послѣ В или что А измѣняется съ измѣненіями В, то мы бываемъ склонны обозначить наблюдаемую зависимость, какъ «правило» въ противоположность «закону», не терпящему исключеній.

Принципіальное различіе между «правиломъ» и «закономъ» обосновывается укоренившимся убѣжденіемъ, что любой признакъ, наблюдаемый на безчисленномъ количествѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ одного вида, является результатомъ совершенно типичной и идентичной для всѣхъ причинной цѣпи и что поэтому результатъ «долженъ былъ бы» или «могъ бы» быть во всѣхъ случаяхъ вполне идентиченъ, если бы осуществленію этого общаго всѣмъ случаямъ принципа не мѣшали «посторонніе», побочные моменты.

Но убѣжденіе это является само по себѣ дѣломъ вѣры, такъ какъ оно, вообще говоря, вовсе не доказуемо.

Если мы при большой серіи наблюденій наталкиваемся на извѣстный, опредѣленный типъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, то, конечно, вполне резонно свести немногочисленные исключенія на «случайныя, несущественныя» пертурбаціи, не имѣющія значенія. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ различныя вариации типа не имѣютъ особеннаго перевѣса другъ предъ другомъ, становится совершенно невозможнымъ придать одной изъ нихъ преимущественное значеніе «основного принципа» по сравненію съ другими. Въ такихъ случаяхъ рѣшающимъ долженъ явиться опытъ.

Примѣненіе къ изучаемому явленію опыта сводится къ измѣненіямъ или элиминаціи по очереди отдѣльныхъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ данный процессъ; при элиминаціи «побочныхъ» факторовъ, однообразіе наблюдаемыхъ результатовъ должно увеличиться и даже дойти до абсолютнаго; вторымъ ме-

тодомъ выдѣленія «основного» фактора является измѣненіе различныхъ факторовъ: только въ томъ случаѣ, если измѣненія результата окажутся функціей измѣненія одного изъ факторовъ, послѣдній можетъ быть выдѣленъ въ качествѣ основного изъ ряда побочныхъ причинныхъ моментовъ.

Но при этомъ мы можемъ натолкнуться на слѣдующій, особенно важный случай, требующій ближайшаго разсмотрѣнія.

Предположимъ, что явленіе А, наблюдаемое въ неограниченномъ количествѣ случаевъ, носить характеръ A_n въ $p\%$ всѣхъ случаевъ, характеры A_p , A_t также въ опредѣленныхъ другихъ $\%$ разъ ¹⁾.

Представимъ теперь, что одинъ изъ факторовъ, обуславливающихъ собой А, факторъ Р, является переменнѣй величиной, т.-е. воспроизведемъ, другими словами, обычныя условія опыта и допустимъ, что при каждомъ измѣненіи Р мѣняется соответственно и характеръ A_p , но всегда лишь въ опредѣленныхъ $p\%$ всѣхъ случаевъ.

Мы находимъ, напр., что длина какого-нибудь органа даннаго вида выражается для коллектива опредѣленной кривой. Представимъ себѣ теперь, что мы подвергаемъ весь комплексъ какому-нибудь переменному по своей природѣ воздѣйствію, напр., различнымъ температурамъ, и допустимъ, что при температурѣ t^0 длина m , т.-е. мѣсто m на оси абсциссъ, осуществляется въ p случаяхъ (т.-е. имѣетъ ординату p). Пусть теперь при нарастающихъ измѣненіяхъ температуры $(t+1)^0$, $(t+2)^0$, $(t+3)^0$ кривая передвигается вдоль оси абсциссъ параллельно самой себѣ, т.-е. пусть величинѣ p ординаты соответствують по очереди на абсциссѣ мѣста $m+1$, $m+2$, $m+3$ и т. д.

Если достаточнымъ количествомъ видоизмѣненій опыта можно доказать или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать очень вѣроятнымъ, что измѣненія координатъ любой точки кривой являются (f) измѣненій t^0 , то мы не можемъ смотрѣть на зависимость между тѣмъ и другимъ иначе, чѣмъ на *причинную*, и тѣмъ самымъ устанавливаемъ дѣйствительный законъ, который заслуживаетъ названіе «коллективнаго», т. к. обладаніе функціей, связывающей t^0 съ

¹⁾ Различные показатели p , n , t , которые должны обозначать различный характеръ случаевъ А, можно представить себѣ, какъ количественные или качественные параметры явленія, предполагаемые переменными.

координатами любой точки кривой, не даетъ намъ никакихъ указаній относительно ожидаемой величины каждаго конкретнаго случая, а лишь относительно всего комплекса. Независимость каждаго отдѣльнаго случая отъ закона, являющагося таковымъ для всего коллектива, будетъ, конечно, лишь кажущейся, но во всякомъ случаѣ зависимость эта своеобразна и нуждается въ особенномъ обозначеніи. Мы будемъ въ дальнѣйшемъ называть зависимость какого-либо процесса или явленія отъ переменнаго фактора, познаваемую не въ конкретныхъ случаяхъ, а лишь во всемъ коллективѣ *«нормировкой»* его.

Включеніе понятія «нормировки» въ обычную схему причиннаго отношенія доставляетъ на первый взглядъ нѣкоторыя затрудненія и нуждается поэтому въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи.

Каждый изъ индивидуальныхъ случаевъ, входящихъ въ составъ разбираемаго коллектива, конечно, вполне детерминированъ совокупностью свойственныхъ ему причинныхъ факторовъ, и такъ какъ случаи а, в, с..., входящіе въ составъ коллектива, предполагаются не идентичными, а лишь аналогичными другъ другу (подходящими подъ видовое понятіе), то каждая такая совокупность факторовъ, соответственная каждому индивидууму, будетъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаться отъ другихъ совокупностей. Но если всѣ эти совокупности причинныхъ факторовъ (другими словами, всѣ индивидуумы комплекса) подвергнуты единовременному воздѣйствію фактора А, называемаго нами *«коллективнымъ»*, результаты окажутся въ каждомъ конкретномъ случаѣ различными, но для *всего коллектива типичными*.

Типичность эта будетъ однако лишь предѣльнымъ понятіемъ, и каждый конкретный коллективъ будетъ болѣе или менѣе приближаться къ нему, при чемъ степень приближенія будетъ зависетьъ отъ количества индивидуумовъ въ коллективѣ и вообще начнетъ проявляться лишь при условіи оперирования съ достаточно большими числами.

Наши «коллективные» законы являются, другими словами, т. н. законами большихъ чиселъ, изученіемъ которыхъ занимается теорія вѣроятностей.

Не входя въ разсмотрѣніе основныхъ положеній послѣдней науки, мы напомнимъ лишь въ краткихъ чертахъ содержаніе

теоремъ Бернуллі и Пуассона, лежащихъ въ основѣ т. н. законовъ большихъ чиселъ.

Мы можемъ создать или вообразить извѣстныя постоянныя условія, при которыхъ будутъ протекать многочисленныя однородныя явленія, при чемъ, кромѣ этихъ упомянутыхъ условій, остальные факторы, вызывающіе тотъ или другой результатъ въ каждомъ данномъ случаѣ, остаются намъ неизвѣстными.

Такъ, напр., мы можемъ вложить въ урну извѣстное количество черныхъ и бѣлыхъ шаровъ въ пропорціи $m:n$ и размѣшать ихъ по возможности равномерно.

Количества шаровъ m и n будутъ постоянными и *вполнѣ* извѣстными намъ условіями, распредѣленіе ихъ (въ отношеніи къ каждому шару) неизвѣстнымъ и при условіи перемѣшиванія шаровъ послѣ каждого вытягиванія одного шара изъ урны и перемѣннымъ факторомъ. Извлекая повторно по шару изъ урны (не пользуясь глазами) и кладя вынутый шаръ каждый разъ обратно, мы совершаемъ актъ, условія котораго за исключеніемъ пропорціи $m:n$ намъ неизвѣстны, и результатъ котораго мы называемъ поэтому «случайнымъ». Постоянныя условія опытовъ (въ данномъ случаѣ отношеніе $m:n$) мы можемъ назвать *шансами* каждого случая.

Упомянутыя выше теоремы Бернуллі и Пуассона учатъ насъ, что 1) изъ повторныхъ явленій при одинаковости шансовъ наиболѣе вѣроятной изъ всѣхъ возможныхъ комбинацій является та, при которой отношеніе между явленіями того и другого порядка пропорціонально ихъ шансамъ, т.-е., въ нашемъ примѣрѣ, при вытягиваніи шаровъ P разъ, наиболѣе вѣроятными будутъ количества черныхъ и бѣлыхъ шаровъ P_0 и $P - P_0$, которыхъ отношеніе
$$\frac{P_0}{P - P_0} = \frac{m}{n}.$$

2) Вѣроятность наиболѣе вѣроятной комбинаціи возрастаетъ съ количествомъ опытовъ, и при достаточно большомъ количествѣ ихъ можетъ быть по желанію приближена къ единицѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, *если мы обладаемъ увѣренностью, что всѣ единичныя акты являются одинаково вѣроятными a priori*, мы изъ конфигураціи коллективнаго результата можемъ сдѣлать выводы относительно постоянныхъ коллективныхъ условій, т.-е., относительно *шансовъ* для даннаго комплекса, отдѣльныя единицы котораго мы называемъ случайными.

Переносъ изложенныя вкратцѣ ученія теоріи вѣроятности на наши проблемы, мы можемъ сказать, что *нормировка явленій заключается въ установленіи определенныхъ шансовъ для всего коллектива.*

Примѣняя понятіе о шансахъ къ результатамъ воздѣйствія какого-нибудь переменнаго фактора Р на коллективъ, мы должны, конечно, выяснить себѣ и сущность элемента «случайности», неразрывно связаннаго съ понятіемъ «шансовъ» и столь очевиднаго въ избранномъ нами примѣрѣ съ шарами въ урнѣ.

Понятіе случайности, конечно, не слѣдуетъ противопоставлять категоріи причинности. Уже неоднократно (еще Шопенгауэромъ, позднѣе Виндельбандомъ) было выяснено, что понятіе «случайность» пріобрѣтаетъ для насъ конкретный смыслъ лишь какъ понятіе относительное; явленіе не можетъ быть случайнымъ само по себѣ, но лишь случайнымъ по отношенію къ какому-либо другому явленію: «случайный» и «независимый» являются т. о. въ извѣстной степени синонимами. Но содержаніе обоихъ понятій, вкладываемое въ нихъ отчасти безсознательно, не вполне покрываетъ другъ друга. Употребляя понятіе «независимости» мы примѣняемъ его также для обозначенія отсутствія связи и между двумя единичными фактами А и В. О «случайности» мы говоримъ, резюмируя результатъ повторныхъ наблюденій надъ аналогичными объектами и подразумѣвая отсутствіе связи между ними и между какимъ-нибудь факторомъ, который былъ бы аргіогі мыслимъ или допустимъ какъ общая для всѣхъ наблюдаемыхъ явленій причина.

Такимъ образомъ, называя какое-нибудь массовое явленіе случайнымъ, мы подразумѣваемъ или отсутствіе связи его съ опредѣленнымъ факторомъ, на который было обращено наше ожиданіе, или даже вообще, предполагаемъ, что среди комплексовъ причинъ, обусловливающихъ каждое изъ явленій, нѣтъ фактора общаго всѣмъ.

Взглядъ на массовое явленіе, какъ на «случайное», можетъ обозначать и первую, самую несовершенную ступень нашего ознакомленія съ его закономерностью и наше фактически окончательное сужденіе о послѣдней. Дѣйствительно, изслѣдованіе индивидуальныхъ комплексовъ причинностей каждаго отдѣльнаго члена коллектива не можетъ входить въ рамки научнаго разсмотрѣнія, такъ какъ не можетъ привести насъ къ

общему выводу, называемому эмпирическимъ закономъ. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при анализѣ индивидуальныхъ причинныхъ комплексовъ удалось бы обнаружить совершенную гетерогенность ихъ, сужденіе о случайности явленій, *какъ коллектива*, было бы для насъ окончательнымъ.

Но такіе коллективы едва ли могутъ стать когда-либо объектами научнаго изслѣдованія. Практическую важность будетъ имѣть поэтому лишь констатированіе независимости коллективнаго явленія отъ одного или отъ ряда факторовъ, относительно которыхъ зависимость являлась а priori возможной. Если мы найдемъ, что въ то время какъ большинство свойствъ m , n ... разсматриваемаго комплекса показываютъ зависимость отъ коллективныхъ факторовъ A , B ..., свойство p является независимымъ отъ нихъ, то мы сочтемъ его «случайнымъ» по отношенію ко всей сущности разсматриваемаго коллектива. Но доведя изслѣдованіе лишь до этой ступени, мы разрѣшили бы вопросъ о характерѣ явленія p только съ отрицательной стороны, констатируя отсутствіе связи между ними и между другими основными явленіями m , n ...

Изслѣдованіе пріобрѣтаетъ однако совершенно другой характеръ положительнаго констатированія, если мы найдемъ факторъ P , отъ котораго коллективное явленіе p въ зависимости, но носящій лишь характеръ «нормировки».

Отношеніе явленій p къ фактору P , характеризованное, какъ «нормировка» перваго послѣднимъ, не отнимаетъ характера *случайности* явленія въ каждомъ конкретномъ случаѣ, но случайности, въ основѣ которой для всѣхъ индивидуумовъ коллектива лежатъ *одинаковые* шансы. Одинаковость шансовъ является при этомъ единственнымъ факторомъ, общимъ всѣмъ элементамъ коллектива; во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ каждый отдѣльный случай будетъ слѣдствіемъ индивидуальной цѣпи причинъ, выходящей обыкновенно изъ рамокъ научнаго изслѣдованія.

Отношеніе зависимости между факторомъ P и элементами p коллектива, противоположное «нормировкѣ», мы будемъ называть «детерминаціей» элемента p . Понятію детерминаціи чужды т. о. e definitione элементъ случайности, и она ближе подходитъ къ обычной схемѣ категоріи причинности. Но отрицательная характеристика понятія «детерминаціи» путемъ противопоставленія его «нормировкѣ» является, конечно, недостаточной

для того, чтобы приблизиться къ болѣе ясному пониманію его; намъ кажутся необходимыми извѣстныя, болѣе конкретныя представленія о сущности случайности.

Изъ всѣхъ существующихъ въ наукѣ опредѣленій «случайности», разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, наиболѣе мѣткой и пригодной для конкретныхъ цѣлей изслѣдованія намъ представляется формулировка Cournot: «L'idée du hasard est celle du concours des causes *indépendantes* pour la production d'un événement déterminé».

Случайнымъ мы называемъ т. о. явленіе, въ причинномъ комплексѣ котораго фигурируютъ, по крайней мѣрѣ, двѣ *независимыя* другъ отъ друга причины (или группы причинъ).

Формулировка эта не можетъ, конечно, претендовать на корректность въ трансцендентномъ смыслѣ, такъ какъ полная независимость двухъ какихъ-либо явленій и недоказуема, и недопустима. Но это не лишаетъ это опредѣленіе всего его громаднаго значенія для конкретныхъ научныхъ проблемъ, такъ какъ мы констатируемъ независимость двухъ явленій для *нашего опыта* чуть ли не на каждомъ шагу.

Независимость причинъ, постулируемая здѣсь, должна быть понимаема, какъ независимость *измѣненій* извѣстныхъ факторовъ, влекущихъ за собой изучаемое нами явленіе.

Мы называемъ такимъ образомъ явленіе случайнымъ, если оно является результатомъ состоянія p переменнаго фактора A и состоянія q переменнаго фактора B , при чемъ A *не* есть $f(B)$ (и обратно).

Относительно закона измѣняемости переменныхъ факторовъ A и B мы не должны дѣлать никакихъ ограниченій или оговорокъ. Мы можемъ себѣ представить, что измѣненія A и B выражаются какой-нибудь простой функціей, напр., состоятъ въ какомъ-нибудь случаѣ въ равномерномъ поступательномъ или круговомъ движеніи факторовъ A и B . Если мы поставимъ теперь условіемъ, что явленіе, служащее объектомъ изученія, наступаетъ только при одновременномъ положеніи A на точкѣ p своего пути и B на точкѣ q —своего, то при предположеніи *независимости* обоихъ движеній требуемое совпаденіе фазъ p и q будетъ охарактеризовано какъ «случайное».

Изъ принятаго нами опредѣленія «случайнаго» явленія, т. е. нормировки, легко вывести и положительную характеристику

для понятія «детерминаціи». «Детерминаціей» мы будемъ называть тотъ видъ причинной связи, гдѣ явленіе Р является звеномъ лишь одной цѣпи причинъ или гдѣ отдѣльныя причины во всякомъ случаѣ связаны другъ съ другомъ какой-либо функціональной зависимостью.

Принятая нами формулировка даетъ возможность уяснить себѣ случаи перехода нормировки въ детерминацію и обратно, встрѣчающіеся, какъ мы увидимъ дальше, нерѣдко въ области біологіи.

Если мы допустимъ, что одинъ изъ факторовъ А или В утрачиваетъ свою перемѣнность, т.-е. становится постояннымъ, то нормировка явленія переходитъ при этомъ въ «детерминацію» его.

Представимъ себѣ, что наблюдаемое явленіе является результатомъ встрѣчи двухъ элементовъ А и В, находящихся въ движеніи, правильномъ и періодическомъ, но независимомъ въ обоихъ элементахъ. Встрѣча обоихъ элементовъ будетъ при этомъ «случайной».

Но если одинъ изъ элементовъ, напр. В, прекратитъ свои перемѣщенія, т.-е. изъ перемѣннаго превратится въ факторъ постоянный, то мыслимъ одинъ изъ двухъ исходовъ: если В находится на пути движенія А, то встрѣча ихъ неминуема и время встрѣчи предопредѣлено всецѣло въ зависимости отъ характера движенія А. Если В остановилось въ сторонѣ отъ орбиты А, то встрѣча стала совершенно невозможной.

Обѣ возможности мы можемъ объединить подъ понятіе детерминаціи, при чемъ первый случай мы назовемъ «положительной», второй—«отрицательной» детерминаціей.

Хотя «нормировка» и «детерминація» являются понятіями, исключаящими другъ друга, но отрицаніе одного изъ нихъ не обозначаетъ еще собой утвержденіе противоположнаго.

Если мы замѣтимъ, что коллективный результатъ не обнаруживаетъ зависимости отъ фактора Р, подходящей подъ понятіе нормировки, и если исключается детерминація, то отношеніе можетъ принять двѣ формы, въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ дисъюнктивными понятіями формы «или А или не А» или съ неограниченнымъ числомъ возможностей.

Если при наличности коллективнаго фактора Р процессы р, входящіе въ составъ коллектива, одинаково часто случаются или

не случаются, то мы, строго говоря, останемся въ неизвѣстности относительно того, имѣемъ ли мы предъ собой случай независимости между первымъ и вторыми, или установленіе со стороны P для коллектива равныхъ шансовъ pro и contra.

Если же элементы коллектива распредѣляются приблизительно равномерно между бесконечно большимъ числомъ различныхъ возможностей (если, напр., рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ въ пространствѣ) безъ преобладанія какой-либо изъ нихъ, то подвести такое распредѣленіе подъ понятіе «нормировки» значило бы свести его ad absurdum. Такое отношеніе коллектива къ испытываемому фактору мы предлагаемъ назвать состояніемъ «безразличія» (Indifferenz).

Понятія «нормировки» и «детерминаціи» могутъ притязать на реальное значеніе для научнаго анализа только въ томъ случаѣ, если, помимо точнаго опредѣленія въ логическомъ отношеніи, они допускаютъ также и объективную практическую характеристику, т.-е. если представляется возможность поставить, т. с. достовѣрный діагнозъ, имѣемъ ли мы въ данномъ отношеніи элементовъ какого-нибудь коллектива къ опредѣленному фактору случай нормировки или детерминаціи. Такая характеристика коллектива представляется дѣйствительно во многихъ случаяхъ возможной, путемъ примѣненія къ изслѣдованію методовъ теоріи вѣроятностей.

Основой, общей всѣмъ различнымъ направленіямъ работы въ этой области, служитъ сравненіе кривой, выражающей результатъ коллективнаго явленія, съ одной изъ кривыхъ случая, въ особенности съ кривой Гаусса. Послѣдняя выражаетъ собой распредѣленіе вѣроятностей отклоненій отъ наиболѣе вѣроятной величины отдѣльныхъ элементовъ массоваго явленія, происходящаго при одинаковыхъ шансахъ и зависящаго отъ «случайныхъ», т.-е. разнообразныхъ, перемѣнныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ воздѣйствій. Для такого распредѣленія Гауссомъ дано аналитическое возраженіе, благодаря которому можно, пользуясь имѣющимися таблицами, вычислить съ желаемой вѣроятностью, въ сколькихъ случаяхъ отклоненія отъ наивѣроятнѣйшей величины не будутъ превышать любыхъ избранныхъ предѣловъ.

Такъ какъ, увеличивая число наблюдений, мы, соотвѣтственно приведеннымъ выше теоремамъ Бернулли и Пуассона, увеличиваемъ вѣроятность того, что результатъ будетъ пропорціоналенъ

шансамъ, т.-е. априорной вѣроятности, то, наблюдая массовое явленіе дѣйствительно случайнаго характера, мы въ правѣ ожидать, что распредѣленіе отклоненій отдѣльныхъ случаевъ отъ наиболѣе вѣроятнаго будетъ въ общихъ чертахъ соотвѣтствовать теоретическому ожиданію, т.-е. формулѣ Гаусса. Многочисленныя повѣрки, произведенныя на различныхъ объектахъ, вполне подтвердили теоретическія ожиданія, и такимъ образомъ мы можемъ сказать, что обладаемъ, по крайней мѣрѣ для извѣстныхъ классовъ явленій, критеріемъ ихъ «случайности» ¹⁾.

Если при сопоставленіи отдѣльныхъ элементовъ массоваго явленія число *малыхъ* отклоненій отъ наивѣроятнѣйшей величины превыситъ теоретическія ожиданія, большія же отклоненія будутъ сравнительно рѣдки, то общій характеръ коллективнаго явленія будетъ обладать большей степенью «устойчивости», чѣмъ можно было бы этого ожидать отъ явленія чисто случайнаго. Для обоихъ разобранныхъ нами случаевъ распредѣленія отдѣльныхъ элементовъ массовыхъ явленій Лексисомъ предложены очень мѣткія обозначенія «разсѣянья нормальнаго» (*normale Dispersion*) для явленія первой категоріи, т.-е. для массовыхъ процессовъ случайнаго характера, и «разсѣянья ниже нормальнаго» (*unternormale Dispersion*) для процессовъ второй категоріи.

Дисперсія ниже нормы будетъ соотвѣтствовать, какъ мы увидимъ ниже, нашему понятію «детерминаціи».

Явленіе дисперсіи нормальной и ниже нормы легко уяснить себѣ на примѣрѣ съ урной, содержащей черныя и бѣлыя шары. Представимъ себѣ сначала урну съ одинаковымъ количествомъ черныхъ и бѣлыхъ шаровъ, равномерно перемѣшанныхъ. Вынимая по шару наугадъ, записывая его цвѣтъ и кладя его обратно, мы производимъ *n* серій такихъ опытовъ, по 10 вытягиваній въ каждой серіи.

Наиболѣе вѣроятнымъ, т.-е. соотвѣтствующимъ шансамъ (отношенію между количествами шаровъ въ урнѣ) результатомъ каждой серіи будетъ равное число черныхъ и бѣлыхъ извлеченій, или отношеніе $\frac{4}{6} = 0,5$. Въ дѣйствительности же результаты *n* серій будутъ располагаться приблизительно слѣдующимъ

¹⁾ Другія кривыя, изслѣдованныя Pearson'омъ, мы можемъ оставить безъ разсмотрѣнія.

образомъ: чаще всего будутъ встрѣчаться серіи съ результатомъ 0,5, нѣсколько рѣже съ результатами 0,4 и 0,6, еще рѣже результаты 0,3 и 0,7 и т. д. Используя эти эмпирическія данныя для вычисленія соотвѣтственной кривой, мы убѣдимся въ достаточномъ совпаденіи ея съ кривой Гаусса.

Повторимъ теперь опытъ при слѣдующихъ условіяхъ: поставимъ три урны: первую съ равными числами черныхъ и бѣлыхъ, вторую съ преобладаніемъ черныхъ, третью—съ преобладаніемъ бѣлыхъ шаровъ, и дадимъ слѣдующія предписанія. Если извлеченіе изъ первой урны дастъ черный шаръ, второе извлеченіе должно произойти изъ третьей урны (въ которой преобладаютъ бѣлые шары), въ противоположномъ случаѣ—изъ 2-й урны (съ преобладаніемъ черныхъ шаровъ). Мы этимъ самымъ компенсируемъ до извѣстной степени каждый разъ перевѣсъ, который могъ бы оказаться на той или другой сторонѣ, такъ какъ, прибѣгая послѣ извлеченія черного шара къ урнѣ, въ которой преобладаютъ бѣлые шары, мы повышаемъ шансы того, что цвѣта шаровъ будутъ каждый разъ чередоваться, т.-е. искусственно добиваемся болѣе точныхъ результатовъ, чѣмъ ихъ могъ бы доставить намъ случай. Подобныя серіи дадутъ, конечно, дисперсію ниже нормы.

Характернымъ для даннаго *modus'a operandi* является то, что мы непосредственно вліяемъ на каждый единичный случай массоваго явленія, измѣняя для него шансы въ соотвѣтствіи съ опредѣленнымъ планомъ, относящимся ко всему коллективу. Другими словами мы *детерминируемъ*, хотя бы до извѣстной степени, отдѣльные случаи, въ то время какъ въ первомъ нашемъ примѣрѣ мы нормировали лишь весь комплексъ, установивъ для всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ опредѣленные, равные шансы.

Различіе между тѣмъ и другимъ случаемъ станетъ, быть можетъ, еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что первый результатъ, т.-е. нормальную дисперсію, мы можемъ получить и при *единовременномъ* извлеченіи по шару изъ 10-ти урнъ (съ равнымъ количествомъ черныхъ и бѣлыхъ шаровъ). Дисперсія же ниже нормы предполагаетъ послѣдовательность отдѣльныхъ извлеченій шаровъ во времени, т.-е. зависимость послѣдующаго результата отъ предшествующаго.

Охарактеризовавъ понятія «нормировки» и «детерминаціи» въ

логическомъ и математическомъ отношеніи, мы разберемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ то значеніе, которое, по нашему мнѣнію, эти понятія имѣютъ и могутъ еще имѣть въ будущемъ для анализа біологическихъ явленій.

Мы уже выяснили, что понятіе «случайности», а слѣдовательно и «нормировки», чисто относительнаго характера, т.-е. что рѣчь можетъ идти лишь о соответственномъ отношеніи изслѣдуемаго комплекса къ какому-нибудь данному фактору. Интересъ и значеніе постановки вопроса т. о. неразрывно связаны съ характеромъ фактора, на которомъ мы остановились.

Въ качествѣ коллективныхъ предметовъ въ біологіи разбирались до сихъ поръ лишь видовые комплексы, состоящіе изъ индивидуумовъ, фактически не связанныхъ другъ съ другомъ.— Для насъ коллективнымъ предметомъ будетъ являться конкретный организмъ или даже его отдѣльные органы, элементами коллектива—его клѣтки.

Мы ограничимся покамѣстъ лишь изслѣдованіемъ тѣхъ процессовъ или состояній сложнаго организма, въ которыхъ характеръ его, какъ комплекса изъ болѣе или менѣе эквивалентныхъ элементовъ, т.-е. клѣтокъ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, т.-е. гдѣ отсутствуютъ ткани и сложные органы, въ которыхъ первенствующее значеніе принадлежитъ межклѣточнымъ образованиямъ или сложнымъ сочетаніямъ изъ клѣтокъ различнаго характера.

На извѣстныхъ, раннихъ стадіяхъ развитія всѣ организмы являются комплексами, состоящими исключительно изъ болѣе или менѣе однородныхъ клѣточныхъ массъ, и мы во многихъ случаяхъ въ состояніи выбрать такіе участки или обособленные зачатки органовъ, которые не вызываютъ въ насъ сомнѣній относительно однородности входящихъ въ ихъ составъ элементовъ, что, какъ можно вывести изъ предыдущаго разсмотрѣнія, является необходимой предпосылкой для понятія «коллективнаго предмета».

Избравъ такой объектъ, напр., зачатокъ какого-либо органа, мы попытаемся съ помощью нашихъ понятій приблизиться къ одной изъ важнѣйшихъ проблемъ біологіи—вопросу, насколько цѣлое со всѣми своими свойствами обуславливается свойствами своихъ частей и, наоборотъ, въ чемъ заключается зависимость частей отъ того «цѣлаго», элементами котораго онѣ являются.

Подъ «цѣлымъ», т.-е. коллективнымъ факторомъ, зависимость отъ котораго мы будемъ изучать, мы будемъ подразумѣвать ближайшую цѣль, для которой предназначенъ изслѣдуемый комплексъ, т.-е. ту типичную конфигурацію, къ которой, какъ намъ должно быть предварительно извѣстнымъ, приведетъ рассматриваемая фаза развитія.

Остановимся сначала на простѣйшемъ случаѣ, напр., на ростѣ правильного цилиндрическаго тѣла, каковымъ являются многіе молодые прорастающіе корешки. Мы можемъ избрать для изслѣдованія фазу роста, выражающуюся исключительно въ *удлиненіи* корешка, и этимъ упрощаемъ нашу задачу, сведя ее на постановку слѣдующаго вопроса: удлиненіе корешка происходитъ путемъ дѣленія многихъ тысячъ клѣтокъ, входящихъ въ его составъ, и является т. о. «коллективнымъ» результатомъ заложеной въ клѣткахъ корешка способности температуры, при наличности извѣстныхъ условій внѣшней среды (влажности и т. д.), размножаться и увеличиваться въ объемѣ.

Если мы обозначимъ начальную фазу нашего изслѣдованія А, конечную—В, то мы можемъ сказать: корешокъ обладаетъ наследственной способностью изъ фазы А осуществлять фазу В путемъ дѣленія своихъ элементовъ. Такъ какъ каждое дѣленіе является въ данномъ случаѣ, т. с. частицей формообразовательнаго прогресса, то мы можемъ спросить, каковъ способъ проявленія, т.-е. механизмъ наследственнаго (коллективнаго) фактора, приводящаго корешокъ изъ фазы А къ фазѣ В,—детерминируетъ ли онъ элементарные процессы (т.-е. акты дѣленія отдѣльныхъ клѣтокъ) или нормируетъ ихъ, или имѣется ли здѣсь отношеніе, которое мы обозначили выше, какъ состояніе безразличія? Изслѣдованіе касается, т. о. распредѣленія дѣлящихся клѣтокъ въ средѣ недѣлящихся въ любой, произвольно избранный моментъ изслѣдованія.

Если мы раздѣлимъ такой корешокъ на двѣ продольныя половинки, то, принимая во вниманіе полную симметричность ихъ, мы въ правѣ ожидать въ правой и въ лѣвой половинѣ приблизительно одинаковое число дѣлящихся клѣтокъ.

Наблюденіе подтверждаетъ предположеніе: такъ, мы находимъ въ молодыхъ корешкахъ луковичы приблизительно 3000 одновременно дѣлящихся клѣтокъ, по 1500 справа и слѣва. Но совпаденіе, получившееся изъ содѣйствія большихъ чиселъ, мо-

жетъ быть результатомъ одного изъ двухъ процессовъ,—или нормировки дѣленій, или ихъ детерминаціи, подобно тому какъ аналогичный результатъ въ урнѣ съ черными и бѣлыми шарами, мы, при достаточно большомъ количествѣ опытовъ, получили бы и при одинаковости шансовъ (черныхъ и бѣлыхъ шаровъ) и извлеченійхъ наугадъ и при планомѣрной «подтасовкѣ» результатовъ съ стремленіемъ уравнивать ихъ. Критеріемъ того или другого процесса намъ служить, какъ мы помнимъ, разложеніе коллективного результата на мелкія группы и изученіе степени ихъ дисперсіи.

Соотвѣтственное изслѣдованіе было произведено нами на корешкахъ луковицы (Archiv für Entwicklungsmechanik. Bd. XXX). Раздѣливъ корешокъ на цѣлый рядъ маленькихъ поперечныхъ участковъ, мы подсчитали количества дѣлящихся клѣтокъ въ соотвѣтственныхъ правыхъ и лѣвыхъ участкахъ, въ которыхъ теоретически эти числа должны были бы совпадать.

Вычисливъ на основаніи наблюдавшихся отклоненій отъ равенства элементы теоретической кривой, соотвѣтствующей даннымъ условіямъ, мы нашли полное совпаденіе ея съ найденными числами.

Другими словами, дѣлящіяся клѣтки были распредѣлены въ средѣ недѣлящихся, такъ, какъ если бы распредѣленіе ихъ всецѣло зависѣло отъ случая, при постоянствѣ шансовъ и равенства ихъ для симметричныхъ участковъ.

Этимъ можно счесть доказаннымъ, что связь между наследственнымъ факторомъ, присущимъ корешку, и процессомъ дѣленія отдѣльныхъ клѣтокъ выражается лишь въ нормировкѣ послѣдняго процесса, но не въ его детерминаціи.

Аналогичныя изслѣдованія процесса дѣленія клѣтокъ были произведены и на нѣкоторыхъ другихъ объектахъ (роговой оболочкѣ и хрусталикахъ куриныхъ зародышей) и привели къ тѣмъ же результатамъ. Наоборотъ, распредѣленіе дѣлящихся клѣтокъ на раннихъ стадіяхъ развитія (т. н. гастрულaxъ) морскихъ ежей оказалось типичной дисперсіей *ниже нормы*, и, т. о., въ данномъ объектѣ мы должны признать детерминацію процесса дѣленія.

Убѣдившись на примѣрахъ въ наличности нормировки и детерминаціи съ чисто-формальной стороны, мы перейдемъ къ изслѣдованію значенія установленныхъ нами фактовъ для пониманія соотвѣтственныхъ біологическихъ процессовъ.

Центральной проблемой биологии являются несомненно проявления наследственности, которая включаетъ въ себѣ, собственно говоря, почти всю совокупность могущихъ быть поднятыми изслѣдованіемъ вопросовъ.

Вопросъ, въ какой формѣ включено въ то сравнительно простое образованіе, которое мы называемъ яйцомъ, зародышемъ или зачаткомъ, достаточное основаніе для болѣе сложнаго, т.-е. выросшаго организма, унаслѣдованъ современной наукой еще отъ прошлыхъ столѣтій, въ которыхъ въ наивной для насъ формѣ происходила борьба преформистовъ съ эпигенетиками.

Но если мы абстрагируемъ отъ гигантскихъ успѣховъ, слѣдланыхъ биологической наукой въ фактическомъ отношеніи, то можетъ быть придется признать, что логическая формулировка проблемы и исходная точка у большинства современныхъ изслѣдователей едва ли стала существенно яснѣе по сравненію съ первоначальнымъ положеніемъ вопроса.

Почти всѣ современные изслѣдованія наследственности задаются цѣлью найти внутри оплодотвореннаго яйца, т.-е. исходнаго пункта развитія, субстратъ, т.-е. носителя наследственности, при чемъ главные сомнѣнія и пререканія концентрируются вокругъ спорнаго вопроса, насколько «наслѣдственное вещество» локализовано въ ядрѣ яйца (или сѣмянной клѣткѣ) или также въ ея протоплазмѣ.

Новѣйшія и во многихъ отношеніяхъ столь плодотворныя изслѣдованія т. н. законовъ Менделя внесли въ наши представленія о наследственности лишь новый постулатъ значительной степени независимости передачи отдѣльныхъ свойствъ по наслѣдству.

По своему отношенію къ процессу наследственности, т.-е. къ механизму осуществленія его, эти чисто анатомическія представленія являются, собственно говоря, столь же односторонними, какъ анатомія мозга безъ фізіологіи его и безъ данныхъ психологическаго характера, — для пониманія психическихъ явленій.

Хотя мы едва ли найдемъ вполнѣ современную, детально разработанную «корпускулярную» теорію наследственности, но изъ общепринятаго взгляда на «наслѣдственное вещество», на опредѣленный субстратъ наследственности внутри клѣтки, напрашивается самъ собой выводъ, что при дробленіи яйца парцеллируется и заключенное въ немъ «наслѣдственное вещество» и

что въ концѣ-концовъ, каждая клѣтка развивающагося организма является носителемъ частицы перваго и принимаетъ минимальное, но строго опредѣленное участіе въ осуществленіи процесса наслѣдственности.

Единственнымъ логическимъ выводомъ изъ современныхъ представлений о «наслѣдственномъ веществѣ» является строгій детерминизмъ процессовъ развитія, причемъ онъ будетъ одинаково обязательнымъ и для строго преформистской, и для эпигенетической точки зрѣнія.

Детерминизмъ не можетъ быть поколебленъ и новыми данными о регулятивныхъ свойствахъ организма, которыя выдвинуты въ особенности стараніями Дриша.

Но совершенно несомѣстимыми съ господствующими воззрѣніями на механизмъ наслѣдственности являются, по нашему мнѣнію, развитое выше понятіе о нормировкѣ формообразовательныхъ процессовъ и приведенныя нами доказательства ея существованія.

Между нормировкой и детерминаціей формативныхъ процессовъ лежитъ цѣлая пропасть.

Мы можемъ представить себѣ детерминацію преформистскую и детерминацію энтелехіальную ¹⁾.

Въ первомъ случаѣ проспективное значеніе каждой клѣтки предопредѣлено ея наслѣдственными свойствами, и детерминація всѣхъ «поступковъ» клѣтки, т.-е. ея участія въ онтогенезѣ такъ или иначе заключается въ ней самой. Представленіе это влечетъ при попыткѣ продумать его до конца, т.-е. представить себѣ механизмъ какого-нибудь онтогенетическаго процесса, въ которомъ принимаютъ участіе многія тысячи клѣтокъ, каждая изъ нихъ въ различномъ смыслѣ и въ различной степени, къ сложности, совершенно превышающей наше воображеніе.

Но помимо этого, строго преформаціонный детерминизмъ полонъ противорѣчій, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ проспективныя судьбы клѣтки во время онтогенеза чисто относительнаго характера, т.-е. при разсматриваніи клѣтки, взятой отдѣльно, внѣ связи съ общимъ, немислимы и абсурдны.

Энтелехіальный детерминизмъ чуждъ этихъ противорѣчій, такъ

¹⁾ О понятіи „энтелехія“ Дриша сравни прекрасную статью Карпова, „Вопр. фил.“ кн. 98.

какъ детерминація не обусловливается, какъ въ первомъ случаѣ, безчисленнымъ количествомъ отдѣльныхъ элементовъ, на которые распался факторъ наслѣдственности, цѣльность котораго нарушалась по мѣрѣ дробленія яйца. Наоборотъ, въ самомъ понятіи энтелехіи содержится уже представленіе о цѣльности, нераздѣльности и индивидуальной специфичности фактора, детерминирующаго судьбы элементовъ формативныхъ процессовъ.

Но безконечная, необозримая сложность отношенія детерминирующаго фактора къ безчисленнымъ количествамъ различно дѣйствующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однородныхъ клѣтокъ неизбежна, конечно, и для энтелехіального детерминизма.

Отношеніе энтелехіального фактора къ элементамъ въ случаѣ нормировки послѣднихъ существенно другого рода.

Элементы (клѣтки) данной категоріи (напр., какого-либо зачатка) являются носителями извѣстныхъ наслѣдственныхъ свойствъ, относящихся къ ихъ личнымъ судьбамъ, т.-е. мыслимыхъ и внѣ связи съ другими клѣтками.

Такъ напр., въ изученныхъ нами объектахъ, клѣткамъ при- суша способность размножаться, но ритмъ размноженія не принадлежитъ къ ихъ наслѣдственнымъ свойствамъ. Такъ какъ онъ является однако формообразовательнымъ факторомъ, то онъ можетъ быть или энтелехіально детерминированъ, или нормированъ. Въ первомъ случаѣ среди массы однородныхъ клѣтокъ происходитъ распредѣленіе по необычайно сложному плану ритма дѣленія, во второмъ случаѣ такое распредѣленіе, да и самъ ритмъ вовсе отсутствуютъ — нормирующій факторъ (относительно природы его мы при этомъ вовсе не высказываемся) устанавливаетъ лишь извѣстные шансы для дѣленія, — шансы, быть можетъ, различные для отдѣльныхъ территорій зачатка или для отдѣльныхъ группъ клѣтокъ. Шансы въ примѣненіи къ большимъ числамъ элементовъ почти равносильны приблизительной закономерности и поэтому типичны въ общихъ чертахъ специфическія конфигураціи и формообразовательные процессы мыслимы и при одной лишь нормировкѣ ихъ элементовъ.

Нормировка мыслима, конечно, очень различной интенсивности, и если какой-нибудь нормирующій коллективный факторъ устанавливаетъ очень значительные шансы въ одномъ направленіи и оставляетъ лишь минимальные въ противоположномъ, то види-

мая правильность, регулярность процесса можетъ заставитьъ насъ предположить наличность детерминаціи. Но различіе между сущностью того и другого процесса не становится отъ этого фиктивнымъ; какъ бы интенсирована ни была нормировка, характернымъ для самого понятія остается отсутствіе *индивидуализирующаго* отношенія между коллективнымъ факторомъ и отдѣльными, подчиненными ему элементами. Весь коллективъ предполагается въ совершенно одинаковомъ отношеніи къ нормирующему процессу, но отношеніе это, какъ и количество черныхъ и бѣлыхъ шаровъ въ урнѣ, не предопредѣляетъ однозначнымъ образомъ отдѣльных, индивидуальныхъ результатовъ въ средѣ коллектива.

Было бы очень заманчиво составить себѣ конкретныя гипотетическія представленія относительно содержанія процесса нормировки, т.-е. установленія шансовъ для коллективнаго біологическаго процесса. Но мы воздержимся отъ конкретизированія нашего представленія по нѣсколькимъ причинамъ.

Во-первыхъ, изученіе сущности шансовъ примѣнительно къ какому-нибудь частному случаю, подобно тому, какъ это было сдѣлано нами въ упомянутой выше работѣ относительно процесса клѣточного дѣленія, не дастъ намъ еще возможности обобщенія и поэтому не представляетъ особеннаго общаго интереса.

Во-вторыхъ, намъ представляется существеннымъ не связывать судьбы введенныхъ нами понятій нормировки и детерминаціи коллективныхъ процессовъ съ ясностью и понятностью той или другой построенной на ихъ основаніи гипотезы. Если для какого-нибудь даннаго коллективнаго процесса установлена наличность нормировки и отвергнута детерминація, то этимъ представленія наши о сущности явленія упрощаются, но вовсе не въ сторону болѣе яснаго ихъ пониманія: мы признаемъ, что механизмъ нормировки менѣе сложенъ, чѣмъ механизмъ детерминаціи, но это еще вовсе не значитъ, что онъ намъ болѣе понятенъ или легче представимъ.

Мы считали бы поэтому цѣль нашего изслѣдованія покажѣсть достигнутой, если будетъ признано, что понятія нормировки и детерминаціи вытекаютъ съ логической необходимостью изъ фактовъ, совершенно независимо отъ того, насколько сущность этихъ процессовъ для насъ теперь постижима или понятна.

А. Г. Гурвичъ.

Философія Мэнъ де Бирана въ начальной стадіи ея развитія.

Не только философія, самое имя Мэнъ де Бирана до поразительности мало извѣстны въ широкихъ кругахъ русской философски образованной публики. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло изученія его міросозерцанія и въ кругу специалистовъ цѣлаго міра (исключая Францію). Имѣющее свои причины и объясняемое до нѣкоторой степени обстоятельствами изданія философскихъ работъ Мэнъ де Бирана, отмѣченное явленіе едва ли можетъ быть оправдано по существу: далеко не мелка философская фигура Мэнъ де Бирана, отнюдь не мимолетно вліяніе на французскую мысль и слишкомъ не маловажно обще-историческое значеніе его построеній.

Литературная дѣятельность Мэнъ де Бирана, по крайней мѣрѣ въ своихъ начальныхъ моментахъ, падаетъ на тотъ періодъ въ исторіи французской философіи, который характеризуется господствомъ въ ней идеологическихъ и сенсуалистическихъ тенденцій. Уплативши въ своихъ первыхъ произведеніяхъ (*Influence des signes, Influence de l'habitude sur la faculté de penser, Mémoire sur les rapports de l'idéologie et des mathématiques*) немалую дань духу времени, Мэнъ де Биранъ, хотя и не освободился въ продолженіе цѣлой жизни отъ идеологовъ и ихъ вдохновителя Локка въ отношеніи методологическомъ (опытъ, психологическій анализъ), но, какъ натура, въ значительной мѣрѣ, самобытная и глубокая, не остановился на этомъ. Уже въ своёмъ сочиненіи «*De la décomposition de la pensée*», появившемся 2 года (1805) спустя послѣ послѣдня изъ говышеназванныхъ, Мэнъ де Биранъ открыто возсталъ противъ отождествленія феноменовъ физиологическихъ,

ощущаемыхъ внѣшними чувствами, съ фактами внутренними и, рѣзко подчеркнувши пассивный характеръ ощущенія, призналъ полную несостоятельность этого послѣдняго въ качествѣ гносеологическаго принципа. Существо, ограниченное пассивной сенсорностью, рассуждалъ Мэнъ де Биранъ, не только не въ состояніи было бы пріобрѣсти хотя какое-нибудь понятіе о внѣшнихъ объектахъ, но даже не имѣло бы сознанія своего собственнаго бытія. У него не было бы индивидуальной личности, и оно никогда не могло бы сказать «я». «Фактъ, выражаясь словами Мэнъ де Бирана ¹⁾, существуетъ для насъ лишь постольку; поскольку у насъ есть чувство собственнаго индивидуальнаго существованія и чего-то,—предмета или измѣненія,—что существуетъ рядомъ съ нами, но отъ насъ отлично и отдѣльно». Если это такъ, то единственнымъ источникомъ всѣхъ возможныхъ познаній является выщечувственная и гиперорганическая активность и, слѣдовательно, наши познанія, по своему началу, сводятся къ первичному волевому акту, усилію или движенію, не ощущаемому, но желаемому, и производимому силой, которая внѣ и превыше ощущенія ²⁾.

Добывши такимъ путемъ свой основной тезисъ, согласно которому волевое усиліе или наше «я», (поскольку личное существованіе—*conditio sine qua non* познанія), составляетъ первичный фактъ этого послѣдняго, Мэнъ де Биранъ на почвѣ его, съ одной стороны, развилъ цѣлую систему теоретической и отчасти практической философіи въ духѣ позднѣйшаго волюнтаризма, съ другой, сдѣлалъ рядъ психологическихъ построеній спиритуалистическаго характера (системы жизни) и педагогическихъ выводовъ.

Созданіемъ «*Essai sur les fondements de la psychologie*», посвященнаго разработкѣ этихъ идей, не ограничилась, однако, творческая дѣятельность Мэнъ-де-Бирана. «Внутренняя работа философа продолжалась, и предъ его мыслью открылись новые

¹⁾ *Essai sur les fondements de la psychologie*, Intr. génér., II (Oeuvr. inéd. de M. de B., publ. par E. Naville, t. I, 36, Paris, 1859).

²⁾ Поэтому Мэнъ де Биранъ, касаясь вопроса о *природѣ* усилія, рѣшительно протестуетъ противъ смѣшенія его съ мускульнымъ ощущеніемъ, рассматриваемымъ абстрактно, независимо отъ своей причины, и, признавая усиліе достояніемъ исключительно человѣка, одновременно съ тѣмъ отрицаетъ его примать въ порядкѣ хронологическомъ.

горизонты ¹⁾». Человѣчеству не суждено было увидѣть эти горизонты во всю ихъ ширину: Мэнъ-де-Биранъ умеръ (20 июля 1824 г.), успѣвши занести на бумагу лишь планъ новой работы (23 октября 1823 г.), достаточно, впрочемъ, характеризующій «Nouveaux essais d'anthropologie» со стороны направленія (религиозно-мистическаго), какое приняла мысль нашего философа въ послѣдніе годы жизни. Теперь для него личная активность «уже болѣе не граница, но посредствующее состояніе, условіе перехода въ высшее состояніе: человѣкъ является посредникомъ между Богомъ и природой ²⁾»...

Идеи, пущенныя въ міровой оборотъ Мэнъ де Бираномъ, не остались безплодными.—Доставивши своему творцу званіе перваго, послѣ Декарта и Мальбранша, метафизика Франціи, онѣ надолго вошли въ обиходъ французской мысли, сначала, правда, оффиціальной (Жузенъ и др.), такъ какъ легли въ основу спиритуалистическаго динамизма, достаточно характернаго для французской философіи прошлаго вѣка (Жуффрау, Равессонъ, Ляшелье, Вашро, Фулье, Бертранъ и др.).

А отдаленные отголоски ихъ нѣкоторые слышатъ даже въ современномъ прагматизмѣ (Бутру), хотя, конечно, не одинъ только прагматизмъ съ своими представителями относится къ числу философскихъ теченій и отдѣльныхъ мыслителей цѣлой Европы, испытавшихъ на себѣ прямое или косвенное воздѣйствіе идей Мэнъ де Бирана...

Мэнъ де Биранъ выступилъ съ оппозиціей, прежде всего, къ французской философіи эпохи просвѣщенія, однако «мишенью его критики всегда служить альтернатива: Юмъ и Декартъ; точка зрѣнія эмпирическая и скептическая, съ одной стороны, и онтологическая,—съ другой ³⁾». Указанное обстоятельство, помимо всего остальнаго, какъ нельзя болѣе, роднитъ нашего мыслителя съ Кантомъ съ той, между прочимъ, разницею, что Мэнъ де Биранъ уже самъ «выработалъ взгляды весьма близкіе къ ученію Фихте о я и Шопенгауэра о волѣ ⁴⁾».

¹⁾ E. N. (aville), Maine de Biran (*Ad. Franck*, Dictionnaire des sciences-philosophiques, p. 1010, Paris, 1885).

²⁾ Ibid., p. 1012.

³⁾ *Paul Janet*, Les problèmes du XIX-e siècle, p. 293, Paris, 1872.

⁴⁾ *B. С. Соловьевъ*, Мэнъ-де-Биранъ (Энци. слов. Брокг. и Эфрона, кв. 39, стр. 345).

Французскій Фихте ¹⁾ и наиболѣе рѣшительный противникъ Юмова феноменализма ²⁾, Мэнъ де Биранъ, какъ видѣли, достигъ занятого имъ въ исторіи философіи положенія, по крайней мѣрѣ, въ два подъема, умерши во время приготовленія къ третьему восхожденію. Какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе тотъ, «кому должноствовало занять первое мѣсто въ реакціи французской мысли противъ сенсуалистической доктрины, дебютировалъ подъ ауспичіями Кондильяка ³⁾», изъ нѣдръ школы котораго настоящая реакція и развилась.

Въ томъ глубокомъ интересѣ, какой представляетъ именно этотъ моментъ литературной дѣятельности Мэнъ де Бирана, авторъ дальнѣйшихъ строкъ черпаетъ оправданіе и своему опыту изученія начальной стадіи развитія его философіи, при всей непопулярности названнаго мыслителя у насъ, больше извѣстнаго *всюду* какъ волюнтариста и отчасти мистика, нежели сенсуалиста.

Хотя письменными памятниками начальнаго періода философіи Мэнъ де Бирана, помимо замѣтокъ, служатъ *три* сочиненія, однако мы, для сужденія о немъ, располагаемъ всего лишь двумя, притомъ, хронологически позднѣйшими. Между тѣмъ, по признанію одного изъ издателей твореній нашего философа ⁴⁾, среди еще не видѣвшихъ свѣта въ цѣломъ видѣ его сочиненій, значится документъ («Fragments. 1794 et 1795 a.»), который въ высшей степени цѣненъ для установки точки отправленія философіи изслѣдуемаго автора. И однако даже то, что издано, даетъ намъ въ руки достаточный матеріалъ какъ для выясненія связи философской мысли Мэнъ де Бирана съ господствовавшими тогда во Франціи идейными теченіями и отно-

¹⁾ Такъ называютъ Мэнъ де Бирана Кузень, Тэнъ, Кэнигъ, нашъ В. С. Соловьевъ.

²⁾ *A. Lang*, Maine de Biran und die neuere Philosophie, Köln a. Rh., S. 1.

³⁾ *E. N (aville)*, op. cit., p. 1007.

⁴⁾ Catalogue raisonné de toutes les oeuvres philosophiques de Maine de Biran (Oeuvr. inéd. de M. de B., t. III, p. 556). Конспективное изложеніе содержащихся въ неизданныхъ сочиненіяхъ мыслей см. *ibid.* и p. 557, также въ принадлежащемъ перу *Навилля* артиклѣ «Maine de Biran» въ цитованномъ «Dictionnaire des sciences philosophiques» *A. Franck'a*, p. 1007 и у *С. Г.* (ооцкаго), Философскій лексиконъ s. v. «Мэнъ де Биранъ» (т. III); ср. у *Навилля* (Oeuvr. inéd. de M. de B., t. I, introduction, p. p. IX—XIV).

шенія къ дальнѣйшимъ фазамъ личной философіи мыслителя, такъ и для характеристики цѣлаго этапа, пройденнаго нашимъ философомъ въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности.

Написанныя на специальныя и разнородныя темы, «Influence de l'habitude sur la faculté de penser» и «Mémoire sur les rapports de l'idéologie et des mathématiques» съ трудомъ поддаются изложению въ общей системѣ. Но есть возможность до нѣкоторой степени облегчить дѣло, сдѣлавши, по соображеніямъ логическимъ, перестановку одного на мѣсто другого, т.-е. допустивши хронологическую погрѣшность. При такомъ положеніи вещей «Rapports de l'idéologie et des mathématiques» явится, если угодно, своего рода интродукціей къ идеямъ цѣлаго періода.

Для начальной стадіи философіи Мэнъ де Бирана характерно уже самое отношеніе мыслителя къ спекулятивной метафизикѣ. Это послѣднее—отрицательнаго свойства.—Спекулятивную метафизику нашъ философъ называетъ ничтожною ¹⁾, темной наукой ²⁾, которая «долгое время блуждала по воображаемымъ областямъ, рассчитывая при помощи лишенныхъ всякаго смысла терминовъ открыть природу вещей, проникнуть въ страну сущностей ³⁾». Противопологая ей математику, Мэнъ де Биранъ выражается такъ: «одна (математика) распространяетъ свѣтъ, другая (метафизика) въ то же самое время скопляетъ тучи на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и даже въ тѣхъ же самыхъ головахъ ⁴⁾».—У блиставшихъ математическими талантами классическихъ грековъ метафизика, какъ таковая, представляетъ изъ себя «дѣтскій лепетъ, чудовищное сплетеніе грезъ и абсурдовъ ⁵⁾».

Но если спекулятивная метафизика, пусть даже не препятствуетъ окончательному торжеству положительныхъ и точныхъ наукъ, а лишь просто въ той или иной мѣрѣ вредитъ ихъ прогрессу, то возможна философія иного порядка. Она не исключаетъ союза съ математикой, а для послѣдней этотъ альянсъ открываетъ еще выгодныя перспективы ⁶⁾. «Соединить идеоло-

¹⁾ «Rapports de l'idéologie», р. 4. Названное сочиненіе цитируемъ по изданію Бертрана (Nouvelles oeuvres inédites de M. de B., Paris, 1887).

²⁾ Р. 2.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Р. р. 4, 14.

гію съ фізіологіей ¹⁾», «перенести фізику въ метафізику» — вотъ какими мыслями одушевленъ Мэнъ де Биранъ, окрыляемый, по собственному признанію, примѣромъ Кондиляка и особенно Боннэ ²⁾, въ pendant Ньютону, предостерегавшему фізику отъ метафізики. Не задаваясь потусторонними цѣлями ³⁾, истинная философія, отождествляемая мыслителемъ съ идеологіей ⁴⁾, имѣетъ своимъ предметомъ человѣка, тогда какъ своей задачей ставитъ выяснить природу и генезисъ его способностей ⁵⁾, съ одной стороны, идей ⁶⁾, съ другой. «Наукѣ, пишетъ Мэнъ де Биранъ ⁷⁾, которую вы называете метафізикой, предстоитъ еще очень долго съ пользою работать, потому что она должна остановиться только тогда, когда не будетъ больше идей темныхъ и неясныхъ, идей, которыхъ происхожденіе нельзя ясно доказать, терминовъ ⁸⁾, смысла которыхъ нельзя точно опредѣлить».

Въ какомъ направленіи совершается Мэнъ де Бираномъ разработка подлежащихъ компетенціи идеологіи вопросовъ, намъ нетрудно будетъ уяснить, стоитъ только воспроизвести нѣсколько относящихся сюда мыслей.

Вѣрный своему основному принципу, онъ идетъ путемъ фізика и полагаетъ, что, по примѣру этого послѣдняго, идеологъ не долженъ заниматься ничѣмъ инымъ, какъ только вопросомъ объ отношеніи и послѣдовательности феноменовъ, «оставляя позади себя и подъ окутывающимъ ихъ покровомъ первопричины, которыя никогда не въ состояніи сдѣлаться для человѣка объектами знанія ⁹⁾» и которыя намъ извѣстны лишь по имени. «Мы ничего не знаемъ, продолжаетъ нашъ философъ, о при-

¹⁾ «Influence de l'habitude», p. 16. Это сочиненіе цитуемъ по изданію Кузена (Oeuvres philosophiques de M. de B., Paris, 1841, t. I).

²⁾ Ibid., p. 17.

³⁾ «Rapports de l'idéologie», p. 3.

⁴⁾ Въ одномъ мѣстѣ «Rapports de l'idéologie» (p. 11) Мэнъ де Биранъ метафізику даже прямо называетъ наукой объ идеяхъ (la métaphysique ou la science de nos idées). Примѣненіе же термина „метафізики“ къ идеологамъ у Мэнъ де Бирана встрѣчается неоднократно (см. напр., «Infl. de l'habitude», p. 19).

⁵⁾ «Rapports de l'idéologie», pp. 2, 3.

⁶⁾ P. p. 11, 13, 15, см. 16.

⁷⁾ P. 11.

⁸⁾ См. p. 18.

⁹⁾ «Infl. de l'habitude», p. p. 16—17, см. p. 75.

Вопросы философіи, кн. 107.

родѣ *силъ*. Онѣ открываются намъ только въ своихъ дѣйствіяхъ 1)». Будучи ограниченъ въ познавательныхъ способностяхъ возможностью наблюдать исключительно эти *дѣйствія*, слѣдовать за нитью аналогичныхъ *феноменовъ* и учитывать, при условіи доступности для измѣренія, ихъ отношенія, человѣчскій духъ долженъ сосредоточить вниманіе на иномъ и во внутренней рефлексіи, равно какъ въ результатахъ игры органовъ чувствъ, искать того, чего метафизика долгое время искала въ природѣ души 2).

Для Мэнъ де Бирана точно доказано, что всѣ человѣческія способности берутъ свое начало въ чувствахъ 3) и, слѣдовательно, легко могутъ быть сведены къ одной 4). Непосредственные продукты ощущенія (*la sensibilité*) 5), простѣйшіе результаты дѣятельности органовъ чувствъ 6), съ его точки зрѣнія, являются несомнѣннымъ источникомъ всякой (душевной) способности 7), всякой идеи и реального понятія 8).

Коль скоро считается прочно установленнымъ положеніе, согласно которому человѣкъ ничего не можетъ познать внѣ природы, то само собою опредѣляется и средство, единственное, подчеркиваетъ нашъ философъ, средство къ ея познанію—это приложить, для достиженія намѣченныхъ цѣлей, собственныя чувства 9). «Когда человѣчскій духъ, выразимъ мысль Мэнъ де Бирана словами Навилля 10), удаляется отъ этого единственнаго источника познанія, онъ начинаетъ реализировать пустыя абстракціи, образовывать смутныя и неопредѣленныя понятія, которыя, подобно, напр., *субстанціи* и *сущности*, приобрѣтаютъ, въ силу

1) Ibid, p. 17.

2) Ibid.

3) «Rapports de l'ideologie», p. 3.

4) P. 14.

5) *La sensibilité*, на языкѣ нашего философа, собственно означаетъ способность *ощущенія* (не чувства)

6) Нужно замѣтить, что Мэнъ де Биранъ въ своемъ «Infl. de l'habitude» (p. 20, п.) отрицаетъ возможность сенсорныхъ феноменовъ независимо отъ дѣятельности органовъ того или другого чувства.

7) Ibid., p. 11, сн. p. 20 п.

8) P. 187.

9) „Rapports de l'idéologie“, p. 3.

10) Oeuv. inéd. de M. de B., t. I, introduction, p. XV со ссылками на «Infl. de l'habitude», pp. 187, 209, 305.

того же самаго неопредѣлимаго ихъ свойства, нѣкоторую магическую силу».

Позитивизмъ въ гносеологіи, быть можетъ, — единственная тенденція, которой Мэнъ де Биранъ не измѣняетъ на протяжении цѣлыхъ двухъ періодовъ своей философской дѣятельности. Что наблюдение—источникъ познанія, а опытъ—достоверности, это не только чувствуется, но даже прямо высказывается нашимъ философомъ всюду, начиная съ его первыхъ сочиненій ¹⁾. Опытъ и самонаблюденіе кладетъ онъ и въ основу разграниченія психическихъ феноменовъ на 2 класса, этой характерной черты психологіи Мэнъ де Бирана, изъ которой выросло вѣтвистое дерево его философіи ²⁾...

Только что отмѣченныя нами теоретическія предпосылки и легли въ основу Мэнъ де Биранова «*Influence de l'habitude*»,—главнаго сочиненія, характеризующаго первый періодъ его философской дѣятельности ³⁾.

Здѣсь знаменательна уже самая классификація той проблемы, на которую предстояло нашему философу дать отвѣтъ. Никимъ образомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того факта, что психологическій вопросъ о вліяніи, какое оказываетъ на каждую изъ нашихъ интеллектуальныхъ способностей частое повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣйствій, онъ трактуетъ какъ метафизическій ⁴⁾.

Ближайшій же анализъ предложеннаго Мэнъ де Бираномъ рѣшенія еще болѣе введетъ насъ въ циклъ его идеологическихъ и сенсуалистическихъ тенденцій, поскольку цѣлое сочиненіе, по мѣткому замѣчанію Навилля ⁵⁾, представляетъ изъ себя не что иное, какъ попытку приложить принципы школы Кондильяка къ частному вопросу.

Принимая на правахъ аксіоматической предпосылки положеніе, что всѣ наши интеллектуальныя способности проистекаютъ изъ ощущенія, способности ощущать или воспринимать впечатлѣ-

¹⁾ „*Influence de l'habitude*“, p. p. 52, 73, 147, 172.

²⁾ *Ibid.*, p. 61 n.

³⁾ *Ueberweg-Heinze*, Grundriss der Geschichte d. neuer. Philos., 9 Aufl., IV Th., S. 355; по-русск. перев., подъ ред. Колубовскаго, С.-П.-Б. 1898, вып. 2, стр. 600.

⁴⁾ „*Infl. de l'habitude*“, p. p. 4—5.

⁵⁾ *Oeuvr. inéd. de M. de B.*, t. I, introduction, p. XIV.

нія ¹⁾, Мэнъ де Биранъ сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на тщательномъ расчлененіи специфическихъ особенностей этихъ разнообразныхъ впечатлѣній ²⁾. Raison d'être подобнаго анализа «различныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ мы ощущаемъ ³⁾», по мнѣнію Мэнъ де Бирана, заключается въ логически необходимомъ слѣдствіи отсюда. А таковымъ является дифференціация способностей, потому что «существуетъ столько же классовъ ощущений (impressions), сколько чувствъ (sens) или органовъ, способныхъ ихъ воспринимать ⁴⁾».

Впрочемъ, есть у Мэнъ де Бирана и еще основаніе для проектируемаго анализа—возможность при помощи его избѣгать ошибки идеологовъ (метафизиковъ по терминологіи нашего мыслителя), которые, «не разглядѣвши въ органахъ чувствъ ничего, кромѣ общаго свойства воспринимать впечатлѣнія, а въ индивидуумѣ—быть аффектируемымъ или измѣняемымъ, соединили всѣ, какіе бы то ни было, результаты дѣятельности чувствъ подъ родовымъ именемъ ощущений (sensations), а способность *воспринимать* или испытывать ощущенія назвали способностью ощущенія (de sentir) или физической чувствительностью (sensibilité) ⁵⁾». Между тѣмъ фактически ощущенія не всегда характеризуютъ пассивное состояніе нашего сознанія ⁶⁾.

Словомъ, создается настоятельная необходимость классифицировать впечатлѣнія, особенно если принять во вниманіе, что терминъ «ощущать» обычное сознаніе прилагаетъ спеціально къ аффективнымъ модификаціямъ, а это, въ свою очередь, порождаетъ двусмысленность въ терминологіи ⁷⁾.

¹⁾ Какое понятіе соединяетъ Мэнъ де Биранъ съ терминомъ „впечатлѣніе (l'impression)“, ясно изъ слѣдующихъ словъ его „Influence de l'habitude“ (р. 18, n.). „Я разумѣю,—пишетъ здѣсь философъ,—подъ впечатлѣніемъ (l'impression) результатъ дѣйствія объекта на одушевленную часть (sur une partie animée): объектъ является причиной, безразлично внѣшняго или внутренняго, впечатлѣнія (l'impression). Это послѣднее слово для меня имѣетъ тотъ же самый общій смыслъ, какой придается термину ощущение (sensation) въ обычномъ пониманіи“. Причина подобной замѣны сдѣлается ясной изъ текста.

²⁾ Ibid., р. р. 15—16.

³⁾ Р. 16.

⁴⁾ Р. 18.

⁵⁾ Р. 19.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Р. р. 19—21.

Итакъ, говоритъ Мэнъ де Биранъ, «я раздѣляю всѣ наши впечатлѣнія на активныя и пассивныя», тѣмъ болѣе что на этомъ различіи продуктовъ первичныхъ впечатлѣній покоится разграниченіе послѣдующихъ мыслительныхъ актовъ ¹⁾, да и вообще всѣ наши способности и операціи, при всемъ различіи въ наименованіяхъ, суть не что иное какъ модификаціи или чувства, или движенія ²⁾.

Водораздѣломъ между двумя порядками впечатлѣній служитъ отношеніе ихъ къ нашему «я» или отношеніе къ нимъ нашего «я».

Если специфическимъ свойствомъ пассивныхъ впечатлѣній является ихъ полная независимость отъ «я», а ео ipso механичность самаго процесса, то характерную особенность активныхъ впечатлѣній составляетъ сознаніе ихъ обусловленности нашимъ «я». Въ то время, когда я испытываю скорбь; нахожусь въ холодной или теплой температурѣ, ощущаю пріятный или непріятный запахъ, я, хотя и говорю, что ощущаю, другими словами, хотя и констатирую, что измѣненъ (модифицированъ) извѣстнымъ образомъ, однако для меня не менѣе очевидно и то, что я не имѣю никакой власти надъ своей модификаціей, что въ моемъ распоряженіи совершенно не находится средствъ для ея нарушенія или измѣненія ³⁾. Равнымъ образомъ «коль скоро я ограничиваюсь чисто-аффективными ощущеніями (sensations), то, если одно изъ нихъ настолько сильно, что оказывается въ состояніи овладѣть всей моею способностью ощущенія (faculté de sentir), я отождествляю и чувствую себя нераздѣльнымъ (je n'en sépare pas mon existence) съ нимъ, мнѣ кажется, что мое «я» сконцентрировано въ одной точкѣ, время и пространство исчезли, я не различаю и не сравниваю ничего ⁴⁾».

Совершенно другую психологическую картину представляетъ процессъ движенія, «когда я, выражаясь словами Мэнъ де Бирана, привожу въ дѣйствіе одинъ изъ своихъ органовъ или переносу себя съ одного мѣста на другое». Мало сказать, что въ послѣднемъ случаѣ я обладаю сознаніемъ личной активности, сознаніемъ, что мое я—творецъ модификаціи, что это «я» мо-

¹⁾ Р. 21.

²⁾ Р. 296.

³⁾ Р. 21.

⁴⁾ Р.р. 22—23, сн. р. 26.

жетъ ее начать, остановить и всячески измѣнить¹⁾. Гораздо важнѣе двойственность активной модификаціи, которая аффлектируетъ и сама по себѣ, и посредствомъ опредѣляющаго ее акта. Въ самомъ дѣлѣ, «хотя я двигаюсь, хотя мое бытіе простирается вовнѣ», однако меня никогда не покидаетъ сознание единства личности. Отчетливое разграниченіе между «я», которое движетъ или желаетъ двигать, и еще другимъ «я»—движимымъ—вотъ *differentia specifica* анализируемыхъ впечатлѣній²⁾.

Служа, въ отношеніи гносеологическомъ, базой для первичнаго простѣйшаго сужденія о личности, активность, какъ выявленіе или обнаруженіе вовнѣ моего бытія, какъ состояніе различенія между «я» и модусами его бытія³⁾, съ точки зрѣнія физиологической, непосредственно приближается къ способности движенія (*la faculté de mouvoir*)⁴⁾. Правда, въ чистомъ видѣ модификацій моторныхъ и сенсорныхъ почти не встрѣчается. Если выдѣлить отсюда модификаціи, являющіяся результатомъ локомоторной дѣятельности и необычайныхъ аффекцій внутреннихъ органовъ, то всѣ остальные впечатлѣнія нашихъ чувствъ имѣютъ смѣшанный характеръ. Дѣйствіе сенсорное и моторное, чувство (*le sentiment*) и дѣйствіе (*le mouvement*) вступаютъ здѣсь въ самыя разнообразныя сочетанія другъ съ другомъ, хотя бы и по тремъ главнымъ направленіямъ. Въ психическомъ феноменѣ, полагаетъ Мэнъ де Биранъ, или преобладаетъ чувство: такого рода модификацію онъ обозначаетъ терминомъ «ощущеніе—sensation»; или оба элемента находятся въ состояніи равновѣсія; или преимуществуетъ моторный актъ: два послѣднихъ случая на языкѣ нашего философа носятъ названіе «перцепціи—perception»⁵⁾.

1) Р. 22.

2) Р. 23.

3) Ibid. „Предполагать (вмѣстѣ съ Боннэ, *Essai anal.* § 113), что я отождествлено со всѣми своими модификаціями, и въ то же самое время, что оно ихъ сравниваетъ, различаетъ, это, по мнѣнію Мэнъ де Бирана („*Infl. de l'habitude*“, р. 48), значитъ дѣлать противорѣчивое предположеніе“.

4) Ibid.

5) Р. р. 24—25. Мэнъ де Биранъ особенно настаиваетъ на признаніи активного характера перцепцій и протестуетъ противъ Боннэ (*Essai anal.*), различавшаго ощущеніе отъ перцепціи лишь по степени живости. Если это такъ, то „почему,—спрашиваетъ нашъ философъ—(р. 74, п.), не всякое ощущеніе превращается въ перцепцію?“ Сн. р. р. 300—301.

Все это, однакожь, плюсь генетическое тождество и первоначальное единство сенсорной (sensitive) и моторной (motrice) силъ, не исключаетъ, по мнѣнію Мэнъ де Бирана, возможности и необходимости различать послѣднюю отъ первой, какъ главную вѣтвь отъ древеснаго ствола или, лучше, какъ два дерева, растущихъ изъ одного пня ¹⁾.

Самымъ пассивнымъ чувствомъ Мэнъ де Биранъ считаетъ обоняніе и это, полагаетъ онъ, стоитъ въ прямой зависимости отъ абсолютной неподвижности органа ²⁾. «Запахи, пишетъ нашъ философъ ³⁾,—*ощущенія* *par excellence*» и, подобно вкусовымъ ощущеніямъ, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ перцепирующей способности (*la faculté de percevoir*) ⁴⁾. Къ органу обонянія приближается въ данномъ пунктѣ ухо ⁵⁾, положенію же этого послѣдняго вполне соотвѣтствуетъ его чувствительность (*sensibilité*) ⁶⁾. Фактически слуховыя ощущенія могутъ достигать и дѣйствительно достигаютъ значительной степени отчетливости, точно также они не подлежатъ, на ряду съ чистыми ощущеніями, общему закону ослабленія въ зависимости отъ повторенія ⁷⁾. Но причина отмѣченныхъ явленій кроется въ томъ, что «сама природа приняла на себя заботу восполнить недочеты органа слуха; она возстановила равновѣсіе, соединивши его пассивныя ощущенія съ дѣйствіемъ (*jeu*) органа вокальнаго, моторнаго по существу ⁸⁾». Минимальную активность, присущую уху по самой природѣ ⁹⁾, она усилила, превративши, при помощи голоса и языка, слушающаго индивидуума въ свое собственное эхо ¹⁰⁾.

1) Р. 24.

2) Р. 43.

3) Р.р. 43—44.

4) Р.р. 107—8.

5) Р. 87.

6) Р. 38.

7) Р.р. 87--8.

8) Р. 38.

9) „Чтобы хорошо слышать (*entendre*), поясняетъ свою мысль Мэнъ де Биранъ (*ibid.*), нужно *слушать* (*écouter*): а что такое слушать (*écouter*), какъ не распространять дѣйствіе (*une action*) на мускулы, предназначенные для сообщенія различныхъ степеней напряженности тимпанной мембраны (*membrana tympana*):“

10) Р. 39.

Центральное, среди прочихъ, положеніе относительно активности и пассивности занимаютъ органы осязанія и зрѣнія, хотя глазъ и надѣленъ особенно тонкою чувствительностью (*la sensibilité*)¹⁾, а осязаніе—чувство, главнымъ образомъ, активное. Въ ихъ естественномъ состояніи и при обычной дѣятельности сенсорная и моторная функціи уравновѣшены. Однако, исключительный наклонъ въ сторону первой всегда возможенъ. Часто, въ зависимости отъ характера вѣшняго воздѣйствія²⁾ или подъ вліяніемъ органическихъ предрасположеній, впечатлѣніе становится черезчуръ сильнымъ, аффективное дѣйствіе единственнымъ или доминирующимъ, а тогда индивидуумъ уже не перцепируетъ. Провести здѣсь разграниченіе между «я» и его модификаціями и между самыми модификаціями оказывается совершенно невыполнимымъ. Пусть даже метафизически онѣ и существуютъ раздѣльно, однако *de facto* настолько слиты другъ съ другомъ, что распознать ихъ ступени и мелкіе нюансы весьма трудно.—Было бы, однако, недостаточнымъ сказать, что зрѣніе и осязаніе аналогичны другъ другу въ отношеніи функциональномъ. Дѣло въ томъ, что эти органы, подобно голосу и слуху, взаимно ассоціированы на почвѣ моторности³⁾, и органъ, обладающій высшей подвижностью (осязаніе), сообщаетъ свою активность тому, въ которомъ преобладаетъ сенсорность (зрѣнію)⁴⁾. Отсюда совершенное совпаденіе и взаимное превращеніе (*transformation*) зрительныхъ и осязательныхъ впечатлѣній⁵⁾.

Наконецъ, наибольшую подвижностью одаренъ органъ вкуса, который, замѣчаетъ Мэнъ де Биранъ⁶⁾, одновременно съ тѣмъ является и орудіемъ слова. Присущій же вкусовымъ ощущеніямъ, несмотря на то, что вкусы и сами по себѣ обладаютъ высшей активной силой⁷⁾, перцептивный характеръ обуславливается наличиемъ въ ощущеніяхъ этого порядка элемента усилія⁸⁾. Въдъ вкусы, выражаясь словами Мэнъ де Бирана⁹⁾, въ дѣйствитель-

1) Р. 34.

2) Р. 32.

3) Р. 112.

4) Р. 40.

5) Р. 112.

6) Р. 42.

7) Р. 41.

8) Р. 43.

9) Р. 40.

ности суть не что иное, какъ осязаніе, свойственное языку и нѣбу. Недаромъ осязательныя и вкусовыя модификаціи имѣютъ въ нашихъ языкахъ много общихъ названій¹⁾.

Уже поверхностный анализъ продуктовъ органовъ чувствъ показываетъ намъ, какъ та или иная доля активности, будетъ ли она органически или спорадически соединена съ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, придаетъ ему соотвѣтствующій оттѣнокъ или, что, несомнѣнно, важнѣе, сообщаетъ ту или иную степень устойчивости и отчетливости.

Дальнѣйшее же разсмотрѣніе психическихъ феноменовъ еще сильнѣе подчеркнетъ ту роль и значеніе, которыя Мэнь де Биранъ приписываетъ активному началу въ человѣкѣ, и выяснитъ намъ необходимость тщательнаго разграниченія между пассивной сенсорностью (*la sensibilité passive*) и моторной активностью (*l'activité motrice*).

Въ то время какъ слишкомъ сильное раздраженіе нервныхъ конечностей затемняетъ для сознанія волевой актъ²⁾, а вмѣстѣ съ способностью движенія исчезаетъ свѣтъ, озаряющій область впечатлѣній³⁾, движеніе, наоборотъ, является первымъ инструментомъ для анализа⁴⁾ и составляетъ *conditio sine qua non* со-

1) Р. 41. Различіе между осязательными и вкусовыми ощущеніями Мэнь де Биранъ устанавливаетъ нижеслѣдующимъ образомъ. „Въ собственно осязательныхъ процессахъ (*opérations*) перцепція плотности, формы является предѣломъ, цѣлью произведеннаго движенія. Впечатлѣніе усилія является единственнымъ или доминирующимъ; все относится къ нему; оно не смѣшивается ни съ какимъ другимъ: во вкусовыхъ процессахъ, наоборотъ, сопротивленіе есть нѣчто побочное, движеніе—не что иное, какъ средство; цѣлью (же) служить *ощущеніе* (*la sensation*)“. Возможность для индивидуума продолжать, по своему желанію, осязательное ощущеніе и отсутствіе этой возможности по отношенію къ вкусовымъ ощущеніямъ съ одной стороны, а также относительная пассивность индивидуума въ послѣднемъ случаѣ служить, по мысли нашего философа, новыми гранями, отдѣляющими другъ отъ друга анализируемая имъ чувства.

2) Р. 32.

3) Р. 44, сн. р. 41. Въ чистыхъ ощущеніяхъ т.-е. впечатлѣніяхъ, которыя мы испытываемъ во внутреннихъ частяхъ организма, говоритъ Мэнь де Биранъ (р. 44), „функція сенсорная фактически является совершенно изолированной: нѣтъ ни ощущаемаго усилія, ни активности, ни отчетливости, ни малѣйшаго слѣда памяти, всякій свѣтъ исчезаетъ вмѣстѣ съ способностью движенія“.

4) Р. 30.

знанія, такъ что телепатическія и т. п. явленія обусловливаются именно отсутствіемъ волевого акта ¹⁾. «Усиліе,—пишетъ Мэнъ де Биранъ,—необходимо влечетъ за собою перцепцію отношенія между бытіемъ, которое движитъ или желаетъ двигать, и каѳимъ бы то ни было препятствіемъ, которое противится его движенію; безъ *субъекта* или воли, которая опредѣляетъ движеніе, безъ границы, которая препятствуетъ этому послѣднему, нѣтъ *усилія*, а безъ усилія нѣтъ ни сознанія, ни перцепціи» ²⁾. Индивидуумъ, у котораго отсутствовали бы хотѣніе или детерминація къ движенію, «не сознавалъ бы ничего». Не въ лучшемъ положеніи находился бы онъ и тогда, когда бы ему ничто не сопротивлялось. «Онъ не предполагалъ бы ни о какомъ существованіи, онъ не имѣлъ бы даже *идеи* о своемъ собственномъ бытіи» ³⁾, потому что и понятіе о своемъ тѣлѣ человѣкъ получаетъ лишь путемъ сопротивленія, которое оказываютъ волѣ моторные органы его тѣла, подобно тому какъ познаніе внѣшнихъ предметовъ является результатомъ ихъ сопротивленія извѣстнымъ органамъ человѣческаго тѣла ⁴⁾. Первое свѣдѣніе о своемъ существованіи, продолжаетъ Мэнъ де Биранъ развивать ту же самую мысль ⁵⁾, онъ получаетъ только тогда, когда начинаетъ двигать, а дальнѣйшія, когда пожелаетъ продолжать движеніе. И наоборотъ, существо, ограниченное пассивными неподвижными органами, не обладало бы совершенно раздѣльною личностію ⁶⁾.

Нѣтъ надобности особенно распространяться на тему о психологическомъ значеніи и роли идеи личности. Достаточно лишь отмѣтить, что, по ученію Мэнъ де Бирана, эта послѣдняя является необходимымъ условіемъ для сравненія и различенія

¹⁾ Р. 64.

²⁾ Р. 27, сн. р. 121.

³⁾ Р. 27, сн. р. 294.

⁴⁾ Мэнъ де Биранъ болѣе или менѣе подробно описываетъ этотъ послѣдній процессъ. «Воля,—говоритъ онъ (р. 104),—или, поставляя фактъ на мѣсто причины, реакція центра, прилагается сначала и непосредственно къ моторнымъ (*mobiles*) органамъ, какъ эти послѣдніе, во вторую очередь, къ объектамъ; органъ сначала оказываетъ сопротивленіе волѣ, объектъ сопротивляется органу. Посредствомъ перваго сопротивленія существо движущее (*moteur*) познаетъ части своего тѣла, путемъ второго оно получаетъ познаніе о внѣшнихъ тѣлахъ».

⁵⁾ Р. 28.

⁶⁾ Р. 294.

модификацій ¹⁾ и что, по его мнѣнію, независимо отъ личности различающей нельзя отчетливо воспринимать отношеній бытія, причины, времени ²⁾).

Очерченнымъ нами цикломъ идей, впрочемъ, не ограничиваются продукты усилія.

Порождаемое всякимъ принужденнымъ движеніемъ ³⁾, способное къ безконечности нюансовъ ⁴⁾, ощущение усилія есть общій источникъ нашихъ перцепцій, а ео ipso и идей ⁵⁾, поскольку всякая перцепція объекта—процессъ, непосредственно связанный съ актуальнымъ дѣйствіемъ внѣшняго чувства, къ которому относится этотъ объектъ ⁶⁾. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего «Influence de l'habitude» Мэнъ де Биранъ проводитъ точку зрѣнія на идеи какъ на продуктъ объединенной дѣятельности—моторной и сенсорной ⁷⁾, а чувственные впечатлѣнія называетъ «общимъ источникомъ всякой идеи, каждаго реального понятія ⁸⁾». Но кажущееся противорѣчіе находитъ, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, полное примиреніе и достаточное объясненіе въ томъ своеобразномъ содержаніи, какое вкладываетъ Мэнъ де Биранъ въ понятіе «чувственное впечатлѣніе», и его общимъ взглядѣ на смѣшанный характеръ психическихъ феноменовъ. Въ качествѣ же положительныхъ доказательствъ сюда должны быть привлечены тѣ части его перваго сочиненія, гдѣ нашъ мыслитель, несмотря на ничтожность и неощущаемость усилія въ

1) Р. 48, сн. р. 117.

2) Р. 49.

3) Р. 27.

4) Р. 52.

5) Ibid., сн. р. 214. Для пониманія въ данномъ пунктѣ Мэнъ де Бирана необходимо уяснить себѣ его терминологию, покоящуюся на выясненіи взаимоотношенія между перцепціей и идеей. „Когда,—пишетъ онъ (р. 51),—въ силу детерминаціи, обусловленной центромъ моторнымъ и сенсорнымъ, рука принимаетъ или *стремится* принять то самое положеніе, какое имѣла она, осязая или обхватывая шаръ, индивидуумъ оказывается почти въ томъ самомъ *активномомъ* состояніи, въ какомъ онъ былъ, онъ *воспринимаетъ* (perçoit); онъ осязаетъ еще, такъ сказать, мысленно отсутствующій шаръ. Эта вторая перцепція, весьма отличная отъ первой, относится къ первой и ее предполагаетъ, какъ копія, признанная за таковую, относится къ оригиналу; эту-то копію, понимаемую въ вышеуказанномъ смыслѣ, я и называю *идеей*“.

6) Р. 51.

7) Р. 187.

8) Объ этомъ см. выше, сн. также р. 214.

идеяхъ, все же ихъ генезисъ ставить въ непосредственную зависимость отъ *активности* соотвѣтствующихъ впечатлѣній и сопровождающихъ извѣстные феномены моторныхъ актовъ ¹⁾, а у существа, ограниченного ощущеніемъ, отрицаетъ, вмѣстѣ съ возможностью памяти и знаковъ, еще возможность идей ²⁾.

Репродуцирующая дѣятельность нашего сознанія, въ предѣлы которой Мэнъ де Биранъ включаетъ и идеи ³⁾, не представляется, однако, ему результатомъ исключительно нашей активности. Двоякій видъ впечатлѣній (активные и пассивные) даётъ нашему мыслителю основаніе различать и два разныхъ способа ихъ воспроизведенія. По его мнѣнію, «первоначальное дѣйствіе, оказанное объектами на органы сенсорные или органами моторными на объекты, не ограничивается однимъ моментомъ. Какая бы то ни было модификація, полагаетъ Мэнъ де Биранъ, возможна лишь какъ результатъ *измѣненія*, происшедшаго въ чувствѣ или какомъ-нибудь центрѣ системы». Указанныя измѣненія, называемыя нашимъ философомъ детерминаціями, сами по себѣ весьма устойчивы и даже, если угодно, переживающія произведшія ихъ впечатлѣнія, соотвѣтственно двоякому характеру этихъ послѣднихъ, бывають двухъ родовъ. Кромѣ отмѣченныхъ факторовъ, вызывающихъ детерминаціи, онѣ могутъ происходить еще или въ силу возобновившагося дѣйствія тѣхъ причинъ, которыя ихъ образуютъ первоначально, или произвольно и въ отсутствіи этихъ причинъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ жизненной силы, присущей органамъ, если они нѣкогда были пробуждены объектами ⁴⁾. Различіе въ характерѣ послѣдняго рода детерминацій ⁵⁾ собствен-

¹⁾ Р. р. 52—53. „Il n'y a point d'idées, —выразительно замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своего „Influence de l'habitude“ Мэнъ де Биранъ,—correspondantes aux sensations pures, mais seulement aux perceptions“ (pp. 294—295).

²⁾ Р. р. 57—58.

³⁾ См. выше, стр. 171, прим. 5-е и ниже въ текстѣ.

⁴⁾ Р. р. 46—47.

⁵⁾ „Если,—говорить Мэнъ де Биранъ (р. 47),—сенсорная детерминація происходитъ подъ вліяніемъ повтореннаго дѣйствія той же самой внѣшней причины, то отсюда не можетъ произойти ничего, кромѣ модификаціи, подобной первоначальной и различающейся только въ степени...: возобновленное ощущение въ общемъ будетъ болѣе слабымъ, менѣе аффективнымъ“. Моторная же детерминація, по мнѣнію нашего философа (р. 49), является тенденціей (стремленіемъ) моторнаго органа повторить первоначальное дѣйствіе или движеніе. Испытываемое при этомъ индивидуумомъ усиліе отличается отъ перваго болѣею степенью легкости.

но и приводитъ, по словамъ Мэнъ де Бирана, къ расчлененію модусовъ репродукціи.

Нетрудно замѣтить, что первый изъ описанныхъ нами модусовъ, обозначаемый у Мэнъ де Бирана терминомъ «воображеніе (l'imagination)» ¹⁾, по своему характеру «болѣе или менѣе пассивенъ». Произвольное воспроизведеніе образовъ, чтò и составляетъ, по Мэнъ де Бирану, сущность воображенія ²⁾, какъ полагаетъ нашъ философъ, всегда сопровождается аффективными чувствами (sentiments), хотя и различной степени интенсивности ³⁾. А въ своемъ возникновеніи, несмотря на многообразіе проявленій ⁴⁾, оно обусловлено или той внутренней связью, которая существуетъ между зрительными процессами и моторными актами ⁵⁾, или независимой отъ какого бы то ни было внѣшняго повода дѣятельностью мозгового центра ⁶⁾. Такъ или иначе, но воображеніе Мэнъ де Биранъ ставитъ въ непосредственную связь съ мозговой сенсорностью (la sensibilité propre de l'organe

1) Р. 55.

2) Р. 295.

3) Р. р. 61—62. Эти чувства, по словамъ Мэнъ де Бирана, подобны, а часто даже превышаютъ тѣ, которыя можетъ возбуждать самая наличность объекта.

4) Дѣло въ томъ, что воображеніе сообщаетъ своимъ продуктамъ самыя разнообразныя степени силы и устойчивости и обуславливаетъ различные способы появленія образовъ.

5) „Въ виду того, что зрѣніе тѣсно связало всѣ свои операціи съ дѣйствіемъ движущей силы, оно распространяется вдаль, разомъ охватываетъ громадныя перспективы и безпрестанно группируетъ, даже вопреки волѣ, которая ею (т.-е. движущей силой) управляетъ, вокругъ главнаго объекта, на которомъ оно (зрѣніе) останавливается, много окружающихъ этотъ послѣдній побочныхъ; эта связь устанавливается и укрѣпляется въ органѣ мысли; а копія оказывается расположенной такимъ же точно образомъ, какъ изображеніе первоначальное, оригинальное, какимъ оно было вонѣ; отсюда, если одинъ изъ побочныхъ предметовъ впослѣдствіи репродуцируется въ зрѣніи отдѣльно, онъ вызоветъ мнимое появленіе, болѣе или менѣе живое, цѣлой картины; равнымъ образомъ, если репродуцируется только одинъ главный объектъ или окруженный новыми побочными, онъ пробудитъ образъ первыхъ и т. п.“ (р. 62).

6) „Независимо отъ всякаго внѣшняго возбужденія мозговой центръ можетъ придти въ дѣйствіе или отъ своей собственной силы и благодаря приобрѣтеннымъ детерминаціямъ, или въ силу аномальныхъ причинъ, которыя возбуждаютъ непосредственно его субстанцію, или, наконецъ, въ зависимости отъ лучеиспусканій (les irradiations) внутреннихъ органовъ“ (pp. 63—64).

cérébral) ¹⁾. Онъ даже выражается сильнѣе, называя воображеніе независимымъ отъ воли, скорѣе дающимъ ей, чѣмъ получающимъ отъ нея законы ²⁾. Отсюда вполнѣ понятно, почему воображеніе, въ глазахъ нашего мыслителя, является зеркаломъ съ неровной поверхностью ³⁾ и творцомъ идеальнаго, въ ходячемъ и метафизическомъ смыслѣ этого слова ⁴⁾.

Отъ «воображенія» ежедневный опытъ и самонаблюденіе отличаютъ, что санкціонируется и нашимъ языкомъ, активный мось репродукціи ⁵⁾. «Я называю его,—пишетъ Мэнъ де Биранъ,—припоминаніемъ (*le gappel*), самую же способность припоминать (*la faculté de rappeler*), производя движеніе, дѣлая усиліе,... памятью (*mémoire*)» ⁶⁾. Проводя между памятью и воображеніемъ такое же различіе, какъ между ощущеніемъ и перцепціей ⁷⁾, Мэнъ де Биранъ дѣйствию памяти распространяетъ на разнаго рода идеи, полученныя, съ одной стороны, отъ движенія, сопротивленія и ихъ формъ, съ другой—отъ вокальныхъ звуковъ ⁸⁾.

Разсужденіе объ активной репродукціи образуетъ у Мэнъ де Бирана прямой переходъ къ вопросу о сигнификаціи, поскольку единственными средствами или субъектами *припоминанія* (*du gappel*), какъ онъ думаетъ, служатъ образующія активныя впечатлѣнія *волевыя движенія*, которыя въ этомъ смыслѣ имѣютъ право на наименованіе ихъ *знаками* (*les signes*) данныхъ впечатлѣній и соотвѣтствующихъ имъ идей ⁹⁾. «Можно,—оговаривается Мэнъ де Биранъ ¹⁰⁾,—называть знаками тѣ самые объекты, присутствіе которыхъ вызываетъ появленіе образовъ или цѣлой картины,

¹⁾ Р. 58, см. pp. 62, 148.

²⁾ Р. 148.

³⁾ „Детерминаціи,—пишетъ мыслитель (р. 120),—свойственныя центральному органу и остающіяся въ его нѣдрахъ, образуютъ ту способность, которую мы назвали воображеніемъ. Это она, реагируя на внѣшнія чувства и смѣшивая безпрестанно свои продукты съ ихъ впечатлѣніями, становится какъ бы зеркаломъ съ неровной поверхностью (*un miroir inégal*) и подвижнымъ, способнымъ преобразовывать радіусы предметовъ и измѣнять (ихъ) отношенія“.

⁴⁾ Идеальное Мэнъ де Биранъ считаетъ отвлеченіемъ отъ реальнаго (р. 220 е. п.).

⁵⁾ Р. 61, п.

⁶⁾ Р. 55, см. р. 295.

⁷⁾ Р. 295.

⁸⁾ Р. 54, см. р. р. 52, 295.

⁹⁾ Р. 55, см. р. р. 169, 310.

¹⁰⁾ Р. 63.

съ которой они связаны въ качествѣ элементовъ ¹⁾; фактически съ знаками припоминанія или движеніями (*которымъ этотъ титулъ мнѣ представляется болѣе свойственнымъ*) ²⁾ они имѣютъ общее свойство, но единственное,—вновь ставить индивидуума въ положеніе аналогичное тому, въ какомъ онъ уже находился».

По существу же знакъ—это детерминація движенія ³⁾. Такъ, напримѣръ, движеніе или усиліе, воспроизведенное въ рукѣ, когда она изображаетъ или *стремится* изобразить твердое тѣло, есть *знакъ* идеи формы, внѣшняго сопротивленія. Вокальныя движенія—знаки слуховыхъ впечатлѣній или идей, жеваніе—вкусовыхъ, вдыханіе—обонятельныхъ.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ движеніе существенно связано съ тѣми впечатлѣніями, для воспроизведенія которыхъ оно служить. Такого рода движенія суть знаки естественные или первичные, въ отличіе отъ вторичныхъ или искусственныхъ, въ основѣ которыхъ лежатъ акты рефлекторные и покоящіеся на «великомъ законѣ ассоціаціи идей» ⁴⁾.

Движеніе играетъ главную роль въ дѣлѣ сигнификаціи. Поэтому чисто-аффективныя модификаціи совершенно не имѣютъ естественныхъ знаковъ ⁵⁾, которые, въ свою очередь, являются *conditio sine qua* поп искусственныхъ ⁶⁾. Самая же способность обращать движенія или знаки естественные въ искусственные—специфически человѣческая ⁷⁾. Отсутствіе знаковъ или именъ для выраженія, обусловленное преобладаніемъ сенсорнаго элемента въ нѣкотораго рода ощущеніяхъ (внутреннихъ, вкусовыхъ, обонятельныхъ ⁸⁾), сопровождается полнымъ или относительнымъ

¹⁾ См. выше.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Сн. 186.

⁴⁾ Р. р. 55—56, сн. р. 295. Психологически процессъ трансформаціи первичныхъ знаковъ въ искусственные Мэнь де Бирани представляется въ такомъ видѣ: „Въ силу того, что индивидуумъ склоненъ замѣчать первичныя функціи, онъ распространяетъ ихъ, посредствомъ акта рефлекторнаго и основаннаго на великомъ законѣ ассоціаціи идей, на многіе другіе модусы существованія, которые, если и имѣютъ отношеніе къ этимъ движеніямъ, то лишь болѣе или менѣе непрямо, а часто даже чисто-условное (р. 56)“.

⁵⁾ Р. 57 п.

⁶⁾ Р. 57. „Les signes artificiels ne sont... qu'entés sur les signes naturels“.

⁷⁾ Р. р. 67—68.

⁸⁾ Р. 56.

лишеніемъ этихъ послѣднихъ возможности быть репродуцированными 1)... «Мы видѣли,—пишетъ Мэнъ де Биранъ въ заключеніи своего введенія къ «Influence de l'habitude», какъ дѣятельность памяти и воображенія происходитъ непосредственно изъ самой природы впечатлѣній или модуса, которымъ бытіе моторное и сенсорное (l'être moteur et sensible) *перцепируетъ* (perçoit) или *ощущаетъ* (sent) дѣйствіе объектовъ; мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, какъ всѣ операціи чувствъ, повидимому, самыя отдаленныя, точно также относятся къ одному или другому изъ этихъ двухъ источниковъ; а тотъ особенный способъ вліянія, который привычка будетъ оказывать на эти операціи, дастъ намъ возможность указать способность, отъ которой онѣ зависятъ, и классъ, къ которому мы должны ихъ причислить» 2).

Устанавливаемая нашимъ философомъ двойственность человѣческихъ способностей обнаруживается въ этомъ послѣднемъ случаѣ съ особенною рельефностью. Дѣло въ томъ, что вліяніе привычки, какъ утверждаетъ Мэнъ де Биранъ, по существу всегда однородно и, слѣдовательно, разницу въ результатахъ нужно учитывать какъ слѣдствіе особой *природы* подлежащихъ дѣйствію привычки *феноменовъ*. Въ такомъ именно смыслѣ т.-с. въ смыслѣ указанія на различныя точки, а не способы, приложенія вліянія мы должны понимать и самое дѣленіе нашимъ мыслителемъ привычекъ на пассивныя и активныя.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ частностямъ, позволимъ себѣ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, намѣтить направленіе, въ которомъ вообще дѣйствуетъ привычка.

Первое дѣйствіе привычки мы, несмотря на отсутствіе соотвѣтствующаго термина у самого Мэнъ де Бирана, назвали бы *дистракціоннымъ*, ибо, по его мнѣнію, «всѣ наши впечатлѣнія, *какой бы природы они ни были* 3), постепенно ослабѣваютъ, если продолжаются извѣстное время или часто повторяются» 4). Въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія и моторныя операціи. И онѣ, будучи часто повторяемы, перестаютъ доставлять

1) Р. 57 п.

2) Р. 65, сн. р. 296.

3) Курсивъ нашъ.

4) Р. 73. Единственное исключеніе изъ только что формулированнаго правила Мэнъ де Биранъ дѣлаетъ для тѣхъ случаевъ, „où la cause d'impression va jusqu' à léser ou détruire l'organe“ (ibid.).

своему центральному органу ту активность, которая, приводя его къ сознанию собственныхъ силъ, чрезъ то самое создавала въ нѣкоторомъ родѣ его собственную жизнь ¹⁾). Указываетъ Мэнъ де Биранъ еще нивеллирующее свойство привычки, заключающееся «въ (ея) безпрестанномъ стремленіи сблизить, смѣшать два рода впечатлѣній, различныхъ по природѣ, скрыть отъ индивидуума различіе, которое отдѣляетъ простое ощущеніе отъ перцепціи и сужденія, обратить, наконецъ, волевые знаки *припоминанія* въ *пассивные* знаки воображенія» ²⁾). И въ заключеніе нашъ мыслитель отмѣчаетъ механизирующее вліяніе привычки, слѣпоту при отправленіи извѣстныхъ дѣйствій, какъ ея обычный результатъ.

Троякая тенденція привычки, сталкиваясь съ двумя порядками феноменовъ, создаетъ и два главныхъ направленія, въ которыхъ вліяетъ привычка. Всѣ наши способности и операціи, являясь, по существу, — однѣ модификаціями чувства, другія — движенія, должны или измѣняться, ниспадать (а въ извѣстныхъ случаяхъ повышаться), какъ ощущенія и чувства, или приобрѣтать большую точность, быстроту и легкость, какъ движенія ³⁾). Но почти полное отсутствіе чистыхъ (исключительно моторныхъ или абсолютно сенсорныхъ) модификацій ⁴⁾, препятствующее точному разграниченію феноменовъ, и расположеніе матеріала въ самомъ «*Influence de l'habitude*» побуждаетъ насъ въ дальнѣйшемъ изложеніи придерживаться плана этого послѣдняго сочиненія. А потому сначала скажемъ нѣчто о феноменахъ, относимыхъ нашимъ мыслителемъ къ разряду пассивныхъ привычекъ, или о вліяніи частаго повторенія на ощущенія и перцепціи, поскольку и перцепціи не суть феномены исключительно активные.

Подлежа общему закону вліянія привычки, ощущенія если и разнятся чѣмъ въ данномъ отношеніи отъ перцепцій, то исключительно однимъ. Въ то время какъ ощущенія, ослабѣвая, затемняются и стремятся даже совершенно исчезнуть ⁵⁾, перцеп-

¹⁾ Р. 301.

²⁾ Р. 170.

³⁾ Р. 296.

⁴⁾ Р. р. 24—25.

⁵⁾ Тенденція ощущеній, подъ вліяніемъ повторенія, уничтожаться понимается Мэнъ де Бираномъ не въ безусловномъ смыслѣ. Повторенное ощущеніе, по его мнѣнію, если и ослабѣваетъ, то лишь въ соответствующемъ

цій, «становясь болѣе безразличными ¹⁾), не только цѣликомъ сохраняютъ свою ясность, но зачастую пріобрѣтаютъ еще болѣе большую раздѣльность» ²⁾. «Чѣмъ меньше мы ихъ *ощущаемъ*, тѣмъ лучше перцепируемъ» ³⁾.

Мэнъ де Биранъ гипотетически ⁴⁾ указываетъ причину перваго изъ отмѣчаемыхъ имъ явленій ⁵⁾ и опредѣленно высказывается по тому же самому вопросу въ примѣненіи къ перцепціямъ. Ослабленіе, при повтореніи, первоначальнаго сенсорнаго дѣйствія ⁶⁾, возрастающія параллельно съ этимъ легкость и раздѣльность специальныхъ движеній, отъ которыхъ зависитъ активный характеръ перцепирующей способности ⁷⁾, ассоціація въ центральномъ органѣ съ опредѣляемыми ею другими движеніями или совпадающими съ нею посторонними впечатлѣніями, служащими для перцепирующей способности знаками при повтореніи ⁸⁾,—вотъ три главныхъ фактора своеобразнаго преломленія

органѣ. Но цѣлая сенсорная система можетъ сохранить детерминацію и ея стремленіе репродуцировать прежнее ощущеніе порождаетъ инстинктивные желанія, независимыя отъ воли и часто даже опредѣляющія ее. „Такимъ образомъ, ощущенія, совершенно уничтожаясь, въ силу привычки, какъ таковыя, превращаются, однако, во властныя потребности“ (р. р. 296—297).

¹⁾ И въ этомъ — подчиненіе перцепцій общему закону ослабленія повторенныхъ впечатлѣній.

²⁾ Р. р. 73—74, см. р. р. 295—296.

³⁾ Р. 74.

⁴⁾ „Чтобы знать,—говоритъ Мэнъ де Биранъ съ цѣлью оправдать *raison d'être* построенія своей гипотезы,—какъ продолженное ощущеніе ослабѣваетъ, нужно быть въ состояніи сказать, какъ оно начинается, потому что ослабленіе всегда является слѣдствіемъ той же самой дѣятельности, одного и того же органическаго условія, а эта первичная дѣятельность, это первоначальное условіе скрыты отъ нашихъ глазъ, какъ всѣ первичныя причины, подъ непроницаемымъ покровомъ“ (р. 75).

⁵⁾ По мнѣнію Мэнъ де Бирана, хотя каждый изъ нашихъ сенсорныхъ органовъ обладаетъ извѣстной степенью интенсивности (на языкѣ нашего мыслителя это называется естественнымъ тономъ органа), но между всѣми ними, при нормальномъ положеніи, царитъ полное равновѣсіе. Будучи въ той или другой своей части выведена изъ этого состоянія внѣшнимъ объектомъ, сенсорность стремится опять возстановить потерянное равновѣсіе, либо понижая тонъ возбужденнаго органа, либо послѣдовательно повышая до такого же состоянія тонъ цѣлаго органовъ (р. р. 76—77). Отсюда ослабленіе ощущенія.

⁶⁾ Подробнѣе объ этомъ см. р. р. 97—99.

⁷⁾ Р. р. 99—108.

⁸⁾ Р. р. 108—119, *фн.* р. 66.

общаго закона ослабленія ощущеній по отношенію къ перцепціямъ.

Наличность сенсорнаго элемента въ повторенныхъ перцепціяхъ сопровождается слѣдствіями двоякаго порядка.—Съ одной стороны, меньшая степень оказываемаго имъ вліянія и его ассоціація съ актами моторными отражается на перцепціяхъ положительнымъ образомъ. Съ другой стороны, эта послѣдняя ассоціація открываетъ въ области перцепцій значительный просторъ дѣятельности воображенія. «По мѣрѣ того,—говоритъ Мэнъ де Биранъ ¹⁾,—какъ поле нашей перцептивной способности расширяется и разнообразится, впечатлѣнія комбинируются, операціи и сужденія умножаются, *зеркало* воображенія (*le miroir imaginaire*) пріобрѣтаетъ большее вліяніе и въ гораздо большей мѣрѣ отъ его (воображенія) отраженнаго свѣта, чѣмъ отъ прямыхъ лучей, происходитъ то, что мы перестаемъ ощущать (*percevoir*) и разсматривать (*contempler*) объекты». — «*Le sujet et le terme de l'action, l'effort et la résistance se trouvant enfin presque identifiés, tout semble revêtir le caractère passif de la sensation*» ²⁾.

Отсюда, въ дальнѣйшемъ, возникновеніе изъ многихъ, генетически разнящихся между собою, перцепцій одного смѣшаннаго впечатлѣнія съ перенесеніемъ свойствъ активнаго впечатлѣнія на пассивный феноменъ и обратно. Это—во-первыхъ. А затѣмъ ассоціировавшіяся, благодаря постоянному совмѣстному повторенію, впечатлѣнія утрачиваютъ въ значительной мѣрѣ характеръ чувствъ, къ которымъ они непосредственно относятся, и въ той же самой степени пріобрѣтаютъ оттѣнокъ внутренней дѣятельности центральнаго органа ³⁾. Ея направленія, полагаетъ Мэнъ де Биранъ, довольно многообразны. «Центральный органъ, реагируя суммой пріобрѣтенныхъ детерминацій, измѣняетъ, дополняетъ, исправляетъ, а иногда искажаетъ простыя сообщенія внѣшнихъ чувствъ, перцепція подмѣняетъ воспоминаніями, и скорѣе реализуетъ то, что существовало, такъ какъ не ощущаетъ (*ne perçoit*) того, что существуетъ ⁴⁾».

Отмѣченному разнообразію проявленій дѣятельности централь-

¹⁾ Р. р. 120—121.

²⁾ Р. 298.

³⁾ Р. р. 298—299.

⁴⁾ Р. р. 299, сн. р. 306.

наго органа вполне соответствует и многообразіе получающихся отсюда результатовъ.

Здѣсь, прежде всего, кроется причина той скорости и точности, съ какой мы посредствомъ чувства фактически или *in spe* ощущаемъ то, что совершенно не принадлежитъ къ области сенсорнаго или явно превышаетъ его пониманіе ¹⁾. Тутъ же мы должны искать источникъ многочисленныхъ и наиболѣе устойчивыхъ нашихъ иллюзій ²⁾. Смѣшеніе «порядка, установленнаго привычками воображенія», съ природой вещей, «предположеніе бытія неподвижнаго и необходимаго тамъ, гдѣ фактически случайное и временное совпаденіе», проистекають отсюда же ³⁾. Идентичными причинами обусловлено, далѣе, обобщеніе частныхъ опытовъ, сопровождающееся превращеніемъ относительнаго въ абсолютное, признаніемъ существенной связи (*essentialité*) между извѣстными явленіями на основаніи обычнаго совпаденія ихъ во времени и причиною зависимости явленій, находящихся между собою въ отношеніи простой послѣдовательности ⁴⁾. Наконецъ, здѣсь же находится разгадка причинъ нашего безразличія къ привычному порядку явленій и возникновенія эмоций въ случаѣ малѣйшаго измѣненія этого послѣдняго, равно какъ получаетъ свое объясненіе быстрота и легкость, съ какой происходитъ въ нашемъ сознаніи масса сужденій, а также ихъ смѣшеніе въ одномъ и томъ же сенсорномъ актѣ ⁵⁾. Такимъ образомъ, вслѣдствіе повторенія, перцепціи приобрѣтають несвойственныя имъ по природѣ способности—репрезентативную и детерминирующую сужденія. Мэнъ де Биранъ, поэтому, съ полнымъ правомъ и основаніемъ могъ сказать, что привычка вліяетъ на сенсорныя операции ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что заставляетъ ихъ совпасть съ дѣятельностью воображенія ⁶⁾.
Отъ привычекъ, называемыхъ Мэнъ де Бираномъ общимъ именемъ «пассивныя», переходимъ къ привычкамъ, по его терминологіи, «активнымъ».

Такъ какъ активныя состоянія, которыя даютъ имя и соответ-

1) Ibid.

2) P. p. 124—125, 299, см. p. p. 138—143.

3) P. p. 125, 300.

4) P. p. 121—127, 300, см. p. 129.

5) P. p. 131—143, 300, см. p. p. 144—145.

6) P. 66.

ствующимъ привычкамъ, въ существѣ дѣла, сводятся къ проявленіямъ сигнифицирующей дѣятельности, то, слѣдовательно, область активныхъ привычекъ совпадаетъ съ полемъ дѣйствія нашей памяти.

Въ зависимости отъ разнообразныхъ функцій знаковъ Мэнъ де Биранъ устанавливаетъ три вида памяти. Первый изъ нихъ онъ называетъ памятью механической. Знаки здѣсь совершенно свободны отъ какой бы то ни было примѣси сенсорнаго элемента ¹⁾, а въ такомъ случаѣ самый процессъ припоминанія сводится къ простому повторенію движеній ²⁾. Отсюда, между вліяніемъ привычки на механическую память и способность движенія нужно поставить знакъ равенства. Рядъ движеній быстрыхъ, легкихъ, неощутимыхъ, а въ концѣ-концовъ почти автоматическихъ — вотъ результатъ этого вліянія ³⁾. Тогда какъ въ процессахъ памяти механической царитъ полная разобщенность между актами сенсорнымъ и моторнымъ и «движеніе, по буквальному выраженію Мэнъ де Бирана ⁴⁾, поглощаетъ всѣ силы мыслительнаго органа», бываютъ случаи, гдѣ за припоминаніемъ знака непосредственно слѣдуетъ появленіе отчетливыхъ идей или образовъ ⁵⁾. Этотъ видъ памяти, въ которомъ ассоціація между знакомъ и образомъ правильно устанавливается при помощи раздѣльныхъ перцепцій ⁶⁾, на языкѣ нашего философа носитъ названіе репрезентативной. Модусъ вліянія привычки на репрезентативный видъ памяти аналогиченъ съ дѣйствіемъ, оказываемымъ привычкой на перцептивную способность. Процессъ припоминанія знаковъ, благодаря частому повторенію, ускоряется,

1) „Les signes, выражаясь словами Мэнъ де-Бирана (р. 187), sont absolument vides d'idées, ou séparés de tout effet représentatif“.

2) Хорошо выраженные (articulés) звуки или тоны, разсматриваемые сами по себѣ и въ отвлеченіи отъ всякой актуальной репрезентативной силы, по мнѣнію Мэнъ де Бирана, являются простѣйшими продуктами моторной силы. Удерживать, припоминать звуки, упражнять память механическую, въ его глазахъ, значить не что иное, какъ удерживать и повторять рядъ движеній (р. 189).

3) Подробности см. р. р. 189—199, см. р. 303.

4) Р. 304.

5) Le rappel du signe étant accompagné ou suivi immédiatement de l'apparition claire d'une idée bien circonscrite (р. 187).

6) L'association régulièrement formée avec des perceptions distinctes (р. 303).
Подр. объ этомъ на стр. 182—184, 186—187.

приобрѣтаетъ большую точность и становится до послѣдней степени легкимъ. Образы же или идеи чрезъ это совершенно не утрачиваютъ вѣрности и ясности ¹⁾. Словомъ, моторные и сенсорные акты здѣсь уравниваются и потому не удивительно, если Мэнъ де Биранъ одну только эту память считаетъ полезной, единственной базой человѣческаго разума ²⁾, который, въ его глазахъ,—не болѣе какъ цѣлое первичныхъ привычекъ центрального органа ³⁾.

Память сенсорная, образующая, по Мэнъ де Бирану, третій видъ памяти,—та, когда знакъ служитъ выраженіемъ или аффективной модификаціи—чувства (*un sentiment*),—или какого-нибудь фантастическаго образа, или пустого понятія, не имѣющаго въ нашихъ ощущеніяхъ реальной базы, и обладаетъ возбуждающимъ свойствомъ. Само собою разумѣется, что привычка отражается на ней такъ же, какъ на способности ощущенія (*la faculté de sentir*). Привычка порождаетъ рядъ модификацій, чувствъ (*les sentiments*) или фантомовъ, производитъ въ самомъ сенсорномъ дѣйствіи (*l'effet sensitif*) то ослабленіе, то возбужденіе, въ обозначаемой вещи—постоянныя перемѣны, знаку придаетъ устойчивость, служитъ источникомъ иллюзорныхъ сужденій ⁴⁾.

Намъ остается теперь прослѣдить вліяніе привычки на наши сужденія и методы или формы умозаключеній, выяснить ея отрицательную роль и отмѣтить положительное значеніе въ этой области. Но отсутствіе какихъ-либо оригинальныхъ, по сравненію съ предыдущимъ изложеніемъ, чертъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ «*Influence de l'habitude*», смѣемъ думать, въ правѣ освободить насъ отъ этого экскурса. Въмѣсто него слѣдаемъ попытку разобраться въ тѣхъ воззрѣніяхъ, что существуютъ въ литературѣ по вопросу о направленіи философіи Мэнъ де Бирана въ ея первый періодъ.

Э. Навилль ⁵⁾, Ферра и *Grundriss der Geschichte der Philosophie Ibervega-Гейнце*, обозрѣвая начальную стадію философіи Мэнъ де Бирана, считаютъ ея творца въ это время, самое большое гео-

¹⁾ О дѣйствіяхъ и привычкахъ памяти репрезентативной см. р. р. 214—243, см. р. р. 187, 303—304.

²⁾ Р. 304.

³⁾ Р. 120.

⁴⁾ Подробнѣе р. р. 200—213, см. р. р. 187, 300—301.

⁵⁾ За нимъ, конечно, слѣдуетъ и Гогоцкій.

ретически принадлежащимъ къ идеологамъ ¹⁾). Въ своемъ «Influence de l'habitude» нашъ мыслитель, выражаясь словами Навилля ²⁾, лишь претендуетъ приложить принципы школы Кондильяка къ частному вопросу. «Онъ только,—пишетъ Ферра ³⁾,—удерживаетъ слова вмѣсто дѣла и потому кажется находящимся въ идейномъ согласіи съ тѣми, отъ которыхъ онъ въ дѣйствительности отдѣлился». «Influence de l'habitude» развѣ «съ большими оговорками можно помѣстить въ каталогъ произведеній идеологической школы ⁴⁾». «Идеологи полагали, что въ лицѣ Мэнъ де Бирана они премируютъ сторонника ихъ воззрѣній ⁵⁾, да и онъ самъ не былъ въ такой мѣрѣ господиномъ своихъ идей, чтобы видѣть, въ какомъ пунктѣ онѣ противоположны ихъ идеямъ ⁶⁾». «Авторъ «Influence» былъ далекъ отъ сознанія своей дѣйствительной позиціи въ области мысли. Шефы сенсуалистической школы для него учителя, и онъ думаетъ, что уклоняется съ ихъ пути лишь въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ ⁷⁾». Самъ Мэнъ де Биранъ, «по крайней мѣрѣ, вѣритъ, что еще принадлежитъ къ идеологической или Кондильяковой школѣ ⁸⁾». Вообще же, весь этотъ періодъ представляетъ изъ себя сплошное колебаніе въ области мысли Мэнъ де Бирана. «Это колебаніе—результатъ главнымъ образомъ борьбы между заимствованной доктриной, съ выводами которой авторъ соглашается, и тенденціями его собственной мысли, которыя заставляютъ его отступать, когда эти выводы обнаруживаютъ, къ какимъ послѣдствіямъ они направляются» ⁹⁾.

¹⁾ Ср. *A. Franck'a*, *Moralistes et philosophes*, Paris, 1874, p. p. 278—281.

²⁾ *Oeuvr. inéd. de M. de B.*, t. I, introduction, p. XIV; „*Maine de Biran, sa vie et ses pensées*“, 2 éd., Paris, 1874, p. 20.

³⁾ *Histoire de la philosophie en France au XIX s.*, t. III (*Spiritualisme et libéralisme*), 2 éd., Paris, 1887, p. 41.

⁴⁾ *E. Naville*, *ibid.*, p. XXII.

⁵⁾ „*Influence de l'habitude*“ было написано и подано Мэнъ де Бираномъ на конкурсъ, объявленный Национальнымъ Институтомъ въ 1800 г. Въ составъ ученаго жюри тогда входили Кабанисъ, Женгенъ, Ля-Ревельеръ-Лепо, Дову и Дестю де Траси. Послѣдній дѣлалъ и отзывъ о работѣ Мэнъ де Бирана, доставившій нашему философу премію.

⁶⁾ *Ferraz*, *op. cit.*, p. p. 41—42.

⁷⁾ *E. Naville*, *ibid.* и въ его „*Maine de Biran, sa vie et ses pensées*“, *loc. cit.*; см. *Paul Janet*, *Les maîtres de la pensée moderne*, Paris, 1883, p. 372.

⁸⁾ *Ueberweg-Heinze*, *loc. cit.*

⁹⁾ *E. Naville*, *ibid.*

Но уже тѣ ограниченія, притомъ въ существенныхъ пунктахъ ¹⁾, съ которыми высказываются сторонники только что изложенныхъ воззрѣній, заставляютъ насъ критически отнестись къ ихъ увѣреніямъ.

Далѣе, довольно рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что въ своихъ сужденіяхъ о цѣломъ періодѣ, если не всѣ, то большинство перечисленныхъ нами лицъ ²⁾, опираются исключительно на одно—правда, главное—сочиненіе. Между тѣмъ общая концепція идей перваго періода значительно мѣняется, если вставить въ нее мысли Мэнъ де Бирана «*Mémoire sur les rapports de l'idéologie et des mathématiques*»,—сочиненія, хронологически позднѣйшаго по сравненію съ «*Influence de l'habitude*». Предполагать, что цѣли, для достиженія которыхъ было написано Мэнъ де Бираномъ второе изъ изданныхъ произведеній перваго періода, повліяли на направленіе мыслей сочиненія, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній ³⁾. Непредвзятый же взглядъ находитъ въ немъ по меньшей мѣрѣ два аргумента, достаточно вѣскихъ для признанія въ лицѣ Мэнъ де Бирана перваго періода идеолога.

Мы разумѣемъ, прежде всего, изложенные нашимъ философомъ въ «*Mémoire sur les rapports de l'idéologie*» взгляды на метафизику прошлаго, ея истинные задачи и методы. Феноменализмъ и сенсуализмъ въ новомъ пунктѣ роднятъ «*Mémoire*» съ «*Influence*». На этой почвѣ главнымъ препятствіемъ къ признанію Мэнъ де Бирана идеологомъ чистой воды, если такъ можно выразиться, служитъ производимое имъ разграниченіе впечатлѣній на активныя и пассивныя. На нашъ взглядъ это препятствіе, однако, не непреодолимо, хотя бы уже потому, что различіе Мэнъ де Бираномъ чувственного ощущенія и перцепціи представляетъ изъ себя дальнѣйшее развитіе взгляда Дестю

1) А именно: въ вопросахъ о природѣ нашего разума, познанія, причинности etc. (E. Naville, *ibid.*, p. p. XIV—XV; Ferraz, *ibid.*, p. 41).

2) Относительно подную характеристику перваго періода философіи Мэнъ де Бирана, въ ея цѣломъ, даетъ одинъ Навилль (*ibid.*, p. p. XI—XIV).

3) Вѣдь, инициатива получить кафедру въ Версалѣ, чѣмъ вызвано появленіе „*Mémoire sur les rapports de l'idéologie*“, исходила не отъ самого Мэнъ де Бирана. А затѣмъ было бы естественнѣе предположить политику приспособленія при написаніи „*Influence de l'habitude*“, что уже совершенно идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ взглядомъ на это послѣднее сочиненіе.

де Траси, согласно которому «причина нашихъ представлений о вѣшнихъ вещахъ лежитъ въ произвольномъ движеніи» ¹⁾). Слѣдовательно, *sedeo* идеологовъ вовсе не исключаетъ признанія активности. Въ какой мѣрѣ то и другое согласуется по существу—вопросъ другой. Но вѣдь у Мэнъ де Бирана активныя впечатлѣнія не больше какъ разновидность одного и того же рода съ пассивными впечатлѣніями. Это—во-первыхъ. А потомъ, съ точки зрѣнія нашего философа, пассивный элементъ оказывается преобладающимъ надъ активнымъ. Подтвержденія тому можно находить и въ производимомъ имъ анализѣ чувствъ, и въ актахъ нашей репродуцирующей дѣятельности. Отрицаніе Мэнъ де Бираномъ апіорно-раціоналистическаго характера причинности и признаніе идеальнаго за отвлеченіе отъ реальнаго, вмѣстѣ съ его общимъ взглядомъ на человѣческія способности и ихъ операциі, какъ результатъ привычки и репродукціи первичныхъ впечатлѣній, являются новыми аргументами противъ Навилля и сторонниковъ его обслѣдуемыхъ нами воззрѣній.

Если теперь принять во вниманіе общую фізіологическую основу, на которой рѣшаются Мэнъ де Бираномъ всѣ затрогиваемые имъ вопросы, то, хочется думать, будетъ самоочевиднымъ, въ чью пользу рѣшается споръ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «*идеологія* нашего мыслителя, скажемъ словами Дамирона ²⁾»,—видъ *фізіологіи, фізіологія впечатлѣній активныхъ или пассивныхъ, органами и сѣдалищемъ которыхъ служатъ нервы*. «Въ послѣднемъ анализѣ нервы, мозгъ, который является общимъ центромъ,—вотъ принципъ всякаго впечатлѣнія, всякаго возобновленія впечатлѣнія, всякой интеллектуальной привычки, всякой мысли; изученіе мысли не больше, какъ изученіе особеннаго феномена организациі».

Такимъ образомъ, правъ Тэнъ, утверждавшій ³⁾, что Мэнъ де Бирановъ «Трактатъ о привычкѣ» сенсуалистиченъ. Сугубо правъ послѣ изысканій, произведенныхъ въ данной области Пикавэ ⁴⁾.

¹⁾ *Ueberweg-Heinze*, loc. cit.

²⁾ *Essai sur l'histoire de philosophie en France, au XIX siècle, t. II* (5 ed., Bruxelles, 1835), p. 142.

³⁾ Французская философія первой половины XIX вѣка, стр. 44.

⁴⁾ *La philosophie de Maine de Biran de l'an IX à l'an XI, Orleans и Cont. Revue Acad. d. Sc. Mor. et Pol., CXXXII—1889, p. p. 710—727; cp. A. Kühnmann'a Maine de Biran, Bremen, 1901, S. S. 136—137.*

Вошедшая въ издание Кузена редакція «*Influence de l'habitude*» является третьей по счету (1803 г.). Между тѣмъ, чрезъ сравненіе этой послѣдней съ двумя раннѣйшими (1801 и 1802 г.г.) редакціями, Пикавэ считаетъ твердо установленнымъ, что Мэнъ де Биранъ въ 1801 году былъ восторженнымъ ученикомъ Кабаниса и Дестю де Траси и что таковымъ же онъ остается и въ 1802 году, хотя здѣсь уже обнаруживается бѣльшая независимость въ его мысли. Относительная перемѣна позицій произошла лишь въ 1803 году. Не даромъ и самому Навиллю не осталось ничего больше какъ только назвать философію Мэнъ де Бирана въ первой стадіи ея развитія философіей ошущенія ¹⁾ и признать, что тотъ, «кому долженствовало занять первое мѣсто въ реакціи французской мысли противъ сенсуалистической доктрины, дебютировалъ подъ ауспиціями школы Кондильяка» ²⁾...

Н. Бударявцевъ.

¹⁾ *Oeuvr. ined. de M. de B., t. I, introduction, p. IX.*

²⁾ *Ad. Franck, Dict. d. sc. phil., s. v. M. de B., p. 1007.*

Телеологія Лейбница.

I.

Для античнаго или средневѣкового мыслителя міръ былъ проникнутымъ формирующей силой разума космосомъ; телеологія являлась главнымъ содержаніемъ почти всѣхъ философскихъ умозрѣній. Понять дѣйствительность какъ систему механически слѣдующихъ другъ за другомъ явленій—идеаль новой европейской мысли; отнынѣ нѣтъ болѣе пригоднаго для критики матеріала, нежели телеологія.

Примирить Аристотеля съ новой философіей ставитъ задачей своей философской дѣятельности съ самыхъ раннихъ поръ ея Лейбницъ. Вслѣдъ за нимъ и историки философій именно въ этомъ усматриваютъ его значеніе для развитія новой философій. Такъ ли это?

Заниматься философіей Лейбницъ началъ еще въ школѣ, гдѣ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ увлекается логикой и ломаетъ голову надъ предикаментами. Около года изучаетъ онъ Аристотеля и схоластиковъ, пока споръ между лютеранами и реформатами не отвлекъ его вниманія. Пятнадцати лѣтъ Лейбницъ поступаетъ въ Лейпцигскій университетъ на философскій факультетъ. Какъ разъ въ это время онъ дѣлаетъ рѣшительный выборъ между субстанціальными формами схоластиковъ и механистической философіей новаго времени, послѣдняя побѣждаетъ, и Лейбницъ еще долгое время будетъ полемизировать съ схоластиками. Этотъ выборъ производился подъ вліяніемъ Гассенди, Бэкона, Кардана, Кампанеллы, Кеплера, Галилея и Декарта, какъ объ этомъ свидѣтельствуется самъ Лейбницъ. Въ университетѣ философію читаютъ Шерцеръ и Томазіусъ. Шерцеръ—завзятый схоластикъ и на Лейбница вліянія не оказываетъ. За то Лейбницъ надолго сближается съ Тома-

зіусомъ. Томазіусъ, талантливый профессоръ исторіи философіи, противникъ схоластики и послѣдователь Аристотеля. Но Аристотель, послѣдователемъ котораго является Томазіусъ, былъ ни подлинный Аристотель, ибо изъ переписки Томазіуса мы узнаемъ о плохомъ знакомствѣ его съ текстомъ Аристотеля, ни Аристотель схоластики, это былъ Аристотель новой философіи, Аристотель «реформаторовъ» философіи, какъ его тогда называли. Плодомъ двухлѣтнихъ занятій у Томазіуса является «Disputatio metaphysica de principio individui», чисто ученическая работа, стремящаяся возможно вѣрнѣе провести номиналистическую точку зрѣнія профессора, подкрѣпляя ее не такъ силой аргументовъ, какъ обиліемъ цитатъ, взятыхъ, вѣроятно, напрокатъ у Суареса.

Окончивъ философскій факультетъ, Лейбницъ ѣдетъ на семестръ въ Іену заниматься математикой, къ которой влекли его и прежнія занятія логикой и увлеченіе механистической философіей, и научить которой не могъ бездарный лейпцигскій профессоръ Кюнъ. Математику въ Іенѣ читаетъ Эргардъ Вейгель. Онъ вводитъ Лейбница въ математическій анализъ, сообщаетъ ему идеи естественнаго права, знакомитъ его съ Гоббсомъ, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго Лейбницъ будетъ впоследствии находиться.

Если Томазіусъ послѣдователь Аристотеля «реформаторовъ», то Вейгель прямо ставитъ своей задачей согласовать Аристотеля съ новой философіей. Вообще, такое примиреніе было цѣлью опредѣленнаго философскаго направленія. Но о какомъ согласованіи шла рѣчь, видно изъ того, что во главѣ этого движенія стоялъ Рэй, авторъ «Clavis philosophiae naturalis seu introductio ad naturae contemplationem aristotelico-cartesiana», тотъ самый Рэй, о которомъ Декартъ говорилъ, что лучше Рэя никто не умѣетъ излагать его философію. Эта aristotelico-cartesiana philosophia была ничѣмъ инымъ какъ рядомъ попытокъ принудить Аристотеля мыслить въ духѣ картезіанской философіи.

Возвратившись въ Лейпцигъ, Лейбницъ поступаетъ на юридическій факультетъ, пишетъ рядъ юридическихъ работъ и «Disseratio arithmetica de complexionibus», переработанное въ томъ же 1666 г. въ «de arte combinatoria»—исполненіе давней своей (и Вейгеля) мечты о математизаціи логики, получаетъ ученую степень, и въ началѣ 1667 г. поступаетъ на службу къ бывшему министру майнцакаго курфирста барону Бойнебургу, въ домѣ

котораго живетъ три года. Въ домѣ этого человѣка Лейбницъ пишетъ рядъ литературныхъ, политическихъ и богословскихъ («Исповѣданіе вѣры противъ атеистовъ», «Защита Троицы») работъ. Въ годъ ухода изъ дома Бойнебурга Лейбницъ издаетъ натурфилософскій трактатъ «Новая физическая гипотеза».

Такимъ образомъ мы видимъ, что Лейбницъ вообще Аристотелемъ занимался немного, что Аристотель, котораго онъ зналъ, былъ Аристотелемъ модернизованнымъ, и что то стремленіе примирить Аристотеля съ новой философіей, которое считаютъ отличительнымъ свойствомъ философіи Лейбница, было общимъ стремленіемъ той эпохи показать, что Аристотель новой философіи не противорѣчитъ.

Для того чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, сравнимъ извѣстное письмо Лейбница къ Томазіусу о примиреніи Аристотеля съ новой философіей (20/30 апр. 1669 г.) съ подлиннымъ ученіемъ Аристотеля. По Аристотелю, форма — имманентная сущность субстанціи, образующая въ соединеніи съ неопредѣленнымъ субстратомъ — матеріей — опредѣленное индивидуальное бытіе; въ этомъ смыслѣ форма въ схоластикѣ получила названіе субстанціальной формы въ противоположность качественнымъ и количественнымъ формамъ, являющимся лишь акциденціями субстанціи (*formae accidentales*). Итакъ, матерія — неопредѣленная возможность принимать всякія формы, форма же — опредѣляющая ее дѣятельность, носящая въ себѣ свою цѣль. Лейбницъ въ своемъ письмѣ находитъ, что схоластики удивительно исказили смыслъ философіи Аристотеля, навязавъ ей какія то субстанціальныя формы, которыя де, будучи не матеріальными, сами по себѣ, безъ содѣйствія внѣшней вещи, сообщаютъ тѣлу движеніе. По Лейбницу, матерія есть масса (*moles*), обладающая протяженностью и непроницаемостью и существующая до всякой формы; форма же есть фигура или граница тѣла, возникающая изъ движенія частей тѣла ¹⁾.

¹⁾ Въ виду распространенности опровергаемаго здѣсь предразсудка, считаю необходимымъ остановиться на немъ подробнѣе. Обстоятельнѣе другіе показываетъ близость Лейбница къ Аристотелю Куно Фишеръ. Для этого онъ такъ интерпретируетъ философію Лейбница: Элементы вещей суть монады; въ существѣ монады мы различаемъ два момента — изначально дѣятельную и изначально пассивную силы. Пассивная сила монады должна быть разсматриваема какъ принципъ матеріи или энергіи противодѣйствія; всѣ монады суть

Итакъ, міросозерцаніе Лейбница, по крайней мѣрѣ до 1670 г., отнюдь ни въ какой тѣсной связи съ Аристотелемъ и схоластикой не стоитъ, напротивъ, для рубежа XVII—XVIII ст. это, какъ мы сейчасъ увидимъ, самая новая философія (novissima, какъ иногда выражается Лейбницъ). Не въ томъ значеніе ея, что она вызвала тѣнь Аристотеля и имъ заплатала прорѣхи новаго европейскаго міросозерцанія, но въ томъ, что она является результатомъ органическаго развитія новой философіи и выросла на почвѣ новой науки, новой религіи и новыхъ общественныхъ ученій.

II.

Семнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ великихъ открытій въ математикѣ, физикѣ и біологіи, настолько великихъ, что самыя науки эти совершенно преобразились.

Все, что было сдѣлано греками въ области механики, относится къ статикѣ, въ динамикѣ же познанія ихъ были весьма незначительны. Основы динамики какъ науки были заложены лишь Галилеемъ. Еще въ его время аристотелики учили, что движенія бываютъ естественныя и насильственныя, что каждая вещь ищетъ своего мѣста и т. п. Галилей создаетъ динамику одного тѣла, а за нимъ Гюйгенсъ рѣшитъ первыя задачи динамики многихъ массъ.

движущіяся по механическимъ законамъ тѣла; активная сила монады есть принципъ законченной индивидуальности, форма, энтелехія, душа, жизнь, самодѣятельность. Итакъ, монада вмѣстѣ и пассивная и активная сила, и матерія и форма, и тѣло и душа. Но механическая дѣятельность тѣла объясняется лишь при посредствѣ понятія дѣйствующихъ причинъ, дѣятельность же души—при посредствѣ цѣлевыхъ причинъ. Такъ Лейбницъ соединяетъ въ понятіи монады оба принципа—причинность и телеологию, другими словами, Аристотеля и новую философію. Какъ цѣль относится къ вызванному движенію, такъ душа относится къ тѣлу. Душа есть цѣль тѣла или то, для чего движется тѣло. Но изъ того, что міръ тѣлъ есть средство для раскрытія духовнаго міра, слѣдуетъ, что въ мірообъясненіи понятіе цѣли является изначальнымъ признакомъ.

Такая интерпретація крайне произвольна. Не говоря уже о томъ, что у Лейбница нигдѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ аргументировалъ хотя бы сходнымъ образомъ, я утверждаю, что у него нѣтъ нигдѣ ни одной фразы, гдѣ бы онъ говорилъ, что монады, въ какой бы то ни было роли, дѣйствуютъ по механическимъ законамъ, что душа есть цѣль тѣла, что изъ того, что монады дѣйствуютъ по цѣлямъ, слѣдуетъ телеологическое объясненіе всего міра. Въ подтвержденіе своей аргументаціи Куно Фишеръ приводитъ слѣдующія

Динамика наука о движеніи, статика наука о равновѣсіи, и все міровоззрѣніе античнаго мыслителя вплоть до нравственнаго было статическимъ. Познаніе вселенной было для него эстетическимъ созерцаніемъ отношеній между формами расположенныхъ въ пространствѣ тѣлъ и фигуръ. Математикой древнихъ грековъ была геометрія, тогда какъ математика индусовъ—алгебра. Теперь въ рукахъ Декарта въ его Аналитической геометріи оба направленія объединяются черезъ соединеніе понятія пространственной величины съ понятіемъ раздѣльнаго числа.

Но введя понятіе геометрической величины въ болѣе общее понятіе непрерывной и перемѣнной числовой величины, Декартъ подчинилъ старое геометрическое направленіе алгебраическому, и геометрія отнынѣ переведена на языкъ науки о числахъ.

Почти въ это же время открытіе микроскопа совершаетъ переворотъ въ биологии. Левенгукъ находитъ инфузоріи, открываетъ коловратокъ, первымъ видитъ кровяныя тѣльца; Мальпиги въ 1671 г. пишетъ «Anatomia plantarum», въ которой кладетъ основаніе ученію о микроскопическомъ строеніи растений.

Вернемся къ Лейбницу. Черезъ годъ послѣ приведеннаго письма къ Томазіусу онъ издаетъ «Новую физическую гипотезу». Лейбницъ и въ этомъ сочиненіи подчеркиваетъ свою близость къ Аристотелю, и когда одинъ изъ его корреспондентовъ (Гон.

выдержки: „In hac ipsa vi passiva resistendi ipsam materiae primae notionem colloco“ (IV, 510 въ изд. Gerhardt'a), но эта цитата искаженная, ибо въ текстѣ: „in hac ipsa vi passiva resistendi (et impenetrabilitatem et aliquid amplius involvente) ipsae materiae primae sive molis, quae in corpore ubique eadem magnitudinique ejus proportionalis est, notionem colloco“, и думается, искаженная не безъ причины, такъ какъ иначе пришлось бы различать moles (понятіе, которое въ послѣдствіи подъ вліяніемъ Ньютона преобразуется въ понятіе массы) и corpus, что для дѣлей Куно Фишера врядъ ли удобно; „Quaeris deinde definitionem animae. Respondeo, posse animam sumi late et strictè. Late anima idem est quod vita seu principium vitale, nempe principium actionis internae in re simplici seu monade existens, cui actio externa respondet“ (VII 529). „Et tale principium appellamus substantiale, item vim primitivam, ἐντελέχεια τῆς πρώτης, uno nomine animam, quod activum cum passivo conjunctum substantiam completam constituit (VII, 329). Но въ первой выдержкѣ говорится лишь о томъ, что душа есть принципъ внутренней дѣятельности монады, а во второй при этомъ говорится о „substantia completa“, каковое понятіе противорѣчитъ толкованію, что тѣло не часть, а моментъ монады. Итого три цитаты, изъ коихъ одна искаженная и одна противорѣчащая Куно Фишеру!

Фабръ) выразилъ сомнѣніе въ этомъ, Лейбницъ спѣшитъ оправдаться (*non contemnam Aristotelem; non sum ab Aristotele alienus*) и нападаетъ на новыхъ философовъ. Но Лейбницъ не указалъ, что изложенное въ этой работѣ ученіе объ усилии не только по мысли заимствовано у Гоббса, но даже является мѣстами буквальными выдержками изъ «*de corpore*»¹⁾. Основнымъ понятіемъ натурфилософіи Гоббса является понятіе усилія (*conatus*), выработанное подъ вліяніемъ Галилея въ полемикѣ съ Декартомъ. Декартъ опредѣляетъ движеніе какъ перемѣщеніе, а не какъ силу или дѣятельность, чтобы этимъ указать на то, что движеніе имѣетъ мѣсто не въ движущихъ, но въ движущихся тѣлахъ, являясь не сущностью или субстанціей, но свойствомъ движущейся вещи²⁾. Но наряду съ понятіемъ движеній Декартъ для объясненія нѣкоторыхъ явленій вводитъ еще и другое понятіе—склонность къ движенію. Гоббсъ находитъ это неправильнымъ: понятіе склонности къ движенію можетъ обозначать либо простую возможность движенія, но тогда оно не объясняетъ возникновенія дѣйствительнаго движенія, либо тенденцію къ движенію въ опредѣленномъ направленіи, но тогда эта тенденція уже есть самое движеніе, хотя бы начало его. Движеніе—это происходящая во времени перемѣна мѣста. Если данныя пространственныя и временныя величины суть конечныя величины, то мы имѣемъ нами воспринимаемое движеніе. Но если эти величины меньше всякой данной величины, тогда происходящее движеніе не можетъ быть воспринято: Такое весьма малое движеніе мы и называемъ тенденціей, стремленіемъ, усиліемъ. Отсюда слѣдуетъ, что тѣло всегда движется, и Декартъ неправъ, противопоставляя движенію покой³⁾. Вотъ это то ученіе Гоббса, раздѣляемое и Вейгелемъ, мы находимъ въ «*Новой физической гипотезѣ*» (ср. также *Specimen Dynamicum* или *Phoronomus*). А что это ученіе объ усилии имѣетъ значеніе не только для физики, но можетъ пролить свѣтъ и на метафизическіе предметы, на это уже тогда же указывали Лейбницу его корреспонденты; напр. Lantin.

¹⁾ См. *Wernick*, *Der. Begriff der Materie der Leibniz*, Iena, 1823 s. 15-16.

²⁾ *Princ.* II, § 30.

³⁾ *De corpore*, I, p. 178 (ed. Molesw.). Опредѣленіе усилія: «*Definimus conatum esse motum per spatium et tempus minus quam quod datur, id est determinatur, sive expositione vel numero assignatur, id est, per punctum*», *ibid*, p. 177.

Черезъ годъ послѣ изданія Новой Физической Гипотезы Лейбницъ уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ занимается математикой и механикой подъ руководствомъ Гюйгенса. Это имя уже упоминалось. Галилей, изслѣдуя динамику одного тѣла, нашелъ, что, благодаря достигнутой скорости паденія, тѣло настолько высоко поднимается, насколько низко оно упало. Гюйгенсъ обобщилъ эту мысль: центръ тяжести системы тѣла (предполагая, что тяжелыя тѣла не могутъ сами двигаться вверхъ) поднимается настолько высоко, насколько низко онъ упалъ. Это обобщеніе вводило въ механику вмѣсто понятій силы и количества движенія понятія работы и живой силы. Эти понятія стануть основными въ философіи Лейбница.

Но Лейбницъ принялъ участіе не только въ реформѣ механики, онъ участвовалъ и въ томъ великомъ преобразованіи, которому подверглась тогда математика. Была одна проблема въ математикѣ, неразрѣшимая для греческихъ математиковъ, именно проблема построенія касательной. Декартъ, пользуясь понятіями аналитической геометріи, уже сумѣлъ дать опредѣленіе касательной, какъ предѣльнаго положенія сѣкущей. Далѣе динамическія изслѣдованія показали, что опредѣленія скорости по величинѣ и направленію вполнѣ совпадаютъ съ проблемой касательной. Къ этому пришелъ между прочимъ учитель Ньютона Барроу. И вотъ почти одновременно Ньютонъ въ Англии открываетъ исчисленіе флюкцій, а Лейбницъ въ Парижѣ дифференціальное исчисленіе. Основная идея этого исчисленія—принципъ непрерывнаго измѣненія (*lex continui*), основное понятіе его—безконечно малое.

Въ 1676 г. Лейбницъ переѣзжаетъ въ Ганноверъ. Ему 36 лѣтъ, и взгляды его уже установились. Однако, въ его философскомъ образованіи есть важный пробѣлъ: онъ прочелъ почти всѣхъ новыхъ философовъ, но съ философіей Декарта знакомъ, преимущественно, по популярнымъ изложеніямъ. ¹⁾ Теперь онъ заполняетъ пробѣлъ: почти всѣ его письма за 1676—80 г. г. полны разсужденіями о Декартѣ. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого Лейбницъ пишетъ первое систематическое изложеніе собственнаго міросозерцанія. Такимъ образомъ оно вырабатывалось въ полемикѣ съ Декартомъ. И Лейбницъ самъ понималъ свою филосо-

¹⁾ III, 205; I, 369.

фію какъ противоположность картезіанской, видя одинъ изъ главныхъ пунктовъ расхожденія въ вопросѣ о законахъ движенія. Такъ неоднократно не устаеъ онъ самъ заявлять, и характерно, что во время знаменитаго свиданія со Спинозой рѣчь зашла именно о законахъ движенія (Spinoza ne voyait bien les défauts de règles du mouvement de Descarts, il fut surpris quand je commençai de lui montrer qu'elles violaient l'égalité de la cause et de l'effet).

По Декарту, только силѣ сопротивленія можетъ быть удѣлено мѣсто въ тѣлесномъ мірѣ. Сами по себѣ тѣла лишены силы, движеніе надо понимать какъ перемѣщеніе, а не какъ дѣйствіе движущей силы, и физика Декарта—чистая геометрія движеній. Изъ того, что единственная сила—сила инерціи, присущая каждой матеріальной частицѣ, слѣдовало, что чѣмъ больше матеріи, тѣмъ больше силы, и общее количество движенія, которымъ обладаетъ данное тѣло, равно суммѣ движеній всѣхъ его частицъ, т.-е. произведенію массы на скорость. А изъ того, что тѣла лишены активной силы, слѣдовало, что единственная причина движенія—Богъ, и количество движенія въ мірѣ всегда одно и то же. По мнѣнію Лейбница, тѣла не могутъ обладать исключительно геометрическими свойствами, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, одинаково легко было бы сдвинуть какъ малое такъ и большое тѣло, что противорѣчитъ опыту; кромѣ того, такъ какъ противоположныя движенія взаимно уравниваются, то общее количество движенія въ мірѣ уменьшалось бы, а ускореніе было бы необъяснимо. Правда, въ машинахъ, находящихся въ статическомъ состояніи, грузы обратно пропорціональны скоростямъ перемѣщенія, что и дало Декарту поводъ измѣрять силу какъ произведеніе массы на скорость. Но если мы станемъ разсматривать случай паденія тѣлъ, то окажется, что если для того, чтобы поднять тѣло А въ одинъ фунтъ на высоту 4 туазовъ или поднять тѣло В въ 4 фунта на высоту одного туаза, нужна одна и та же сила, и если тѣло поднимается настолько высоко, насколько низко оно упало (по принципу Гюйгенса), то, какъ доказалъ Галилей, скорость паденія тѣла А вдвое больше, чѣмъ тѣла В, хотя высота въ первомъ случаѣ болѣе четверо. Итакъ, количество движенія тѣла $A=1.2$, а тѣла $B=4.1$, силы же ихъ равны. Слѣдовательно, есть разница между количествомъ движенія и силой. Сила есть нѣчто реальное, отличное отъ величины, фигуры и движенія,

она измѣряется количествомъ производимаго дѣйствія; слѣдовательно то, что можетъ быть достигнуто въ тѣлахъ, состоитъ не только въ протяженіи и его модификаціяхъ. Декартъ училъ о мертвой силѣ, онъ не знаетъ живой силы, силы движущаго тѣла. ¹⁾

Исторія философіи показываетъ, что подъ вліяніемъ Декарта создалась *l'ethica more geometrico demonstrata*. Божество Спинозы по отношенію къ отдѣльнымъ вещамъ то же самое, что пространство по отношенію къ отдѣльнымъ фигурамъ и формамъ; отдѣльныя вещи только формы единой и единственной субстанціи, изъ которой какъ геометрическое слѣдствіе вытекаетъ вся совокупность явленій. Но вотъ Лейбницъ снова поставитъ на разсмотрѣніе жгучую для той эпохи, эпохи Мальбранша, Локка и Беркли, проблему реальности внѣшняго міра, снова спроситъ: что такое матеріальный міръ? Въ самомъ ли дѣлѣ воспринимаемый нами пространственный міръ есть истинный міръ? Каковы законы этого міра? И на эти вопросы Лейбницъ отвѣтитъ, что матерія не субстанція, но то, что составлено изъ субстанцій (*non substantia, sed substantiatum*), что «*la substance est un être capable d'action*», что законы міра—законы не геометрическіе, но динамическіе. Отсюда послѣдуетъ одинъ крайне важный выводъ. Механика только въ геометрической своей части (кинематика) обладаетъ необходимой достовѣрностью, но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ динамикой, ея положенія въ сущности недоказуемы и потому являются какъ бы случайными. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Лейбницъ въ «Теодицеѣ»: «я открылъ, что законы движенія, дѣйствительно существующіе въ природѣ и оправдываемые опытами, на самомъ дѣлѣ не абсолютно доказуемы, какъ геометрическая теорема, но и не надо, чтобы они были таковыми. Они не рождаются всецѣло изъ принципа необходимости... Я могу доказать эти законы многими способами, но надо всегда предполагать нѣчто, что не отъ абсолютной геометрической необходимости. Такъ эти прекрасные законы являются великолѣпнымъ доказательствомъ разумнаго и свободнаго существа противъ системы абсолютной и слѣпой необходимости Стратона или Спинозы. Я нашелъ, что можно обосновать эти законы, предполагая, что дѣйствіе по силѣ всегда равно своей причинѣ, или, что то же, что одна и

¹⁾ Specimen dynamicum, Cassirer, 256—272; IV, 442—444.

та же сила всегда сохраняется, но эта аксіома высшей философіи не можетъ быть доказана геометрически. Можно еще пользоваться другими принципами подобнаго рода, напр., что дѣйствіе всегда равно противодѣйствію, каковой принципъ всегда предполагаетъ въ вещахъ сопротивленіе внѣшнему измѣненію и не можетъ быть извлеченъ ни изъ протяженія, ни изъ непроницаемости, или другой принципъ, что простое движеніе обладаетъ тѣми же свойствами, какія можетъ имѣть сложное движеніе, производящее тѣ же явленія перемѣщенія. Эти предположенія весьма хороши и, къ счастью, имѣютъ успѣхъ при объясненіи законовъ движенія. Но въ нихъ не находится никакой абсолютной необходимости, принуждающей насъ допустить ихъ, подобно тому, какъ мы принуждены допустить правила логики, ариометики и геометріи. Эти соображенія хорошо показываютъ, что управляющіе движеніями законы міра ни не совершенно необходимы, ни не совершенно произвольны. Средина, которую надо принять, та, что они—выборъ самой совершенной мудрости. ¹⁾ Такъ, динамическія открытія Лейбница привели его къ отрицанію геометрической концепціи міра какъ ряда необходимыхъ основаній и слѣдствій ²⁾.

¹⁾ Théodicée II 345, 346, 349.

²⁾ Правда, еще въ письмѣ къ Томасіусу Лейбницъ говоритъ о необъяснимости геометрическимъ путемъ индивидуальныхъ свойствъ тѣла, въ чемъ можно видѣть, пожалуй, отзвукъ скотизма. Но не трудно замѣтить, что между этимъ утвержденіемъ и ученіемъ о случайности всего эмпирическаго міра со всѣми его основными законами и явленіями лежитъ тѣлая пропасть. Мнѣ кажется, тѣ, кто, подобно Виндельбанду, сводятъ ученіе о vérités de fait къ проблемѣ индивидуальности, крайне суживаютъ смыслъ этого ученія: ихъ Лейбницъ—Лейбницъ 1669 г., а не 1710 г. Мысль о случайности индивидуальнаго, внушенная Лейбницу въ этой ея формѣ, вѣроятно, Томасіусомъ, безусловно отлична отъ мысли, что законы динамики, которыми объясняются физическія явленія, не обладаютъ математической необходимостью, хотя нельзя не сознаться, что обѣ эти мысли у Лейбница часто переплетаются. Въ концѣ концовъ, мнѣ кажется, можно установить слѣдующіе выводы: 1) каждый частный эмпирическій фактъ безъ предположенія существованія Бога не можетъ быть объясненъ какъ по отношенію къ своимъ индивидуальнымъ свойствамъ (проблема индивидуальности) такъ и по отношенію къ самому возникновенію его (проблема первопричины); 2) управляющіе міромъ законы динамики не могутъ быть мыслимы какъ нѣчто логически необходимое (проблема обоснованія динамики).

III.

Въ письмѣ къ Томазіусу Лейбницъ пишетъ: «всѣ тѣ, кто говоритъ о невещественныхъ субстанціяхъ тѣлѣ, могутъ пояснить свою мысль только путемъ сравненія ихъ съ человѣческой душой» ¹⁾. Въ Новой Физической Гипотезѣ, при изложеніи ученія объ усилии, мы читаемъ: «Усиліе безъ движенія длится долѣе момента только въ духахъ. Ибо чѣмъ въ моментѣ является усиліе, тѣмъ во времени является движеніе тѣла: здѣсь будущему изслѣдователю открывается дверь къ истинному разграниченію тѣла и духа, доселѣ никѣмъ необъясненному. Въдъ всякое тѣло есть духъ моментальный или лишенный воспоминанія (*omnis corpus est mens momentanea seu carens recordatione*), такъ какъ оно не удерживаетъ долѣе момента какъ своего, такъ и противоположнаго ему чужого усилія. Итакъ, оно лишено памяти, лишено ощущенія дѣйствій и страданій своихъ, лишено мышленія». ²⁾ И почти въ то же время Лейбницъ пишетъ герцогу Іоганну-Фридриху: «я докажу, что, съ точки зрѣнія исправленной философіи, необходимо признать въ каждомъ тѣлѣ внутренней нетѣлесный субстанціальныи принципъ отличный отъ массы» ³⁾. Итакъ, уже въ раннемъ періодѣ своей дѣятельности Лейбницъ былъ убѣжденъ въ томъ, что нематеріальное можетъ быть понято лишь по аналогіи съ душой, и что введеніе понятія усилія позволяетъ разсматривать тѣло какъ лишенный памяти и ощущенія духъ.

И вотъ въ послѣдствіи, послѣ того какъ динамическія изслѣдованія окончательно убѣдили Лейбница въ томъ, что активная или живая сила является основнымъ понятіемъ философіи, онъ заявляетъ въ «Метафизическомъ трактатѣ», первомъ систематическомъ изложеніи своего міросозерцанія: «природа тѣла состоитъ не только въ протяженіи, т. е. въ величинѣ, фигурѣ и движеніи, но необходимо надо признать нѣчто такое, что сходно съ душами и что называется обыкновенно субстанціальной формой». ⁴⁾ А

¹⁾ I, 26.

²⁾ IV, 230. Ср. I, 73: «какъ тѣло состоитъ въ порядкѣ движеній, такъ душа—въ гармоніи усилій: настоящее движеніе тѣла возникаетъ изъ сочетанія предшествовавшихъ усилій, настоящее усиліе души, т. е. воля, возникаетъ изъ сочетанія предшествовавшихъ гармоній въ новую».

³⁾ I, 62.

⁴⁾ IV, 436.

черезъ десять лѣтъ въ «Новой системѣ природы» Лейбницъ рассказываетъ: «я нашелъ, что природа формъ состоитъ въ силѣ, и что отсюда слѣдуетъ нѣчто аналогичное ощущенію и стремленію; также я нашелъ, что ихъ надо понимать на подобіе того понятія, какое мы имѣемъ о душахъ»¹⁾.

Если мы будемъ сравнивать сочиненія Лейбница, относящіеся къ данному періоду, съ его ранними произведеніями, наше вниманіе остановитъ перемѣна, происшедшая въ его отношеніи къ схоластикѣ. Въ пресловутомъ письмѣ къ Томазіусу Лейбницъ порицаетъ схоластикова за субстанціальныя формы, и если превозноситъ Аристотеля, то это Аристотель новой философіи. Но вотъ въ «Новой системѣ природы» Лейбницъ уже будетъ хвалить и Тому Аквината и Альберта Великаго, будетъ реабилитировать субстанціальныя формы и говорить о первыхъ энтелехіяхъ. Чѣмъ объяснить эту перемѣну? Чѣмъ объяснить также и то, что динамическое міропониманіе противопоставляется Лейбницемъ геометрическому какъ метафизическое механическое? Я предложилъ бы такую гипотезу: родина динамики—Италія, а мать динамики—итальянская натурфилософія. Итальянская натурфилософія эпохи Возрожденія находилась подъ вліяніемъ трехъ античныхъ философовъ—Демокрита, Платона и Аристотеля. Изъ нихъ искать философское обоснованіе у Демокрита могла только атомистика, Платонъ былъ въ то время или внѣ физики, или совпадалъ съ Аристотелемъ; становящаяся на ноги динамика могла искать обоснованія лишь у Аристотеля. Получалась въ высшей степени запутанная исторія: динамика, получивъ начало въ стоящей подъ знаменемъ Аристотеля метафизикѣ, въ области чисто физическихъ изслѣдованій вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ аристотеликами для того, чтобы впослѣдствіи, когда она уже дозрѣетъ до философскихъ обобщеній, снова стать подъ знамя Аристотеля и примыкавшей къ нему схоластики. Повторяю, это только гипотеза, но если она правильна, то только лишь въ такомъ смыслѣ можно говорить о родствѣ Лейбница съ Аристотелемъ. Но какъ запутанно тогда это родство; оно приблизительно такое же, какъ родство между современнымъ понятіемъ энергіи и таковымъ же понятіемъ у Аристотеля. И Лейбницъ это сознавалъ. Въ той же «Новой системѣ

¹⁾ IV, 479.

природы» онъ пишетъ: «Аристотель ихъ (т.-е. формы) называетъ первыми энтелехіями, я же ихъ называю, быть можетъ болѣе разумно, первичными силами». ¹⁾ И для отвѣта на вопросъ «что такое сила», Лейбницъ предпочитаетъ выработать новыя понятія.

Отвѣчая на вопросъ, «что такое сила» опредѣленіемъ: «сила есть нѣчто аналогичное душѣ», Лейбницъ долженъ былъ отъ динамики обратиться къ психологіи и заняться обобщеніемъ понятія души. И дѣйствительно, «Новая система природы» написана въ 1695 г., а въ слѣдующемъ году Лейбницъ пишетъ «Размышленія надъ Опытномъ Человѣческаго Разумѣнія Локка». Результатомъ изученія Локка являются «Новые опыты» (1704). Въ предисловіи къ нимъ мы читаемъ: «одно изъ великихъ и наиболѣе провѣренныхъ правилъ то, что природа никогда не дѣлаетъ скачковъ. Я назвалъ это закономъ непрерывности. Пользованіе этимъ закономъ въ физикѣ весьма значительно: изъ него слѣдуетъ, что переходъ къ большому отъ малаго и наоборотъ совершается черезъ промежуточную величину. Все это заставляетъ думать, что замѣтныя воспріятія возникаютъ постепенно изъ такихъ, которыя слишкомъ малы для того, чтобы быть замѣченными» ²⁾.

По мнѣнію Лейбница, если не признавать существованія безсознательныхъ воспріятій, то много фактовъ душевной жизни останутся безъ объясненія. Какъ объяснить тогда сознаніе тождества личности? Какъ объяснить сохраненіе впечатлѣній въ памяти и явленія инстинктивной жизни? Какъ объяснить явленія сна и сновидѣнія и переходъ въ бодрствующее состояніе? Какъ возможно будетъ тогда провести параллелизмъ между душой и тѣломъ, по которому все происходящее въ тѣлѣ должно отражаться въ душѣ? Наконецъ, какъ понять и объяснить тогда нахожденіе впечатлѣній ниже порога сознанія, нахожденіе ихъ въ полѣ сознанія, но не въ полѣ вниманія, сліяніе слабыхъ впечатлѣній въ одно сильное (не слышимъ шума волны, но слышимъ шумъ волнъ), несходство ощущеній съ вызывающими ихъ движенія частицъ тѣла ³⁾? Вотъ важнѣйшіе изъ тѣхъ фактовъ,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ V, 49.

³⁾ V, 48, 73, 47, 106, 121—122 и passim. Несходство ощущеній съ внѣшними движеніями Лейбницъ объясняетъ сліяніемъ въ цѣлое безчисленнаго

которые приводит Лейбницъ въ доказательство существованія безсознательной душевной жизни.

Итакъ, на основаніи психологическихъ данныхъ Лейбницъ расширилъ понятіе души. Теперь, руководясь самонаблюденіемъ и аналогіей, намъ легко будетъ понять природу тѣлъ. «Я сравниваю другія созданія прежде всего съ нами самими. Мы находимъ, напр., человѣческія тѣла, обладающія воспріятіями. Надо думать, что и всюду жизнь и воспріятіе. Наши собственныя воспріятія то сопровождаются рефлексіей, то нѣтъ, и бываютъ то болѣе, то менѣе ясными и раздѣльными; соотвѣтственно этому естественно думать, что существуютъ живыя существа, воспріятіе которыхъ темно и спутанно и даже безъ рефлексіи». «Такъ какъ я всецѣло стою за принципъ единообразія, согласно которому природа въ основахъ вещей однообразна, а въ способахъ, степеняхъ и совершенствахъ различна, то вся моя гипотеза сводится къ признанію, что въ отдаленныхъ отъ нашего взора и наблюденія субстанціяхъ находится нѣчто, соотвѣтствующее тому, что замѣчается въ субстанціяхъ намъ близкихъ» ¹⁾.

Проведеніе такой точки зрѣнія облегчили открытія, сдѣланныя въ біологіи при помощи микроскопа. Они показали присутствіе безчисленныхъ живыхъ существъ въ мельчайшей каплѣ воды. II Лейбницъ еще въ «Новой физической гипотезѣ» увлекался этими открытіями; онъ говоритъ тамъ, что любой атомъ — міръ безчисленныхъ міровъ. Незадолго до смерти въ «Монадологіи» онъ будетъ писать, что въ малѣйшей части матеріи есть цѣлый міръ живыхъ созданій, душъ, энтелехій. Итакъ, всюду жизнь, всюду духовность. Разница лишь въ степени ея: въ неорганической природѣ это безсознательная духовная жизнь, въ животныхъ—это ощущение и память, въ людяхъ—это разумъ.

По какимъ же законамъ происходитъ жизнь души и всего того, что аналогично ей? Уже картезіанцы, Спиноза, Мальбраншъ сущность воли видѣли въ стремленіи къ благу; для Лейбница это представляется безспорнымъ фактомъ. Воля стремится къ тому, что она находитъ хорошимъ, и избѣгаетъ того, что она считаетъ плохимъ ²⁾. «Души слѣдуютъ законамъ, со-

множества мелкихъ движеній. Ср. *Серебрянниковъ*, Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка, Спб. 1908, стр. 239—248.

¹⁾ III, 343, 339.

²⁾ V, 158.

стоящимъ въ извѣстномъ развитіи воспріятій сообразно съ ихъ благомъ или зломъ» ¹⁾. А это значитъ, что «души дѣйствуютъ по законамъ цѣлевыхъ причинъ посредствомъ стремленій, цѣлей и средствъ» ²⁾; «представленія въ монадахъ возникаютъ другъ изъ друга по законамъ стремленія или цѣлевымъ причинамъ» ³⁾.

Съ утвержденіемъ, что монады—дѣйствующія по цѣлямъ силы, тѣсно связано другое утвержденіе Лейбница, именно, что монады самобытны. Лейбницъ одной изъ несомнѣнныхъ истинъ считалъ положеніе, что единство есть существенный признакъ истиннаго бытія (*Ens et unum convertuntur*). Однако, въ мірѣ пространственномъ мы не можемъ найти единство, ибо пространство дѣлимо до безконечности. Матеріальныя тѣла—нѣчто сложное, составленное изъ частей, на которыя оно можетъ быть разложено; они—не единое цѣлое, но агрегаты, единство которыхъ только кажущееся. Другое дѣло—психическая дѣйствительность: жизнь души является единымъ непрерывнымъ процессомъ, что принуждаетъ насъ признать единство субъекта душевной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, уже самонаблюденіе убѣждаетъ меня въ тождествѣ моего «я»; отсюда слѣдуетъ, что душа остается при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ всегда одной и той же: субстанціи, жизни, души суть единицы, монады, единства. Но разъ монада—абсолютно простая единица и не имѣетъ частей, которыя можно было бы двигать, тогда, слѣдовательно, въ ней невозможны никакія движенія, и она не подвергается внѣшнимъ измѣненіямъ, ибо всякое такое измѣненіе является движеніемъ частей: монада не имѣетъ оконъ, черезъ которыя что-либо могло бы войти въ нее или выйти изъ нея. Говоря въ строго метафизическомъ смыслѣ, реального воздѣйствія одной монады на другую не существуетъ. Монада—это вполнѣ самобытное твореніе Божіе, отображеніе Божественной силы, какъ бы единственный въ своемъ родѣ самодовлѣющій и независимый отъ другого творенія мірѣ. Она въ себѣ самой заключаетъ всю полноту своего бытія, и развитіе ея происходитъ изъ нея самой, самопроизвольно. «Природа индивидуальной субстанціи или полнаго существа состоитъ въ томъ, чтобы имѣть настолько законченное понятіе, чтобы оно позволило понять и

1) VI, 541.

2) VI, 620.

3) VI, 599. Ср. VII, 501.

вывести всѣ предикаты того субъекта, которому оно приписывается»; «настоящее полно прошедшимъ и чревато будущимъ»; «Богъ создалъ душу или всякое другое реальное единство подобнаго рода такъ, что все въ ней рождается изъ ея собственныхъ источниковъ путемъ совершенной самопроизвольности въ отношеніи къ ней самой»¹⁾. Это единство требуетъ объединенія отдѣльныхъ цѣлей монады въ ея послѣдней цѣли: «нематеріальныя субстанціи не только всегда сохраняютъ свое существованіе, но и жизнь ихъ, развитіе и измѣненія закономерно направлены къ тому, чтобы достигъ извѣстной цѣли, или, скорѣе, приближаться къ ней все болѣе и болѣе, на подобіе ассимптотъ. И хотя иногда и встрѣчается попятное движеніе, наподобіе линій съ заворотами, въ концѣ концовъ прогрессъ возобладаетъ и восторжествуетъ»²⁾.

IV.

Лейбницъ родился въ крайне религіозной семьѣ профессора нравственной философіи. Учителя его были также религіозные люди. Первые самостоятельные очерки міросозерцанія Лейбница родились въ домѣ Бойнебурга. Бойнебургъ, человѣкъ съ блестящей политической карьерой въ прошломъ, не у дѣлъ въ настоящемъ, лютеранинъ по рожденію, католикъ впослѣдствіи, все время мечтавшій о соединеніи церквей, какъ разъ въ это время былъ занятъ религіозными вопросами. И именно въ его домѣ Лейбницъ пишетъ: «Исповѣданіе природы противъ атеистовъ», «Защита Троицы» и упомянутое письмо къ Томазіусу.

Понятно, что религіозный интересъ былъ однимъ изъ главныхъ у Лейбница. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ цѣлый годъ изучаетъ споръ между реформатами и лютеранами; для самыхъ раннихъ его произведеній постоянный характерный признакъ—борьба съ атеизмомъ и ведущими къ атеизму сектами. Философія Лейбница—христіанская философія. Но какимъ было его христіанство?—Смыслъ великаго религіознаго переворота, произведеннаго Лютеромъ, заключается въ томъ, что онъ противопоставилъ религін церкви религію личности. Отнынѣ мысли-

¹⁾ IV, 433, VI, 610, 484.

²⁾ VI, 507—508.

тели будутъ мало заботиться о церковной формѣ христіанства, вмѣсто этого каждый изъ нихъ будетъ вырабатывать себѣ собственное религіозное міровоззрѣніе ¹⁾). Таковъ и Лейбницъ. Горячій поборникъ соединенія церквей, онъ находитъ возможнымъ образованіе всеобщей церкви при сохраненіи разногласій въ догматахъ. Его христіанство ни католичество, ни протестантство, хотя болѣе второе, ни лютеранство, ни реформатство, хотя скорѣе первое. Это, вѣрнѣй всего, общее, естественное христіанство, которое впоследствии стануть исповѣдовать дѣятели нѣмецкаго просвѣщенія—Реймарусъ и Лессингъ, кстати сказать, издатель «Защиты Троицы». Его религіозныя сочиненія—не богословскіе трактаты, тѣмъ менѣе мистическіе, это логическіе анализы и политическіе проекты.

Уже въ сочиненіяхъ перваго періода у Лейбница ясно выступаютъ двѣ идеи: физико-телеологическое доказательство бытія Бога и идея царства Божія. Міръ представляетъ собой устроенную и приведенную въ движеніе Богомъ машину, въ которой все необходимо направляется къ величайшей гармоніи цѣлаго; въ виду всеобщей гармоніи и красоты вещей надо допустить единого и премудраго Творца ихъ. Поэтому нужны философы-натуралисты, которые не только примѣняли бы геометрію къ физикѣ (ибо геометрія не разсматриваетъ конечной причины), но и объясняли бы естественныя явленія при помощи нѣкоторой науки о государствѣ ²⁾). Вотъ такое-то объясненіе при помощи нѣкоторой науки о государствѣ и пытается дать самъ Лейбницъ: «Міръ есть какъ бы какое-то великое государство, въ которомъ души какъ бы дѣти или гости, а остальные созданія—слуги», «Богъ есть общій монархъ всѣхъ» ³⁾). Послѣдняя цитата взята мной изъ письма Лейбница къ Гоббсу, и хотя Лейбницъ

¹⁾ «Das Neue und Grosse der Reformation lag also weder in der Einführung eines völlig Neuen, noch in der Wiederbefebung eines gänzlich vergrabenen und verschütteten Alten, sondern darin, dass zwischen dem, was bis dahin freilich zusammenging, dass zwischen einer Religion der reinen Innerlichkeit und der Religion der kirchlichen Ordnung ein unversöhnlicher Widerspruch zum Ausbruch kam, und dieses wieder kam daher, dass jene Innerlichkeit weit mehr zu einer Sache des ganzen Menschen und zur allesbeherrschender Kraft geworden war», Eucken, Die Lebensanschauungen der grossen Denker, 1909, S. 269—270, ср. S. 285—286.

²⁾ I, 33.

³⁾ I, 33; I, 83.

здѣсь становится въ оппозицію къ «безбожнику» Гоббсу, но надо сознаться, что въ этомъ ученіи о царствѣ Божіемъ слишкомъ сказываются идеи естественнаго права ¹⁾).

Съ ученіемъ о царствѣ Божіемъ у Лейбница тѣсно связана мысль о мировой гармоніи. Въ 1672 г. Лейбницъ пишетъ герцогу Іоганну-Фридриху о томъ, что должно быть «послѣднее основаніе вещей или мировая гармонія, т.-е. Богъ» (*ratio ultima rerumsenarmonia Universalis id est Deus*), и что грѣхи и зло по отношенію къ мировой гармоніи можно сравнить съ тѣнями на картинѣ, отъ которыхъ эта картина только выигрываетъ. А въ прелыдушемъ году Лейбницъ пишетъ Арно: «*Apparet iustum, amantem omnem, tam necessario conari iuvare omnes, etiam cum non potest, quam lapis descendere, etiam cum pendet. Ostendo omnem obligationem summo conatu absolvi; idem esse amare omnes et amare Deum, sedem harmoniae universsalis: imo idem esse vere amare seu sapientem esse et Deum super omnia amare, id est omnes amare, id est iustum esse*» ²⁾). Въ томъ же году у Лейбница возникаетъ планъ «Теодицеи» ³⁾).

Какъ извѣстно, слѣдующіе годы прошли у Лейбница въ математическихъ и физическихъ занятіяхъ и въ изученіи Декарта. Въ результатѣ Лейбницъ противопоставилъ геометрическому міропониманію динамическое, философіи необходимости—ученіе о случайности реального міра, а это привело къ одному весьма важному слѣдствію, именно, къ различенію между вѣчными истинами и истинами фактическими и къ ученію о независимости вѣчныхъ истинъ отъ воли Божіей. Полемизируя съ Декартомъ, Лейбницъ доказываетъ, что, если истина зависитъ отъ воли Божіей, между тѣмъ какъ разумъ необходимо предшествуетъ волѣ (это коренное убѣжденіе Лейбница), то тогда Божественный разумъ будетъ предшествовать истинѣ, и, слѣдовательно, истина не будетъ его объектомъ, что нелѣпо. Разумъ предшествуетъ волѣ, а истина предшествуетъ разуму. Логическія и математическія истины

¹⁾ Ср.: „Доказательства Гоббса приложимы лишь къ тому государству, правителемъ котораго является Богъ“ (*Tractatus de jure Suprematus* въ изд. Dutens, IV, III, 361); ср. еще I, 7; I, 34; *Methodus nova discendae docendaeque jurisprudentiae*, P. II, § 76.

²⁾ I, 57.

³⁾ I, 557.

имѣютъ общеобязательное значеніе какъ для Бога, такъ и для человѣка.

Съ этимъ связывается идущее еще изъ схоластики различеніе сущности и существованія (*essentia* и *existentia*). Логическія и математическія истины относятся къ сущностямъ и образуютъ міръ возможностей, физическія же истины относятся къ существованію и образуютъ міръ реальностей. Изъ того факта, что существуетъ міръ реальностей, слѣдуетъ, что въ самой возможности или сущности есть извѣстное притязаніе на существованіе, однимъ словомъ, что сущность сама по себѣ стремится къ существованію (*omne possibile exigit existere*). Понятно, что чѣмъ большее количество реальной сущности имѣетъ возможная вещь, тѣмъ больше шансовъ имѣетъ она на существованіе, а такъ какъ количество реальной сущности есть не что иное какъ метафизическое совершенство, то изъ всѣхъ возможныхъ вещей только наиболѣе совершенныя достигаютъ существованія. Отсюда слѣдуетъ, что принципъ совершенства является основнымъ метафизическимъ принципомъ ¹⁾.

Итакъ, анализъ научнаго познанія привелъ Лейбница къ различенію логико-математическихъ и физическихъ истинъ. За міромъ математическихъ и логическихъ истинъ Лейбницъ оставилъ огромное значеніе, этотъ міръ независимъ даже отъ Бога, онъ является такимъ образомъ какъ бы первичнымъ. Но это огромное значеніе его обезцѣнивается тѣмъ, что это міръ не реальный, но возможный. Истины этого міра обладаютъ необходимостью, но эта необходимость есть лишь необходимость возможности существовать. Иными словами, всякая мысль, которая не содержитъ въ себѣ противорѣчія, необходимо должна быть признана, но только какъ мысль, а не какъ реальность. Однако, этому возможному міру присуще стремленіе къ реальности, къ существованію; міръ возможный стремится стать міромъ дѣйствительнымъ. И чѣмъ большимъ количествомъ реальной сущности обладаютъ предметы возможнаго міра, чѣмъ, если можно такъ выразиться, большей мощью обладаетъ ихъ стремленіе къ существованію, чѣмъ совершеннѣй они въ метафизическомъ отношеніи, тѣмъ легче совершается переходъ ихъ отъ возможнаго бытія къ дѣйствительному. Однако, на ряду съ

¹⁾ См. „De rerum originatione radicali“, VII, 302—308.

этимъ міромъ есть другой міръ—міръ реальный, міръ фактовъ. Истины этого міра—истины психологіи и динамики, и характеризуются онѣ не какъ необходимыя, но какъ случайныя. Въ самомъ дѣлѣ, «когда говорятъ, что вещь существуетъ или имѣетъ реальное бытіе, это самое бытіе служитъ предикатомъ, т.-е. понятіе его соединяется съ понятіемъ вещи, о которой идетъ рѣчь, и между этими двумя понятіями существуетъ связь» ¹⁾. Однако, нашъ разумъ рѣшительно не можетъ усмотрѣть въ этой связи никакой необходимости. Возьмемъ, напримѣръ, непосредственно сознаваемое нами существованіе нашего я и нашихъ душевныхъ явленій. «Непосредственное сознаніе нашего существованія и существованія нашихъ мыслей даетъ намъ первыя апостеріорныя или фактическія истины» ²⁾, «внутренніе опыты являются основой всѣхъ фактическихъ истинъ» ³⁾, а между тѣмъ, «какъ соединены термины—я и существованіе, т.-е. почему я существую, это извѣстно одному Богу» ⁴⁾. Обратимся отъ психическаго міра къ физическому. Мы уже видѣли, что по мнѣнію Лейбница, законы динамики служатъ великолѣпнымъ аргументомъ противъ системы геометрической необходимости Спинозы. И Лейбницъ находитъ, что слишкомъ сложны и многочисленны связи между фактами для того, чтобы установить причину даннаго факта. На вопросы: «почему существуетъ данная вещь? почему случилось данное событіе?» мы не можемъ дать исчерпывающій отвѣтъ; данный фактъ всегда будетъ намъ казаться недостаточно обоснованнымъ, другими словами, случайнымъ ⁵⁾. Но признаніе случайности фактовъ реального міра сталкивается съ закономъ достаточнаго основанія. Этотъ законъ, столь характерный для новаго европейскаго міросозерцанія, всегда признавался Лейбницемъ несомнѣннымъ. Уже въ «исповѣданіи вѣры противъ атеистовъ» мы встрѣчаемся съ формулировкой его, но особенно сильное вниманіе на него Лейбницъ обращаетъ въ періодъ созданія «Новой физической гипотезы». Въ «Исповѣди философа», относящейся къ этому времени, мы читаемъ: «никогда ничего не существуетъ безъ того, чтобы было невозможно (по

¹⁾ V, 339—340.

²⁾ V, 415.

³⁾ IV, 327.

⁴⁾ V, 392.

⁵⁾ VI, 612—613.

крайней мѣрѣ Всевѣдущему) указать достаточное основаніе, почему вещь существуетъ, а не наоборотъ, и существуетъ такъ, а не иначе. Кто это отрицаетъ, тотъ уничтожаетъ различіе между бытіемъ и небытіемъ». Но какъ примирить этотъ законъ съ принципомъ случайности? Выходъ одинъ: если для даннаго факта нельзя найти достаточное основаніе въ ряду другихъ фактовъ, то это основаніе надо искать виѣ ряда случайныхъ вещей, другими словами, достаточное основаніе для сложнаго пестраго міра фактовъ мы находимъ только въ Богѣ. Такъ законы динамики съ вытекающими изъ нихъ слѣдствіями служатъ доказательствомъ бытія Божія. Новая наука служитъ теизму.

Теизмъ и телеологія тѣсно связаны. Если есть Богъ, то такъ какъ онъ безусловно совершененъ, значить, совершенны и творенія Его, поскольку они опредѣлены Божественной природой. Мы уже выше столкнулись съ понятіемъ совершенства у Лейбница: тамъ въ неуклюжей схоластической формѣ онъ предвосхищалъ любимую мысль современной волюнтаристической метафизики о стремленіи къ существованію и училъ о побѣдѣ наиболѣе полного, наиболѣе совершеннаго стремленія. Но эта мысль у Лейбница не получила развитія, ибо этому развитію препятствовала примѣшивающаяся сюда мысль о Богѣ какъ о наиболѣе совершенной монадѣ, верховной силѣ, Творцѣ и Монархѣ вселенной. Въ ученіи же Лейбница о Богѣ переплетались мотивы троякаго рода—динамическіе, этические и юридическіе, соотвѣтственно этому переплетались и понятія метафизическаго, нравственнаго и юридическаго совершенства. И тѣмъ легче было имъ переплестись другъ съ другомъ, что всѣ они вели къ признанію одного и того же принципа—принципа цѣлесообразности. И какъ высшая монада, т. е. существо, которое можетъ быть понято только какъ высшій разумъ и высшая воля, и какъ верховное добро, и какъ монархъ вселенной, Богъ дѣйствуетъ цѣлесообразно. «Богъ какъ зодчій во всемъ удовлетворяетъ Бога какъ законодателя» ¹⁾. Метафизическое совершенство совпадаетъ съ нравственнымъ, и если мы отвергли въ реальномъ мірѣ геометрическую необходимость, вмѣсто нея мы должны признать нравственную необходимость. Міръ реальный зависитъ отъ воли Бога, а воля Бога опредѣ-

¹⁾ VI, 622.

ляется вѣчными нормами добра, отсюда слѣдуетъ, что принципъ міра фактовъ состоитъ въ цѣлесообразности или въ выборѣ наилучшаго.

И Лейбницъ въ «Теодицеѣ» пытается доказать намъ, что существующій міръ совершеннѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Зло отнюдь не является положительной силой во вселенной, зло—это только несовершенство конечной монады, неполнота ея бытія, безъ чего она ничѣмъ не отличалась бы отъ Божества; страданіе—это или наказаніе, или одно изъ средствъ воспитанія разумныхъ существъ для божественныхъ цѣлей, имѣющихъ въ виду благо вселенной; возможность грѣха объясняется свободой воли, а безъ свободы воли нѣтъ нравственной дѣятельности, нѣтъ и заслуги. И зло, и грѣхъ и страданіе необходимы для общей гармоніи мірозданія.

Здѣсь мы подошли къ основному убѣжденію Лейбница—убѣжденію въ гармоніи всего существующаго. Это убѣжденіе создавалось у Лейбница подъ вліяніемъ мотивовъ какъ субъективно-эстетическаго такъ и объективно-логическаго характера. Съ одной стороны, въ этой гармоніи убѣждали наблюденія надъ связью и взаимодействіемъ всего существующаго, въ особенности, наблюденія надъ связью между духомъ и тѣломъ; съ другой стороны, въ ней убѣждало и эстетическое созерцаніе стройнаго и прекраснаго космоса. Въ концѣ концовъ, Лейбницъ видитъ гармонію всюду—и между міромъ нравственнымъ и міромъ физическимъ, и между міромъ психическимъ и міромъ тѣлеснымъ, и между міромъ метафизическимъ и міромъ феноменальнымъ и внутри міра метафизическаго—между монадами. Это признаніе гармоніи повсюду можно объяснить и чисто психологически—особенностями характера Лейбница, который всюду и въ философіи, и въ религіи и въ политикѣ искалъ примиренія и гармоніи; можно объяснить его и изъ общихъ социальныхъ тенденцій: вѣдь это была эпоха, когда Шефтсбери на понятіи гармоніи строилъ свою этику, а въ политической экономіи зарождалась мысль о гармоніи интересовъ¹⁾. Но для насъ важнѣе вскрыть логическія предпосылки этого ученія.

¹⁾ Напомнимъ, что мысль о красотѣ и гармоніи вселенной была любимой мыслью итальянской натурфилософіи, откуда она перешла и въ общеевропейскую философію съ все болѣе и болѣе расширяющимся содержаніемъ.

Мнѣ кажется, основной предпосылкой ученія о гармоніи являются психофизическія изслѣдованія Лейбница. Эти изслѣдованія привели Лейбница къ двумъ крайне важнымъ выводамъ: 1) такъ какъ нѣтъ ни одной мысли, которая не была бы связана съ чувственнымъ знакомъ и соотвѣтствующимъ движеніемъ внутри тѣла, то отсюда слѣдуетъ, что душа не можетъ существовать безъ тѣла; 2) открытіе безсознательной душевной жизни ведетъ къ утвержденію, что душа мыслить всегда, и что наималѣйшее движеніе тѣла отражается въ душѣ, хотя и не апперцепируется ею. Отсюда слѣдуетъ связь между душой и тѣломъ. Однако, эта связь непонятна: такъ какъ въ мірѣ физическомъ сохраняется какъ количество силъ такъ и количество направленій силъ, то, слѣдовательно, ни душа на тѣло ни тѣло на душу вліять не могутъ. Объяснять это взаимодействіе постояннымъ вмѣшательствомъ Бога, прибѣгая какъ бы къ *Deus ex machina*, разумѣется, нелѣпо. Остается допустить разъ навсегда установленную гармонію двухъ совершенно самостоятельныхъ областей. Далѣе же, по мѣрѣ того какъ по образцу міра психическаго строился міръ метафизическій, и по мѣрѣ того какъ міръ метафизическій облакался въ формы міра нравственнаго, распространялась предустановленная гармонія и на эти міры. Что же касается гармоніи между самобытными жизнями монадъ, то признаніе ея прямо вытекало изъ констатированія факта связи между всѣми явленіями природы, прежде всего, между душой—высшей монадой и тѣломъ—агрегатомъ низшихъ монадъ и невозможностью объяснить эту связь взаимодействіемъ. Говоря кратко, получивъ понятіе предустановленной гармоніи изъ психофизическихъ наблюдений, Лейбницъ имѣлъ право распространить это понятіе далѣе: на основаніи того, что и всѣ другія отношенія ему представлялись на подобіе отношеній между душой и тѣломъ.

Итакъ, гармонія всего существующаго есть фактъ. Какъ же этотъ фактъ объяснить? При такой постановкѣ вопроса возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: эту гармонію могъ установить лишь Богъ, Творецъ вселенной. Если міръ есть система предустановленной гармоніи, то существуетъ Богъ, «такъ какъ совершенно ясно, что согласіе столькихъ субстанцій, изъ которыхъ ни одна не вліяетъ на другую, можетъ происходить только отъ общей причины, отъ которой онѣ всѣ зависятъ, и что она должна имѣть безконечную силу и мудрость, чтобы предустановить

всѣ эти согласія» ¹⁾. Исходя изъ этого, Лейбницъ развиваетъ свою извѣстную теорію: Богъ до созданія монады созерцалъ всѣ возможныя жизни ея и всѣ возможныя положенія ея среди другихъ монадъ. Согласно своей природѣ, изъ всѣхъ этихъ возможностей онъ выбралъ для осуществленія наиболѣе совершенную. Монада создана. Изъ нѣдръ самой себя она черпаетъ содержаніе своей жизни, которая является простымъ повтореніемъ ея идеальной жизни въ мысли Бога. Но въ то же время на основаніи установленной Богомъ «приспособленности всѣхъ сотворенныхъ вещей къ каждой изъ нихъ и каждой ко всѣмъ прочимъ, всякая простая субстанція имѣетъ отношенія, которыми выражаются всѣ прочія субстанціи, и, слѣдовательно, монада является постояннымъ живымъ зеркаломъ вселенной» ²⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что условія дѣтства и юности Лейбница содѣйствовали развитію въ немъ христіанскаго духа, но что общее направленіе рационалистическаго вѣка сказалось на Лейбницѣ въ томъ отношеніи, что изъ всей сокровищницы христіанства онъ взялъ себѣ лишь двѣ истины «естественной религіи»: бытіе Бога и безсмертіе души. Въ ученіи о Богѣ сильно отразились его юридическія и динамическія изслѣдованія. Законы динамики исключали геометрическую необходимость, и единственное достаточное основаніе для нихъ—Богъ или высшая монада. Совокупность всѣхъ духовъ должна составлять градъ Божій г.-е. «самое совершенное, какое только возможно, государство подъ властью самаго совершеннаго Монарха» ³⁾. Во всей вселенной всюду разлита предустановленная Богомъ гармонія, и жизнь какъ конечной монады такъ и абсолютной опредѣляется однимъ и тѣмъ же принципомъ—принципомъ совершенства и цѣлесообразности. Благая воля Бога создаетъ міръ реальный, но міръ вѣчныхъ истинъ отъ этой воли не зависитъ, и эта воля подчинена законамъ добра.

V.

Почти два столѣтія, прошедшія со дня смерти Лейбница, разумѣется, въ очень многомъ успѣли поколебать философію Лейбница и, въ частности, его телеологію, и было бы очень легко

¹⁾ VI, 541.

²⁾ VI, 616.

³⁾ VI, 621.

привести здѣсь списокъ возраженій противъ нея. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно сказать, что міросозерцаніе Лейбница уже пережито. Напротивъ, мнѣ кажется, что изъ всѣхъ міросозерцаній великихъ мыслителей (кромѣ Канта) оно наиболѣе современное. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что огромное большинство современныхъ мыслителей не только въ Германіи, но и у насъ въ Россіи, лишь только перешагнетъ за порогъ метафизики, какъ тотчасъ беретъ своимъ руководителемъ именно Лейбница. И объясняется это тѣмъ, что слишкомъ прочны и слишкомъ привычны для насъ тѣ основы, на которыхъ строилъ онъ свою философію. Динамика, ученіе о бессознательной душевной жизни, законъ непрерывности, рационалистическое христіанство, принципъ достаточнаго основанія, идея Царства Божія, прогресса, стремленія къ совершенству и гармоніи—все это такія идеи, которыя живутъ и понынѣ. Болѣе того, многія изъ нихъ еще не развили своихъ окончательныхъ слѣдствій, а многимъ еще приходится бороться съ долейбницевскимъ міросозерцаніемъ. Въ этомъ смыслѣ, для Лейбница еще исторія не пришла. Но, съ другой стороны, тотъ, кому, не смотря ни на что, не даетъ успокоенія современное міросозерцаніе, поскольку оно основывается на Лейбницѣ, именно на вышеперечисленныя идеи долженъ прежде всего направить свой критическій анализъ. Вполнѣ ли соотвѣтствуетъ динамика современнымъ физическимъ умозрѣніямъ? Не содержитъ ли противорѣчій ученіе о бессознательномъ? Не поколебленъ ли законъ непрерывности? Вполнѣ ли удовлетворяетъ какъ разумъ такъ и религиозное чувство христіанскій рационализмъ? Позволяетъ ли законъ достаточнаго основанія выходить за предѣлы опыта? Не строимъ ли мы Царства Божія на подобіе царства земного? Не слишкомъ ли неопредѣленно выраженіе «стремленіе къ совершенству»? Въ самомъ ли дѣлѣ мы видимъ въ мірѣ гармонію? Не является ли зло положительной силой, дѣйствіе которой мы ощущаемъ и въ себѣ? Разумѣется, не въ этой статьѣ заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ. Въмѣсто этого воспроизведемъ телеологию Лейбница въ ея цѣломъ.

Неистребимая жизнь повсюду разлита въ этомъ мірѣ гармоніи и самобытности, которымъ править по законамъ добра и справедливости совершеннѣйшій изъ Владыкъ. Каждая частица міра, каждая монада получаетъ отъ него при созданіи жизнь со всѣмъ

ея содержаніемъ и всѣми ея задачами. И жизнь каждой монады есть какъ бы развертываніе этого содержанія, какъ бы неустанное развитіе заданной Богомъ темы—совершенствованіе, при чемъ для каждой монады содержаніе и объемъ этой темы индивидуализируется. Въ этомъ отношеніи жизнь одной монады не похожа на жизнь другихъ, и жизнь каждой монады необходима для общей цѣли мірозданія. А эта общая цѣль—осуществленіе добра во всей его полнотѣ, и «вещи ведутъ къ благодати собственными путями природы». И такъ какъ каждая монада служитъ общей гармоніи, то жизнь ея есть отраженіе, болѣе или менѣе ясное, жизни всего міра. Вотъ въ этомъ мірѣ жизни, гармоніи, самобытности и совершенства живетъ и человѣкъ съ своей разумной душой, образъ и подобіе Божества, сынъ Бога и гражданинъ царства Божія. Вмѣстѣ съ тѣмъ «человѣкъ есть какъ бы малый Богъ въ своемъ собственномъ мірѣ или микрокосмѣ, которымъ онъ по-своему управляетъ; въ немъ онъ иногда дѣлаетъ чудныя вещи, и его искусство часто подражаетъ природѣ. Но онъ дѣлаетъ также большія ошибки, потому что отдается страстямъ, и Богъ предоставляетъ его собственному смыслу.. Но Богъ своимъ чуднымъ искусствомъ превращаетъ всѣ ошибки этихъ малыхъ міровъ въ величайшее украшеніе своего великаго міра» ¹⁾).

Итакъ, въ результатѣ все цѣлесообразно въ мірѣ. «Въ послѣднемъ анализѣ мы вынуждены обратиться къ чему-то такому, что зависитъ отъ цѣлевыхъ причинъ или согласія» ²⁾). Законы движенія «не обладаютъ абсолютной геометрической необходимостью, какъ, кажется, думалъ Спиноза, и не абсолютно произвольны.. они зависятъ отъ согласія или того, что я называю принципомъ наилучшаго» ³⁾). Однако, человѣкъ не можетъ знать цѣлей Божіихъ. И хотя «законы движенія зависятъ вовсе не отъ принципа необходимости, какъ истины логическія, ариметическія и геометрическія, а отъ начала цѣлесообразности, т.-е. отъ выбора, руководимаго мудростью» ⁴⁾), и хотя жизнь людей также объясняется изъ принциповъ нравственной необходимости цѣлесообразности, тѣмъ не менѣе, «основанія, почему одинъ че-

¹⁾ VI, 197.

²⁾ VI, 322.

³⁾ VI, 44.

⁴⁾ VI, 603.

ловѣкъ ставится въ болѣе благопріятныя обстоятельства, чѣмъ другой, скрыты въ глубинѣ Божественной мудрости: они зависятъ отъ всеобщей гармоніи» ¹⁾. Такимъ образомъ, человѣкъ долженъ удовлетвориться лишь общимъ знаніемъ, что все въ мірѣ цѣлесообразно и служитъ общей гармоніи, но такъ какъ проникнуть въ тайны всеобщей гармоніи онъ не можетъ, то при объясненіи отдѣльныхъ явленій онъ долженъ удовлетворяться механическимъ объясненіемъ: «все въ мірѣ происходитъ механически, и чтобы дать точное и законченное основаніе для какого-нибудь отдѣльнаго явленія достаточно пользоваться только фигурой и движеніями. Но самые принципы механики и законы движенія рождаются, на мой взглядъ, изъ чего-то высшаго, что зависитъ скорѣе отъ метафизики, чѣмъ отъ геометріи» ²⁾. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ изгнаніе цѣлевыхъ причинъ изъ физики: «я не обвиняю нашихъ новыхъ философовъ за то, что они хотятъ изгнать цѣлевые причины изъ физики, но я тѣмъ не менѣе вынужденъ заявить, что слѣдствія такого мнѣнія мнѣ кажутся опасными. Я совершенно согласенъ, что мы легко можемъ обмануться при опредѣленіи цѣлей или плановъ Бога; но это бываетъ лишь тогда, когда мы хотимъ ограничить ихъ какимъ-нибудь частнымъ намѣреніемъ, полагая, что Онъ имѣлъ въ виду только одну какую-нибудь вещь, тогда какъ онъ въ одно и то же время взираетъ на все... я даже думаю, что многія дѣйствія природы могутъ быть доказаны двоякимъ путемъ: именно, отправляясь отъ дѣйствующей причины, и затѣмъ, отправляясь отъ цѣлевой причины; наиримѣръ, исходя изъ рѣшенія Бога дѣйствовать наиболѣе простыми и наиболѣе опредѣленными способами (какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, объясняя правила катоптрики и діоптрики, и какъ покажу подробнѣе сейчасъ). Это замѣчаніе полезно сдѣлать въ видахъ

¹⁾ VI, 3v5.

²⁾ IV, 472. Интересно замѣтить, что Л. все время эволюционировалъ отъ механизма къ телеологии, сообразно тому какъ психологическіе и этические интересы брали верхъ надъ физическими. Извѣстный Дильманъ въ своей книгѣ о Лейбницѣ въ главѣ: «Die mechanische Naturerklärung als Voraussetzung des Systems» дѣлаетъ 19 ссылокъ въ пользу того, что отдѣльныя явленія природы должны быть объясняемы чисто механически, но всѣ эти ссылки взяты изъ работъ, написанныхъ задолго до 1700 г., т.-е. до „Новыхъ опытовъ“, „Геодицеи“, „Принциповъ природы и благодати“ и „Монадологіи“.

примиренія тѣхъ, кто надѣется объяснить механически образованіе первой ткани животнаго и всего механизма его частей, съ тѣми, кто объясняетъ это строеніе цѣлевыми причинами. То и другое хорошо, то и другое можетъ быть полезнымъ... Было бы лучше соединить ту и другую точку зрѣнія» ¹⁾).

Міръ, разсматриваемый какъ явленіе, міръ расположенной въ пространствѣ матеріи—гигантскій механизмъ, *horologium Dei*; міръ, разсматриваемый метафизически, духовенъ и насквозь пропитанъ цѣлесообразностью. Между тѣмъ и другимъ міромъ существуетъ такая же гармонія, какъ между душой и тѣломъ. Сообразно этому, существуетъ гармонія и между дѣйствующими и цѣлевыми причинами ²⁾). Пожалуй, поскольку мы разсматриваемъ міръ какъ тѣло, мы должны помнить, что тѣла дѣйствуютъ по законамъ причинъ дѣйствующихъ, по законамъ движенія ³⁾), и телеологическое объясненіе часто оказывается здѣсь поверхностнымъ ⁴⁾), но «если Богъ есть виновникъ вещей, если онъ обладаетъ безконечной мудростью, то нельзя съ успѣхомъ изучать строенія вселенной, если не входитъ въ разсмотрѣніе избранныхъ Его мудростью цѣлей, подобно тому, какъ нельзя понять надлежащимъ образомъ зданія, не уяснивъ себѣ цѣлей архитектора» ⁵⁾). И если мы не захотимъ остановиться на полдорогѣ, но углубимъ нашъ анализъ, мы придемъ, въ концѣ-концовъ, къ телеологіи, ибо «понятіе цѣли можетъ пригодиться не только для добродѣтели и благочестія въ ученіи о нравственности и естественной теологіи, но даже и въ физикѣ для того, чтобы найти и разоблачить ея скрытыя истины» ⁶⁾), такъ какъ «дѣйствующія причины зависятъ отъ цѣлевыхъ, и духовное по природѣ первѣе матеріальнаго». (*Ita fit, ut efficientes causae pendant a finalibus, et spiritualia sint natura priora materialibus*).

П. Влонскій.

¹⁾ IV, 441—448.

²⁾ VI, 620.

³⁾ *ibidem*.

⁴⁾ IV, 447—448.

⁵⁾ IV, 339.

⁶⁾ IV, 506.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

I. Emile Meyerson. *Identité et réalité*, Alcan. 1908. Стр. 431. Если въ Германіи позитивизмъ никогда не пользовался большимъ успѣхомъ и, въ крайнемъ случаѣ, былъ только однимъ изъ многихъ философскихъ теченій, то Франція, наоборотъ, можетъ считаться классической страной позитивизма. Господство позитивизма, сводящаго всю науку къ естествознанію и отрицающему все, что не «наука», отразилось даже на французскомъ языкѣ. Какъ извѣстно «science» уже нѣмецкой «Wissenschaft» и русской «науки», она означаетъ только *естественную* науку. Съ другой стороны «méthaphysique» шире нѣмецкой «Metaphysik», означая вообще философію, а не непременно признаніе трансцендентнаго бытія. Критицизмъ, отрицающій метафизику, какъ ученіе о трансцендентномъ бытіи и признающій чистую философію, какъ ученіе объ апіорныхъ формахъ познанія, не оказалъ на развитіе французской мысли большого вліянія. Последнее возрожденіе философіи, коснувшееся и Франціи, означало во Франціи возрожденіе *метафизики*. Предъ нами снова съ одной стороны метафизика, съ другой стороны позитивизмъ, взаимно отрицающіе и не понимающіе другъ друга.

Книга Меерсона, имѣвшая большой успѣхъ во Франціи ¹⁾, представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Она написана языкомъ позитивизма, все время имѣетъ въ виду нужды и потребности «науки», анализу которой посвящена, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ своей цѣлью реабилитацию «метафизики», т.-е. апіоризма. Авторъ ея счастливо сочетаетъ солидныя «научныя» познанія съ не ме-

¹⁾ Осенью выходитъ 2-е изданіе ея. Русскій переводъ печатается.

нѣе солидной философской подготовкой. Поэтому книга его представляет собой опроверженіе позитивизма на его же собственной почвѣ, своего рода самоопроверженіе, наиболѣе дѣйствительное изъ всѣхъ возможныхъ опроверженій. Цѣль книги— доказать наличность въ «наукѣ» «метафизики», т.-е. апіорныхъ, не выводимыхъ изъ опыта элементовъ. Сначала Меерсонъ опредѣляетъ логическій корень всѣхъ апіорныхъ элементовъ, лежащій по его мнѣнію въ чисто-логическомъ принципѣ тождества. Вся книга и представляет собою попытку прослѣдить въ наукѣ господство тождества. Свой анализъ Меерсонъ начинаетъ съ самыхъ абстрактныхъ научныхъ построеній, съ механическихъ и другихъ теорій матеріи. Отъ этой «науки гипотезъ» Меерсонъ переходитъ къ «закономѣрной наукѣ», для того, чтобы въ концѣ книги придти къ анализу самаго матеріала науки, міра здраваго смысла. И здравый смыслъ «метафизиченъ», т.-е. проникнуть апіорными элементами. Все мышленіе, наивное и научное, одинаково подчинено господству тождества.

Чтобы уже не возвращаться къ общей характеристикѣ книги, замѣтимъ еще, что анализъ научнаго мышленія основанъ у Меерсона на цѣломъ рядѣ оригинально написанныхъ экскурсовъ въ область исторіи естествознанія натурфилософіи. Книга эта одинаково интересна и доступна какъ для философа, такъ и для спеціалиста-ученаго.

II.

Меерсонъ начинаетъ съ установленія понятій, которыми пользуется въ теченіе дальнѣйшихъ разсужденій. Слѣдуетъ строго различать между закономѣрностью (*legalité*) и причинностью (*causalité*)¹⁾. Позитивизмъ ограничиваетъ науку закономѣрностью. Онъ отрицаетъ причинность; позитивистическая наука есть только описаніе фактовъ и констатированіе повторяемости явленій. Если закономѣрность утверждаетъ повторяемость явленій, ничего не говоря о сущности самихъ явленій, то причинность, утверждая равенство причины и слѣдствія, говоритъ о самой сущности ве-

¹⁾ Это въ нѣмецкой литературѣ уже проводившееся разграниченіе законѣрности и причинности (въ школѣ *Риккерта*) является совершенно-новымъ во французской философской литературѣ. При этомъ оно получаетъ у *М.* совершенно-новое и оригинальное освѣщеніе.

шей. Это принципъ достаточнаго основанія Лейбница, *causa aequat effectum* схоластиковъ. Всякій законъ есть продуктъ обобщенія, генерализаці явленій. Онъ говоритъ не о самой реальности, а объ общихъ понятіяхъ, являющихся отвлеченіемъ отъ этой реальности. Причинное объясненіе наоборотъ говоритъ не о существованіи или послѣдовательности отвлеченныхъ сторонъ явленій, а о самихъ реальностяхъ: о причинѣ и слѣдствіи, какъ таковыхъ. Рѣже всего различіе обонхъ понятій видно на примѣненіи ихъ къ понятіямъ пространства и времени. Понятіе времени тѣсно связано съ закономѣрностью. Безъ предположенія послѣдней невозможно измѣреніе времени, время, какъ равномѣрно текущая величина. Однородность времени означаетъ лишь, что законы, т.-е. *отношенія* между вещами, не зависятъ отъ времени. То же самое можно сказать и о пространствѣ. Пространство тоже однородно въ томъ смыслѣ, что *отношенія* между вещами неизмѣнны въ пространствѣ. Постольку и пространство обусловлено закономѣрностью. Но понятіе пространства предполагаетъ не одну только законѣрность. «Не только законы, т.-е. *отношенія* между вещами, но также и сами вещи не измѣняются отъ перемѣщенія ихъ въ пространствѣ» (стр. 25). Постулатъ законѣрности такимъ образомъ недостаточенъ для признанія однородности пространства. Послѣдняя предполагаетъ еще постулатъ «свободной подвижности», какъ то показываетъ Руссель. Время такимъ образомъ существенно отличается отъ пространства. Предметы не измѣняются подъ вліяніемъ пространства, тогда какъ дѣйствіе времени измѣняетъ ихъ. Отличіе причинности отъ законѣрности и состоитъ въ томъ, что если законѣрность ограничивается признаніемъ однородности пространства, то причинность хочетъ большаго: такой же абсолютной однородности для времени. Она какъ бы хочетъ превратить время въ пространство, утвердить неизмѣнность во времени не только *отношеній* между вещами, но и самихъ вещей. Она, такъ сказать, хочетъ разъяснить измѣненіе вещей, свести его на нѣтъ, установить неподвижность и неизмѣнность послѣднихъ причинъ. Такимъ образомъ, «принципъ причинности требуетъ примѣненія ко времени постулата, который при господствѣ одной только законѣрности примѣняется лишь къ пространству» (стр. 27). Резюмируя изложенное выше, можно сказать, что «законъ выражаетъ только, что съ опредѣленнымъ измѣненіемъ такихъ-то условій необходимо

должны опредѣленнымъ образомъ измѣниться такія-то дѣйствительныя свойства тѣла; тогда какъ принципъ причинности утверждаетъ равенство причинъ и слѣдствій, т.-е., что первоначальныя свойства плюсъ измѣненіе условій должны быть равны измѣненнымъ свойствамъ». Оба принципа различаются также и своимъ происхожденіемъ. Принципъ законмѣрности Меерсонъ выводитъ біологическимъ образомъ изъ инстинкта самосохраненія. Поскольку рѣчь идетъ только о законмѣрности, позитивизмъ правъ, сводя науку къ предвидѣнію, необходимому для дѣйствія: *savoir pour grevoir*. Но такое біологическое выведеніе совершенно недостаточно для объясненія происхожденія принципа причинности: послѣдній принципъ лишенъ всякой полезности, онъ явно противорѣчитъ видимости, ощущеніямъ. Его происхожденіе—безкорыстное стремленіе къ знанію. Это чисто рациональный принципъ, выражающій чисто логическое отношеніе, т.-е. принципъ тождества, который представляетъ собой «истинную сущность логики, истинную форму человѣческой мысли» (стр. 32). Если послѣдній говоритъ однако о внѣвременныхъ отношеніяхъ, то «принципъ причинности есть не что иное, какъ принципъ тождества, примѣненный ко времени».

Наука всегда стремилась къ отысканію причинъ явленій, никогда не ограничивалась простымъ констатированіемъ и описаніемъ фактовъ. Утверждая обратное, позитивизмъ просто-напросто игнорируетъ науку. Свое доказательство Меерсонъ начинаетъ съ анализа механическихъ теорій, которому посвящена 2-ая глава книги. Всѣ механическія теоріи (атомизмъ, динамизмъ, электрическая теорія) являются примѣненіемъ принципа причинности, какъ тождества во времени. Всѣ онѣ, независимо отъ различія въ частностяхъ, приходятъ къ отрицанію измѣненія, сводя измѣненіе къ минимуму, къ простому перемѣшенію частицъ. Одной изъ немаловажныхъ историческихъ заслугъ Меерсона является доказательство, что Ньютонъ, напр., тоже не ограничивался установленіемъ закона тяготѣнія. Какъ показываетъ Меерсонъ, на основаніи выдержекъ изъ трудовъ Ньютона, послѣдній интересовался и причиннымъ (механическимъ) объясненіемъ тяготѣнія, хотя въ «Принципахъ» и ограничился однимъ только законмѣрнымъ описаніемъ его.

Отъ механическихъ теорій, стоящихъ все же внѣ признаваемой позитивизмомъ «науки», Меерсонъ переходитъ уже къ самой

«наука», съ цѣлью показать присутствіе въ ней неопытныхъ элементовъ (т.-е. дѣйствіе принципа причинности) и всю фантастичность позитивистическаго ограниченія науки закономѣрностью. «Въ дѣйствительности наука, даже въ своей съ виду чисто закономѣрной части, сплошь проникнута поисками причинности (стр. 94).

Наиболѣе явно принципъ причинности обнаруживается въ такъ называемыхъ законахъ сохраненія. Въ трехъ среднихъ главахъ своей книги (III, IV, V) Меерсонъ подробно анализируетъ три извѣстныхъ принципа сохраненія: принципъ сохраненія скорости (или инерціи), сохраненія матеріи и энергіи. Относительно каждаго изъ этихъ принциповъ онъ детально доказываетъ несостоятельность попытокъ доказать эти принципы эмпирическимъ путемъ, но съ другой стороны также недостаточность ихъ апріорнаго обоснованія. Всѣ эти принципы въ общемъ не соотвѣтствуютъ чувственному опыту, даже сплошь и рядомъ противорѣчатъ ему. Съ другой стороны, однако, они не апріорны, такъ какъ не «являются инстинктивными понятіями нашего разума, которыя нужно лишь вскрыть».

Напротивъ, наука лишь въ самое послѣднее время, напр., открыла принципъ сохраненія энергіи и матеріи: эти принципы не являются естественными предпосылками нашего мышленія. Цѣлыя эпохи ихъ не знали и даже мыслили противно имъ (напр., алхимія противорѣчитъ принципу сохраненія матеріи). Они также невыводимы рационально путемъ дедукціи изъ общихъ понятій движенія, матеріи, энергіи. Такимъ образомъ ни съ точки зрѣнія психологической, ни съ точки зрѣнія рационально-дедуктивной принципы сохраненія не апріорны. Однако, они существенно отличаются по очевидности своей отъ остальныхъ научныхъ законовъ. Они являются болѣе общими эмпирическими примѣненіями принципа причинности, который имѣетъ, какъ мы видѣли, чисто апріорное значеніе. Сами они ни *arguōi*, ни *aposteriori*. Они какъ бы преодолеваютъ альтернативу эмпиризма-рационализма. Ихъ нельзя вывести логическимъ путемъ изъ апріорнаго закона причинности, но послѣдній является ихъ необходимой предпосылкой. «Только опытъ можетъ открыть намъ ихъ», но доказать или оправдать ихъ можетъ только родство съ принципомъ причинности. «Опытъ повинуется принципу причинности, который точнѣе слѣдовало бы назвать регулятивнымъ

принципомъ (*tendance causale*), ибо значеніе его состоитъ въ томъ, что онъ предписываетъ намъ искать тожество, устойчивость во множественности явленій» (стр. 134). Не будучи самъ закономъ, принципъ причинности представляетъ собою «форму законовъ» (*moule des lois*). Меерсонъ предлагаетъ назвать принципы сохраненія «вѣроятными (*plausible*), за неимѣніемъ лучшаго термина». — Не трудно видѣть однако, что «вѣроятность» Меерсона есть нечто иное, какъ апіорность Канта, очищенная отъ психологическихъ и рачіоналистическихъ моментовъ. Меерсонъ самъ признаетъ это, говоря, что путь его есть путь Канта (стр. 366). Надо только освободить аргіоні отъ рачіоналистическаго требованія выведенія изъ апіорныхъ положеній «научныхъ» законовъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Отъ апіорныхъ постулатовъ эмпирической науки къ законамъ этой самой науки нѣтъ рачіональнаго перехода. Попытка Канта найти этотъ переходъ, сдѣланная имъ въ «Метафизическихъ началахъ естествознанія» и въ «Переходѣ отъ метафизики къ физикѣ», неудовлетворительна. Критика этихъ сочиненій Канта представляетъ одно изъ наилучшихъ мѣстъ книги Меерсона, значеніе которой особенно усиливается отъ такого перевода нѣмецкаго критицизма на языкъ французскаго позитивизма. — Принципы сохраненія и выражаютъ собой эту невозможность дедуктивнаго перехода отъ апіорныхъ постулатовъ науки къ ея законамъ. Они не представляютъ собою необходимыхъ предпослѣдокъ науки, отыскать ихъ можетъ только опытъ. Они релятивны, т.-е. могутъ быть замѣнены другими принципами, въ противоположность самому закону причинности, являющемуся абсолютнымъ постулатомъ всякой науки.

Постулатъ причинности есть примѣненіе принципа тожества ко времени. На дѣлѣ онъ нигдѣ не осуществляется: въ дѣйствительности тожества нѣтъ; всѣ такъ называемыя каузальныя равенства; строго говоря, не суть равенства. Они выражаютъ измѣненіе во времени, переходъ отъ одного состоянія къ другому, — знакъ равенства слѣдовало бы въ нихъ (напр., въ химическихъ равенствахъ) замѣнить стрѣлкой \rightarrow . Время является такимъ образомъ элементомъ, мѣщающимъ достиженію полнаго тожества. Наука, руководимая принципомъ причинности, стремится все болѣе и болѣе рачіонализировать время, т.-е. исключить его, замѣнить пространствомъ. «Допустимъ, что наука достигла своей цѣли и дѣйствительно реализовала принципъ причинности: при-

чина и слѣдствіе совпали бы, стали бы неразличимыми, одновременными. Время, въ которомъ не было бы измѣненія, остановилось бы. Прошлое, настоящее и будущее слились бы въ неподвижный міръ Парменида». Отношеніе причинности къ тождеству такимъ образомъ какъ бы ассимптотическое. Совпаденіе причинности съ тождествомъ, совершенная причинность—ведетъ къ отрицанію причинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реальности.

Что совершенное рационализированіе міра, абсолютное господство тождества ведетъ къ уничтоженію реальности,—Меерсонъ доказываетъ путемъ анализа принципа единства матеріи. Всякое рациональное объясненіе, основанное на принципѣ причинности, не есть настоящее объясненіе какого-нибудь явленія, а скорѣе отрицаніе его. Такъ, объясняя качественныя измѣненія тѣлъ, физика и химія говорятъ, что ихъ нѣтъ, т.-е. отрицаютъ ихъ, утверждая, что на самомъ дѣлѣ имѣется только движеніе частицъ въ пространствѣ. Механика, желая объяснить движеніе частицъ, приходитъ къ понятію инерціи, отождествляющему движеніе съ покоемъ, т.-е. къ отрицанію самого движенія. Еще дальше идутъ теоріи единства матеріи, желающія объяснить уже не измѣненіе, а само существованіе матеріи. Всѣ онѣ сводятъ въ послѣднемъ счетѣ матерію къ эфиру, который, какъ показываетъ Меерсонъ, есть не что иное, какъ гипостазированное пространство, т.-е. онѣ уничтожаютъ матерію, приводятъ къ отрицанію бытія. Исключеніе времени приводитъ такимъ образомъ къ отрицанію самаго бытія.

Но рационализація, основанная на принципѣ тождества, не уничтожаетъ, а только отрицаетъ бытіе. Реальность даетъ о себѣ знать, она «протестуетъ», заставляетъ науку все болѣе и болѣе признавать себя. Принципамъ сохраненія въ наукѣ противостоятъ второй законъ термодинамики, открытый Карно, принципъ энтропіи. Согласно этому закону все въ мірѣ стремится къ состоянію равновѣсія, ничто не повторимо и не возвратимо. Принципъ этотъ какъ бы выражаетъ иррациональность реальности, указывая на невозможность игнорировать постепенное измѣненіе міра. Ничто не возвращается, растроченная теплота не собирается вновь, всѣ попытки «примиренія» закона энтропіи съ принципами сохраненія тщетны. Въ противоположность этимъ послѣднимъ принципъ Карно чисто опытнаго происхожденія. Онъ—

защитникъ правъ реальности, напоминающій о невозможности совершеннаго ея рационализированія. Постольку онъ—залогъ безконечности научной работы.

Меерсонъ останавливается подробно также и на другихъ видахъ ирраціональнаго въ наукѣ, въ особенности на передачѣ энергіи и на ощущеніи. Движеніе само по себѣ, какъ фактъ механики, намъ вполне понятно, рационально. Такъ же рационально ощущение, какъ фактъ психологіи. Переходъ же отъ движенія къ ощущенію ирраціоналенъ. Точно также ирраціональна передача движенія отъ одного атома къ другому. Всѣ такія понятія—последнія научныя понятія. Это—пограничныя понятія, указывающія на невозможность совершеннаго рационализированія реальности. Постольку они «ирраціональны», очерчивая замкнутую въ себѣ «раціональную» область науки.

Но не только наука указываетъ постоянно на такое сочетаніе рациональныхъ (априорныхъ) элементовъ съ ирраціональными. Отъ анализа науки Меерсонъ переходитъ въ особой главѣ (XI. *Le sens commun*) къ анализу матеріала науки, къ «здравому смыслу», на который такъ любитъ ссылаться всякій позитивизмъ. И здравый смыслъ весь проникнутъ «метафизикой», т.-е. априорными элементами, ничуть не меньше абстрактнѣйшихъ научныхъ теорій. Всякое воспріятіе, представляющее собою нѣчто большее, нежели простой нечленораздѣльный комокъ ощущений, предполагаетъ воспоминанія и знаніе объ извѣстныхъ реальностяхъ. Въстѣ съ Бергсономъ въ памяти видитъ Меерсонъ основную способность познанія, остерегаясь только метафизическихъ выводовъ Бергсона. «Память» Меерсона очень напоминаетъ кантовскую «репродукцію». Міръ наивнаго реализма, или здраваго смысла, есть гипостазированіе ощущений, утвержденіе ихъ тождества во времени. Разрушая реальность здраваго смысла, наука лишь замѣняетъ одну реальность другой, болѣе соответствующей принципу тождества, но по существу совершенно однородной съ ней. Въ этомъ смыслѣ все бытіе однородно: либо «реальны» только ощущения, абсолютно ирраціональныя непосредственныя данныя сознанія (Бергсонъ), въ такомъ случаѣ одинаково «нереальны» и механическія теоріи, и здравый смыслъ. Либо всѣ они одинаково реальны, тогда реальность ихъ одинаково подразумеваетъ тождество, причинность и другіе априорные принципы. Между

наукой и здравымъ смысломъ не пропасть, а незамѣтные переходы ¹⁾. Самое, казалось бы, первичное и ненаучное уже оформлено апіорными принципами.

Возвращаясь въ концѣ своей книги къ ея исходному пункту (къ различію между причинностью и закономѣрностью), Меерсонъ изъ факта безусловнаго господства принципа тождества и причинности приходитъ къ нѣкоторой реабилитаціи закономѣрности. Причинность—регулятивный принципъ не только науки, но и непосредственно воспринимаемой дѣйствительности здраваго смысла. Но она не можетъ быть единственнымъ принципомъ пониманія міра, ибо полное достиженіе ея ведетъ, какъ мы видѣли, къ полному уничтоженію реальности и ея самой. Отсюда необходимость закономѣрности и закономѣрной науки, въ которую постольку входитъ всегда ирраціональный моментъ. Законъ говоритъ всегда о различіи, объ измѣненіи во времени, о *двухъ* различныхъ стадіяхъ этого измѣненія.

Тождество и реальность, причинность и закономѣрность—одинаково необходимые и не сводимые другъ на друга элементы. Позитивизмъ и монизмъ, жертвующіе однимъ элементомъ въ пользу другого, одинаково ложны. Неправъ также и дуализмъ, разъ навсегда желающій установить область господства обоихъ элементовъ. Раціональный и ирраціональный моментъ взаимно проникають другъ друга, между ними нельзя провести окончательной границы.

Точно такъ же снимается въ построеніи Меерсона и другая альтернатива: релятивизма-абсолютизма ²⁾. Истина не относительна, ибо всѣ, даже въ настоящее время признанныя ложными, научныя построенія (напр., алхимія и даже астрологія) соотвѣтствуютъ принципу тождества, котораго «тенденцію» осуществляютъ. Тождество придаетъ имъ абсолютный характеръ: при всей своей относительности служатъ они абсолютному и неизмѣнному принципу. Но сами они не абсолютны: нельзя указать абсолютныхъ и неиз-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ М. приходитъ къ выводу, къ которому въ свое время пришелъ Авенаріусъ. Только для Авенаріуса однородность здраваго смысла и науки означала преодоленіе „метафизики“. Для М. она означаетъ торжество „метафизики“. Въ этомъ послѣднемъ своемъ выводѣ М. изъ апіористовъ больше всего приближается къ Риккерту.

²⁾ Самъ Меерсонъ не говоритъ явно о снятіи этой противоположности которое *implicite* однако составляетъ основной смыслъ всѣхъ его воззрѣній.

мѣнныхъ научныхъ истинъ, какъ того хочетъ рационализмъ. Всѣ истины (даже законы сохраненія) мѣняются: неизмѣнна только общая форма ихъ — «тенденція» тожества ¹⁾).

Это снятіе догматическихъ, казалось бы неразрѣшимыхъ, анти-тезъ лучше всего характеризуетъ критицизмъ книги Меерсона. Такое возвращеніе къ лучшимъ традиціямъ научной философіи является симптоматическимъ для современнаго состоянія французской философіи, еще недавно совѣмъ полоненной позитивизмомъ.

III.

Книга Меерсона представляетъ дѣйствительно *приходъ* къ апіоризму. Несмотря на стройность и изящество изложенія, чувствуется, что, приступая къ книгѣ, авторъ либо не имѣлъ въ виду всѣхъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ въ концѣ книги пришелъ, либо нарочно ихъ игнорировалъ, желая книгу свою сдѣлать для позитивистовъ болѣе убѣдительною. Вслѣдствіе этихъ педагогическихъ соображеній апіоризмъ и преподносится постепенно, начиная съ тѣхъ частей и законовъ науки, гдѣ онъ выраженъ наиболѣе ясно. По существу однако такой методъ слѣдуетъ признать философски не вполне корректнымъ. Это особенно сказывается на двухъ пунктахъ, которые мы здѣсь и подвергнемъ болѣе детальной критикѣ. Съ точки зрѣнія позитивизма, отрицающаго апіорные элементы знанія, принципы сохраненія, разъ уже доказано ихъ родство съ апіорнымъ постулатомъ причинности и невозможность ихъ эмпирическаго доказательства, дѣйствительно представляютъ собою нѣчто особое. Но съ точки зрѣнія апіоризма, какую мы находимъ въ концѣ книги, въ главѣ о здоровомъ смыслѣ, они совершенно аналогичны всѣмъ эмпирическимъ законамъ вообще и даже реальности здраваго смысла. Подобно этой послѣдней они ни а priori ни а posteriori, подобно этой послѣдней они оформлены постулатомъ причинности, но логически не выводимы изъ него. Такъ же какъ и *всѣ вообще* обобщенія опыта (какъ научнаго, такъ и наив-

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, воззрѣнія М. совпадаютъ со взглядами Наторпа. Срв. книгу послѣдняго „Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften“, 1910.

наго), принципы сохраненія относительны, т.-е. замѣняются съ развитіемъ науки другими. Поэтому выдѣленіе ихъ въ особый классъ «вѣроятныхъ принциповъ» представляется намъ съ точки зрѣнія безусловнаго апіоризма неправильнымъ.

Также не вполне правильнымъ представляется намъ проводимое Меерсономъ дѣленіе «метафизическихъ» и «опытныхъ» принциповъ. Меерсонъ правъ, утверждая невозможность «эмпирическаго» доказательства принциповъ сохраненія въ той ихъ части, которая является предпосылкой *всякаго* научнаго знанія вообще. Эта *формальная* часть принциповъ сохраненія (т.-е. сохраненіе субстанции вообще) дѣйствительно апіорна въ томъ смыслѣ, что ни одна частная наука не можетъ доказывать эти принципы своими (т.-е. «эмпирическими») способами, т. к. всѣ доступныя ей доказательства уже предполагаютъ сохраненіе субстанции вообще. Но установить, *какова* эта субстанція (скорость, масса, энергія), количество которой остается неизмѣннымъ,—дѣло частныхъ наукъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ *матеріальными* познаніями и постольку съ «эмпирическими» доказательствами. Въ этомъ смыслѣ можно говорить объ «эмпирическомъ» (точнѣе механическомъ) доказательствѣ принципа инерціи, «эмпирическомъ» (точнѣе физическомъ) доказательствѣ принципа сохраненія матеріи (т.-е. массы) и т. д. Всѣ эти матеріальныя понятія массы, энергіи и т. д. мѣняются, тогда какъ формальный принципъ сохраненія субстанции абсолютенъ. Лучшее всего недоговоренность Меерсона въ данномъ пунктѣ видна на утвержденіи его, что принципъ энтропіи *въ противоположность* принципамъ сохраненія чисто опытнаго происхожденія. И въ этомъ принципѣ слѣдуетъ различать чисто формальный законъ ирраціональности или необратимости времени (М. самъ указываетъ, что къ этому формальному положенію сводится «метафизическое» значеніе принципа Карно), который представляетъ собою необходимую предпосылку *всякой* науки, отъ матеріальныхъ формулъ, къ которымъ принадлежитъ напр. законъ Клаузіуса и которыя относятся всецѣло къ частнымъ наукамъ, т.-е. «доказываются эмпирически». Отсюда многочисленность и неустановленность формулировокъ принципа Карно, о которой говоритъ Меерсонъ и которая относится исключительно къ матеріальнымъ частнымъ примѣненіямъ закона Карно. Такимъ образомъ, принципъ Карно въ своей наиболѣе общей формѣ столь же абсолютенъ и апіоренъ, какъ и прин-

ципъ сохраненія субстанции, въ своихъ же матеріальныхъ примѣненіяхъ (напр. въ формулѣ Клаузіуса) столь же относительно и опытенъ, какъ и частные законы сохраненія ¹⁾).

. Наконецъ, столь же необоснованными представляются намъ заключительныя разсужденія книги, въ которыхъ Меерсонъ доказываетъ невозможность вывести законѣрность изъ причинности. Послѣднее правильно, если подъ выведеніемъ понимать рациональную *дедукцію*, но противорѣчитъ выводамъ самого Меерсона, если подъ выведеніемъ понимать *обоснованіе* законѣрности чрезъ причинность. Что законѣрность невозможна безъ причинности, что послѣдняя есть формальная предпосылка первой, явствуетъ изъ утвержденія Меерсона, что законѣрность говоритъ не о реальности, а объ общихъ понятіяхъ, являющихся отвлеченіемъ отъ реальности (срв. выше стр. 216). А если міръ наивнаго реализма уже обусловленъ причинностью (стр. 222), то кольми паче общія понятія законѣрной науки. Это вытекающее изъ разсужденій самого Меерсона доказательство совершенно аналогично опровергаемому имъ доказательству Лукреція (на стр. 391). Ошибка Меерсона заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, что онъ забываетъ о регулятивномъ характерѣ причинности (*tendance causale*), ссылаясь въ своихъ разсужденіяхъ на то, что законѣрность не предполагаетъ абсолютнаго тождества. Но вѣдь «совершенная причинность» ведетъ, какъ мы знаемъ, къ самоуничтоженію. Даже и для «науки гипотезъ» причинность есть только *тенденція*, недостижимая цѣль. Почему же для законѣрной науки причинность должна быть соотвѣтствующимъ реальности закономъ? Точно также забываетъ Меерсонъ, что формальная *обусловленность* не есть уже рациональная *дедукція*. Законѣрность обусловлена при-

¹⁾ Непослѣдовательность М. въ данномъ пунктѣ объясняется излишней конструктивностью его книги, сообщающей ей изящество, но вмѣстѣ и нѣкоторую произвольность. Тождеству, какъ единственному рациональному принципу, М. хочетъ противопоставить иррациональную реальность опыта. Въ сущности же М. преодоливаетъ альтернативу рациональнаго и опытнаго. Съ другой стороны тождеству отнюдь не исчерпываетъ апіорныхъ (рациональных) принциповъ. Къ нимъ по М. относится и причинность, которую нельзя всецѣло свести къ тождеству (ибо тогда она уничтожаетъ самое себя), необратимость времени, можетъ быть законѣрность. Намъ кажется, что тщательный анализъ науки можетъ вскрыть цѣлую *систему* апіорныхъ принциповъ (хотя бы и не вполне законченную, въ чемъ мы согласны съ М.).

чинностью, являющейся ея необходимой предпосылкой. Это не значитъ однако, что закономерность должна быть логически выводима изъ причинности.

Начиная съ Канта и кончая Когеномъ апіоризмъ всегда полагалъ противное: онъ смѣшивалъ формальную обусловленность съ рациональной дедукціей. Это смѣшеніе лежало въ основѣ его вѣры въ полную законченную систему апіорныхъ принциповъ, логически выводимыхъ одинъ изъ другого. Отсюда понятна осторожность Меерсона, которому сведеніе закономерности къ причинности представляется «желанной, но отдаленной гипотезой» (стр. 402).

Этой осторожностью только и слѣдуетъ объяснить то обѣднѣніе для Меерсона сферы абсолютнаго, которое мы выше (стр. 226) отмѣтили. Чисто формаленъ и абсолютно неизмѣненъ только *одинъ* принципъ тождества: всѣ остальные принципы и законы измѣнчивы, хотя и не относительны въ эмпирическомъ смыслѣ слова. Можно ли однако область чистаго апіоріи сводить къ одному единственному принципу? Не есть ли такое сведеніе вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ отъ философіи, какъ науки, изслѣдующей особую *область* апіорныхъ формъ, отличныхъ отъ измѣнчивыхъ законовъ частныхъ наукъ? Рационалистическая *дедукція* изъ принципа тождества особой области апіорныхъ формъ невозможна; Меерсонъ блестяще показываетъ это. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и самой этой области нѣтъ, и что кромѣ дедукціи нѣтъ иныхъ возможныхъ методовъ философскаго изслѣдованія? Меерсонъ боится догматической законченности рационалистическаго апіоризма, которому противопоставляетъ своего рода эмпирической апіоризмъ, только нѣсколько рѣзко сформулированный и слишкомъ уже осторожный. Тѣмъ самымъ онъ указываетъ апіоризму новыя возможности: возможность апіорнаго эмпиризма. Постольку трудъ его представляетъ не одно только возвращеніе къ лучшимъ традиціямъ научной философіи, но и плодотворное углубленіе и продолженіе этихъ традицій.

С. I. Гессенъ.

Новыя книги и брошюры, присланныя въ редакцію.

- Алавердянецъ, М. Я.** Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой. Спб. 1911. Ст. 14.
- Барановъ, В. О.** Цѣнность жизни и основныя начала міропониманія. Спб. 1911. Ст. 61. Ц. 50 к.
- Безантъ, А.** Въ преддверіи храма. Калуга. 1910. Ст. VIII+91. Ц. 80 к.
- Ея же.** Путь ученичества. Спб. 1911. Ст. VIII+82. Ц. 80 к.
- Бернштейнъ, А. Н.** Клиническіе приемы психологическаго изслѣдованія душевно-больныхъ. Москва. 1911. Ст. III. Ц. 1 р. 25 к.
- Геймансъ, Г.** Психологія женщины. Спб. 1911. Ст. XII+248.
- Глѣбовъ, Н.** Координаты. Т. I. Спб. 1911. Ст. 128. Ц. 2 р.
- Днемсъ, У.** Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія. Москва. 1911. Ст. 235. Ц. 2 р.
- Дирофъ, Адольфъ.** Психологія въ общедоступномъ изложеніи. Москва. 1911. Ст. VIII+142. Ц. 1 р. 10 к.
- Егурновъ, И.** Малоспособность учащихся дѣтей и приемы борьбы съ нею. Спб. 1911. Ст. IX. +96. Ц. 60 к.
- Корвинъ-Милевскій.** Голось польскаго дворянина о выборѣ члена Государственнаго Совѣта въ Вильнѣ. Спб. Ст. 21.
- Его-же.** Къ чему должно стремиться литовское дворянство. Спб. 1911. Ст. 47.
- Ле-Дантекъ, Феликсъ.** Познаніе и сознаніе. Философія XX вѣкѣ. Перев. В. Базаровъ. Спб. 1911. Ст. 234. Ц. 1 р. 50 к.
- Лодыженскій, М. В.** Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. Индусская Раджа-Йога и христіанское подвижничество. Опытъ изслѣдованія. Спб. 1911. Ст. VIII+399. Ц. 2 р.
- Михайловъ, П. Е.** Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи. Спб. 1910. Вып. I и II. Ст. 30+40. Ц. 20 к. и 30 к.
- Мэннель, Б.** Школы для умственно-отсталыхъ дѣтей. Спб. 1911. Ст. XIX+212. Ц. 1 р. 25 к.
- Пасналь, Т.** Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ. Спб. 1911. Ст. 89. Ц. 80 к.
- Пусторослевъ, П. П.** Телепатія. Юрьевъ. 1911. Ст. 39. Ц. 30 к.
- Розенфельдъ, И.** Трагическій реализмъ. Спб. 1910. Ст. 16.
- Русовъ, Н. Н.** Отчій домъ. Москва. 1911. Ст. 175. Ц. 75 к.

С. Г. Б. Воспитаніе какъ главный факторъ прогресса въ усовершенствованіи культурной жизни человѣка. Москва. 1910. Ст. 41. Ц. 20 к.

Его же. Область мышленія и предѣлы дѣйствительности. Москва. 1911. Ст. 50. Ц. 25 к.

Смирновъ, К. А. Религіозныя воззрѣнія кн. С. Н. Трубецкого. Харьковъ. 1911. Ст. 24. Ц. 25 к.

Его же. Н. А. Васильевъ и его законъ исключеннаго четвертаго. Спб. 1911. Ст. 13.

Спекторскій, Е. Понятіе общества въ античномъ мірѣ. Варшава. 1911. Ст. 27.

Педагогическая бібліотека.

Тома, Филиксъ. Внушеніе и его роль въ дѣлѣ воспитанія. Москва. 1911. Ст. VI + 140. Ц. 70 к.

Тургеневъ, И. С. Неизданныя произведенія. Изд. «Молодыя силы». Казань 1911. Ст. 37. Ц. 12 к.

Филиппъ, Ж. и Поль-Бонкуръ, Г. Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Москва. 1911. Ст. X + 160. Ц. 1 р. 25 к.

v. Henke, Clemens. Die Krisis der Grammatik im neusprachlichen Unterricht. Варшава. 1911. Ст. 8.

Щербина, А. М. О допущеніи женщинъ въ университетъ. Москва. 1910 Ст. 16. Ц. 5 к.

Изданія «Посредника»:

Сост. Пассевъ. Свѣтъ Азіи. Ц. 3 к.

М. Конопницкая. Мендель Гданскій. Ц. 4 к.

Лазо-Лазаревичъ. У колодца. Ц. 3 к.

О. Федьковичъ. Какъ родные братья. Ц. 3 к.

И. Горбуновъ. Порука. Ц. 2 к.

Лабуле. Паша-пастухъ. Ц. 2 к.

Э. Демольдеръ. Башмачникъ. Ц. 2 к.

******* Лихой годъ. Ц. 2 к.

А. Даровъ. Горячее сердце. Ц. 2 к.

Л. Ч—ва. Перепелочка, луч. изд. Ц. 2 к.

В. Гюго. Сказка про Льва. Ц. 1,5 к.

Д. Марковичъ. На Вовчемъ хуторѣ. Ц. 1,5 к.

Л. Авилова. Сынъ. Ц. 2,5 к.

- Ф. Коппе. Чудный даръ. Ц. 2,5 к.
И. Наживинъ. Къ счастью. Ц. 1,2 к.
О. Уайльдъ. Счастливый принцъ. Ц. 2 к.
А. Измайловъ. Какъ выбирать хорошій молочный скотъ. Ц. 8 к.
В. Чертковъ. Мудрецъ Эпиктетъ. Ц. 8 к.
Его-же. То же, луч. изд. Ц. 25 к.
И. Л. Елинъ. Огородничество и садоводство. Ц. 50 к.
Л. Толстой. Чѣмъ люди живы. Ц. 3 к.
Н. Гоголь. Коляска. Ц. 3 к.
-

Московское Психологическое Общество.

ССЛII. Протоколъ годичнаго распорядительнаго засѣданія 19 марта 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9^{1/2} часовъ вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ: П. П. Блонскаго, В. Е. Гиацинтова, Н. А. Иванцова, Н. П. Корелиной, А. В. Кубицкаго, Б. К. Млодзѣвскаго, Н. В. Самсонова, В. П. Сербскаго, П. П. Соколова, В. М. Хвостова и Г. Г. Шпетта.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Секретарь прочелъ отчетъ о состояніи Общества за истекшій годъ. Отчетъ утвержденъ.

3) Н. П. Корелина доложила отчетъ казначея за истекшій годъ. Отчетъ утвержденъ.

4) Н. П. Корелина прочла отчетъ по изданію журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Отчетъ утвержденъ.

5) Въ связи съ прочитанными отчетами Н. А. Иванцовъ выразилъ пожеланіе, чтобы на будущее время въ годичномъ засѣданіи сообщался отчетъ и о состояніи бібліотеки Общества. Пожеланіе это было принято къ свѣдѣнію Собраніемъ.

Обсуждался планъ занятій Общества въ текущемъ году. Выяснилось, что въ ближайшее время должны состояться два засѣданія Общества съ рефератами: Н. А. Бердяева «Философія А. С. Хомякова» и Н. А. Васильева «Двойственность логики».

6) Въ виду истеченія срока для представленія сочиненій на

премію имени Д. А. Столыпина и въ виду отсутствія такихъ сочиненій слѣдующимъ срокомъ для представленія сочиненій на эту премію назначено 1 января 1914 года.

Вопросъ объ организаціи осенняго засѣданія въ память Л. Н. Толстого переданъ для предварительнаго обсужденія въ бюро Общества.

7) Были оглашены письменныя предложенія относительно избранія въ почетные члены Общества предсѣдателя Общества профессора Л. М. Лопатина и С. И. Щукина (первое предложеніе, относительно Л. М. Лопатина, подписано 30-ю членами Общества, второе—относительно С. И. Щукина—8-ю членами). Въ послѣдовавшей затѣмъ баллотировкѣ (во время избранія Л. М. Лопатина предсѣдательствовалъ В. П. Сербскій), оба предложенныя лица были избраны: Л. М. Лопатинъ — единогласно, С. И. Щукинъ — 10-ю голосами противъ одного. Послѣ избранія Л. М. Лопатинъ выразилъ глубокую благодарность Обществу за оказанную ему честь.

Засѣданіе было закрыто въ 11 ч. вечера.

Предложенія объ избраніи въ почетные члены профессора Л. М. Лопатина и С. И. Щукина.

Въ настоящемъ году исполняется тридцать лѣтъ преподавательской дѣятельности предсѣдателя нашего Общества Льва Михайловича Лопатина. Этотъ моментъ является для насъ однимъ изъ поводовъ для того, чтобы напомнить о заслугахъ Льва Михайловича передъ русской философіей и психологіей и предложить въ почетные члены нашего Общества.

Основной трудъ Льва Михайловича «Положительныя задачи философіи» представляетъ оригинальную философскую систему. Въ этомъ трудѣ, который и въ западно-европейской литературѣ могъ бы занять почетное мѣсто своимъ глубокопродуманнымъ рѣшеніемъ основныхъ философскихъ проблемъ, Левъ Михайловичъ предупредилъ тѣ философскія направленія, которыя въ послѣднее время стремятся занять видное положеніе среди господствующихъ теченій западной философіи.

Въ своей философской системѣ Левъ Михайловичъ является не только продолжателемъ лучшихъ традицій философской

мысли въ Россіи, но однимъ изъ вполне оригинальныхъ творцовъ русской идеалистической философіи. Въ русской литературѣ Левъ Михайловичъ оказалъ рѣшительное вліяніе на ходъ философской мысли и работы. Уже въ настоящее время можно отмѣтить все растущее число послѣдователей Льва Михайловича; но плодотворность его идей, и въ особенности глубокой по замыслу идеи «творческой причинности», лежащей въ основѣ его умозрительныхъ построеній, будетъ оцѣнена вполнѣ въ послѣдствіи, при большемъ развитіи у насъ философіи, когда эта идея найдетъ всестороннее приложеніе въ изслѣдованіи философскихъ вопросовъ. Превосходный стиль его произведеній всегда будетъ привлекать читателей и можно быть увѣреннымъ, что кругъ его читателей еще болѣе увеличится при дальнѣйшемъ расширеніи интереса къ философіи у насъ въ Россіи. Своимъ спиритуалистическимъ ученіемъ о душѣ, критикой параллелизма и рѣшеніемъ другихъ философскихъ проблемъ, связанныхъ съ психологіей, онъ далъ прочное основаніе философской психологіи и способствовалъ упроченію философскаго духа въ психологіи.

Левъ Михайловичъ началъ свою преподавательскую дѣятельность въ тотъ моментъ, когда позитивизмъ въ крайней его формѣ проповѣдывался не только повсемѣстно въ литературѣ, но и съ кафедръ. Проводя въ своей преподавательской дѣятельности умозрительно-философскую точку зрѣнія, Левъ Михайловичъ способствовалъ тому, что права умозрительной философіи стали получать признаніе далеко за предѣлами Московскаго университета.

Очень многіе изъ слушателей Льва Михайловича испытали на себѣ силу и вліяніе его убѣжденной рѣчи не только съ университетской кафедры, но и въ Психологическомъ Обществѣ. Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ его съ момента основанія Общества, Левъ Михайловичъ уже больше четверти столѣтія является не только очень дѣятельнымъ сотрудникомъ Общества, но и руководителемъ его. Льву Михайловичу приходилось дѣйствовать въ такіе моменты, когда крайнія обостренія направленій требовали особенно энергичнаго участія, чтобы дѣятельность Общества пошла по правильному пути. Такое же руководящее значеніе Льва Михайловича для жизни Общества мы видимъ и на посту предсѣдателя вотъ уже 12 лѣтъ.

Дѣятельность его, какъ редактора журнала «Вопросы Фило-

софіи и Психологіи», отмѣчается духомъ широкой терпимости и объективности. Строгая научность, создавшая такое авторитетное положеніе этому журналу въ глазахъ русскаго общества, въ послѣдніе годы обязана Льву Михайловичу.

Многолѣтняя дѣятельность Льва Михайловича какъ ученаго, профессора, предсѣдателя Психологическаго Общества, редактора философскаго журнала оставить глубокий слѣдъ въ ходѣ развитія русской философіи.

Мы, нижеподписавшіеся члены Психологическаго Общества, выражая пожеланіе, чтобы Левъ Михайловичъ еще многіе годы руководилъ нашей работой, предлагаемъ избрать его почетнымъ членомъ нашего Общества. Думаемъ, что такимъ образомъ мы выразимъ наше уваженіе и глубокую благодарность за тѣ огромныя услуги, которыя Левъ Михайловичъ оказалъ русской философіи и психологіи.

<i>Г. Челпановъ.</i>	<i>Г. Шпеттъ.</i>	<i>М. Любавскій.</i>
<i>Ник. Бердяевъ.</i>	<i>Н. Давыдовъ.</i>	<i>Б. Млодзевскій.</i>
<i>М. М. Рубинштейнъ.</i>	<i>Вл. Карповъ.</i>	<i>Ап. Грушка.</i>
<i>П. Новгородцевъ.</i>	<i>С. Булаковъ.</i>	<i>В. Вернадскій.</i>
<i>С. Котляревскій.</i>	<i>В. Гиацинтовъ.</i>	<i>А. Алферовъ.</i>
<i>Ив. Огневъ.</i>	<i>Вс. Миллеръ.</i>	<i>А. Бернштейнъ.</i>
<i>П. Блонскій.</i>	<i>Вл. Сербскій.</i>	<i>П. Соколовъ.</i>
<i>Н. Корелина.</i>	<i>Н. Виноградовъ.</i>	<i>Н. Самсоновъ.</i>
<i>В. Хвостовъ.</i>	<i>М. Морозова.</i>	<i>А. Кубицкій.</i>
		<i>К. Андреевъ.</i>

Будучи по убѣжденіямъ натуралистомъ, я не могу причислить себя къ сторонникамъ той философіи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, но вполнѣ раздѣляю предложеніе объ избраніи Л. М. Лопатина почетнымъ членомъ Психологическаго Общества.

Д. Анучинъ.

Присоединяюсь къ Д. Анучину.

Н. Иванцовъ.

Въ настоящее время въ организаціи университетской науки и университетскаго обученія нужно отмѣтить необходимость устройства при каждой каедрѣ т. наз. институтовъ, семинарій, лабораторій, т.-е. такихъ учреждений, въ которыхъ могло бы

быть и налицо все то, что необходимо для разработки данной науки, и всё тѣ пособія, которыя необходимы для преподаванія ея. Въ такихъ учрежденіяхъ должны быть спеціальныя бібліотеки, особыя читальни, предметы для демонстрацій и т. п. Эти институты, объединяя около себя обширное число работающих въ данной научной области, часто расширяются въ огромныя учрежденія. Въ настоящее время нѣтъ такой отрасли знанія, которая не нуждалась бы въ соотвѣтствующемъ институтѣ. Потребность въ такихъ институтахъ ясно сознаана въ Германіи и въ особенности въ Америкѣ. Но эта ясно сознаанная необходимость институтовъ для успѣшной разработки наукъ встрѣчаетъ сильное препятствіе въ установившемся бюджетѣ университетовъ, и поэтому даже въ Германіи устройство такихъ институтовъ идетъ медленнѣе, чѣмъ это необходимо для научнаго развитія.

Институты въ особенности необходимы для психологіи. Въ университетахъ въ настоящее время разрабатываются такіе разнородные виды психологіи, какъ теоретическая или общая психологія, экспериментальная психологія и этнологическая психологія или т. н. «психологія народовъ». Всѣ эти виды психологіи должны разрабатываться въ спеціально для того приспособленныхъ учрежденіяхъ, которыя въ то же время должны быть объединены подъ общимъ именемъ «Психологическаго института». Въ Германіи такія учрежденія начали организовываться лѣтъ 20—25 тому назадъ и уже успѣли принять огромные размѣры. Россія въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ Европы. У насъ только очень недавно приступили къ организаціи «психологическихъ кабинетовъ» и то въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ о научной разработкѣ психологіи трудно было и думать. Принявъ во вниманіе бюджетъ нашихъ университетовъ и отношеніе къ психологіи какъ къ наукѣ, лишенной какого бы то ни было жизненнаго значенія, нельзя было надѣяться на то, что въ ближайшіе годы мы будемъ имѣть такіе институты, которые явились бы мѣстомъ для организаціи научной работы по различнымъ отраслямъ психологіи. Нужно было ожидать многіе годы, когда и у насъ въ Россіи пришли бы къ признанію, что въ виду огромной важности психологіи и для нея нужны такіе институты, которые въ настоящее время имѣются въ распоряженіи естественно-научныхъ кафедръ.

Такой критическій моментъ переживала психологія и въ Московскомъ университетѣ. То, что университетъ могъ предоставить для психологическаго кабинета, совершенно не соответствовало ни количеству студентовъ Московскаго университета, ни интересу, который студенчество обнаруживаетъ къ психологіи. Открытіе Психологическаго института, который соответствовалъ бы потребностямъ Московскаго университета, какъ центральнаго и наиболѣе многолюднаго, грозило затянуться на многіе годы.

Вотъ въ такую-то тяжелую минуту на помощь психологіи при Московскомъ университетѣ пришелъ С. И. Щукинъ. Онъ пожертвовалъ 120.000 рублей на устройство Психологическаго Института при Московскомъ университетѣ. Такимъ отношеніемъ С. И. Щукина къ психологіи сразу былъ рѣшенъ вопросъ, при томъ въ такомъ видѣ, въ какомъ мы тщетно ждали бы его еще многіе годы.

Въ настоящее время планъ Психологическаго Института не только разработанъ въ деталяхъ, но уже началась его постройка, и открытіе его ожидается весной 1912 года. Благодаря необычайно щедрому пожертвованію С. И. Щукина, Московскій университетъ будетъ имѣть Психологическій Институтъ по размѣрамъ и по богатству оборудованія не только превосходящій всѣ европейскіе институты, но равняющійся самымъ большимъ американскимъ. Это будетъ первый институтъ въ мірѣ, который строится со спеціальной цѣлью. Онъ будетъ имѣть обширную аудиторію со всѣми приспособленіями для чтенія лекцій по экспериментальной психологіи, бібліотеку, содержащую большую коллекцію книгъ и журналовъ спеціально психологическихъ. Въ институтѣ цѣлый этажъ будетъ отведенъ для практическихъ упражненій студентовъ, занимающихся экспериментальной психологіей. Одинъ этажъ будетъ отведенъ для самостоятельныхъ изслѣдованій по экспериментальной психологіи. Въ Психологическомъ Институтѣ будетъ объединено изученіе и разработка трехъ видовъ психологіи: теоретической, экспериментальной и этнологической. Вслѣдствіе обширныхъ размѣровъ института, въ него будетъ открытъ доступъ для значительнаго числа участниковъ. Кромѣ того, благодаря обширности помѣщенія, дѣятельность московскаго Психологическаго Общества будетъ приведена въ болѣе тѣсную связь съ преподаваніемъ психологіи

при Московскомъ университетѣ. Засѣданія Психологическаго Общества могутъ происходить въ зданіи Института. Библіотека Психологическаго Общества найдетъ для себя соотвѣтствующее помѣщеніе въ зданіи Института. Институтъ будетъ обслуживать не только Московскій университетъ, но можетъ сдѣлаться центромъ широкаго распространенія психологическихъ знаній по всей Россіи. И помѣщеніе, и научныя средства Института дадутъ возможность организовать въ широкихъ размѣрахъ постоянно функціонирующіе лѣтніе курсы психологіи для учителей средней школы.

Благодаря организациі специальной бібліотеки по этнологической психологіи, Психологическій Институтъ дастъ возможность возникновенію въ Россіи новой отрасли психологіи, которая будетъ имѣть особенно важное научное значеніе вслѣдствіе богатства русской этнографической литературы, совершенно недоступной для иностранныхъ ученыхъ.

Выражая пожеланіе, чтобы и другіе жертвователи возвысились до того пониманія интересовъ чистой науки, которое мы видимъ у С. И. Щукина, и принимая во вниманіе, что съ устройствомъ Психологическаго Института открываются широкія перспективы для разработки и изученія психологіи въ Россіи, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ избрать С. И. Щукина въ почетные члены нашего Общества и тѣмъ выразить нашу признательность и благодарность и отъ себя, и отъ всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, которыя будутъ пользоваться благами, созданными его щедрымъ пожертвованіемъ.

*Г. Челпановъ, Г. Шпеттъ, Н. Иванцовъ, Н. Виноградовъ,
Н. Самсоновъ, П. Блонскій, Л. Лопатинъ, П. Соколовъ.*

Отчетъ о состояніи Московскаго Психологическаго Общества за время отъ 23 января 1910 года по 18 марта 1911 года.

Составъ Общества.

Въ отчетномъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: скончались почетные члены: У. Джемсъ и Л. Н. Толстой, членъ-учредитель С. А. Муромцевъ; дѣйствительные члены: гр. И. А. Мамуна, Н. А. Елеонскій и Д. А. Дриль;

избраны въ дѣйствительные члены: И. М. Громогласовъ, И. А. Ильинъ, С. И. Щукинъ, А. Д. Алферовъ, М. М. Рубинштейнъ, С. А. Щербаковъ, Г. Ф. Шершеневичъ и въ члены-соревнователи: Е. М. Метнеръ. Къ 19 марта 1911 года Общество состояло изъ 12 почетныхъ членовъ, 4 членовъ-учредителей, 167 дѣйствительныхъ членовъ, 21 члена-соревнователя и 6 членовъ-корреспондентовъ, а всего изъ 210 лицъ.

Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества, избранный въ годичномъ засѣданіи 31 января 1909 года, въ отчетномъ году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: председателя—профессора *Л. М. Лопатина*, товарища председателя—проф. *Г. И. Челманова*, кандидата товарища председателя—проф. *В. П. Сербскаго*, секретаря—приватъ-доцента *Н. Д. Виноградова*, товарища секретаря—приватъ-доцента *А. Н. Бернштейна*, кандидата товарища секретаря—*Н. П. Корелиной*, казначея—*Н. А. Абрикосова*, товарища казначея—приватъ-доцента *Ө. Е. Рыбакова* и бібліотекаря—проф. *П. П. Соколова*.

Дѣятельность Общества.

1) *Засѣданія.* Въ отчетномъ году Общество имѣло 9 засѣданій: два распорядительныхъ (одно изъ нихъ годичное), четыре очередныхъ, одно торжественное—по поводу двадцатипятилѣтія существованія Общества и два засѣданія памяти почетныхъ членовъ Общества, *У. Джемса* и *Вл. С. Соловьева*. Въ очередныхъ засѣданіяхъ были прочитаны и подвергнуты обсужденію доклады: *М. М. Рубинштейна* «Къ вопросу о трансцендентной реальности», *Г. И. Челманова* «Мѣсто ли психологіи въ средней школѣ» и «Что нужно психологу знать изъ психологіи», *П. П. Блонскаго* «Результаты анкеты по вопросу о постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ», *В. М. Хвостова* «Психологія женщинъ». Въ торжественномъ засѣданіи по поводу двадцатипятилѣтія существованія Общества *Н. Д. Виноградовымъ* былъ прочитанъ «Краткій историческій очеркъ дѣятельности Общества» и были произнесены рѣчи: *Л. М. Лопатинымъ* «Настоящее и будущее философіи», *Г. И. Челмановымъ* «О современной индивидуальной психологіи и ея практическомъ значеніи», *П. И. Новгородцевымъ* «Общественный идеалъ въ свѣтѣ современныхъ исканій». Въ засѣданіи въ память *У. Джемса* были произнесены

рѣчи: Г. И. Челпановымъ «У. Джемсъ какъ философъ и психологъ» и С. А. Котляревскимъ «У. Джемсъ какъ религиозный мыслитель». Въ засѣданіи въ память Вл. С. Соловьева были произнесены рѣчи: Л. М. Лопатинымъ «Памяти Вл. С. Соловьева», кн. Е. Н. Трубецкимъ «Владиміръ Соловьевъ и его дѣло» и С. Н. Булаковымъ «Природа въ философіи Вл. С. Соловьева».

2) Журналъ *Вопросы Философіи и Психологіи* издавался въ отчетномъ году подъ редакціей Л. М. Лопатина, въ составъ редакціоннаго комитета входили, кромѣ того, слѣдующія лица: Ю. И. Айхенвальдъ, А. Н. Бернштейнъ, Н. Д. Виноградовъ, Б. К. Млодзѣвскій, П. И. Новгородцевъ, Г. А. Рачинскій, В. П. Сербскій и Н. А. Умовъ.

3) Премія Д. А. Столыгина. Согласно постановленію годичнаго распорядительнаго собранія отъ 26 января 1908 года срокомъ для представленія на означенную премію указано 1 января 1911 года. Къ этому сроку сочиненій на премію представлено не было.

Секретарь Н. Виноградовъ.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1910 годъ. (26-й годъ).

Постуило:

Остатокъ отъ п./г.	29 р. 61 к.	
Членскихъ взносов	190 " — "	
За продажу изданій Общества .	613 " 36 "	
Пособіе отъ Университета . . .	400 " — "	
% по вкладному билету Моск. Уч. Банка	86 " 87 "	
	<hr/>	1319 р. 84 к.

Выдано:

На засѣданія и пр.	70 р. — к.
„ устройство юбилейныхъ засѣданій	160 " 09 "
За портреты и вѣнки	76 " — "
Почтов., телегр. и разъѣздн. .	19 " 91 "
Канцеляр., типогр. и наградн.	30 " 65 "

Въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи»	540 р. — к.	
За публикаціи объявленій	61 „ 94 „	
Наслѣдникамъ В. П. Преобра- женскаго	100 „ — „	
% причисл. къ вклад. бил. М.		
Уч. Банка	86 „ 87 „	
	<hr/>	1145 р. 46 к.
Остатокъ въ приходо-расходной кассѣ на 1911 г.	<hr/>	174 р. 38 к.

*Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества къ 1 января
1911 года:*

Въ приходо-расходной кассѣ	174 р. 38 к.
Капиталь и % преміи Д. А. Сто- лыгина на вкладѣ въ Моск.	
Учет. Банкѣ (№ бил. 43039)	2019 „ 53 „
	<hr/>
	2193 р. 91 к.

Казначей **Н. Абрикосовъ.**

Условія для соисканія преміи, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпинымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Московское Психологическое Общество симъ объявляетъ, что по предложенію Д. А. Столыпина и на пожертвованныя имъ средства, оно назначаетъ вновь премію въ 1000 руб. за лучшее сочиненіе на тему:

«Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпадении (coïncidence spontannée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)».

См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стран. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Психологическое Общество понимаетъ предлагаемую задачу въ томъ смыслѣ, что нужно рѣшить: *«Существуетъ ли различіе между законами наукъ о неорганической природѣ и законами социальными, и если существуетъ, то какое».*

Психологическое Общество считаетъ, что разработка этой темы предполагаетъ строго-научную и широкую философскую ея постановку, основанную на серьезномъ знакомствѣ съ направленіями современной *гносеологии* и ученіями современной *логики*.

Срокъ подачи сочиненій 1-е января 1914 года.

Присужденіе преміи особою комиссіею при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1914 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительно-

сти представленныхъ сочиненій, присужденіе преміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Въ соисканіи преміи могутъ участвовать всѣ лица, получившія высшее образованіе. Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафій представленныхъ сочиненій.

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-ое апрѣля
1911 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Звѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Каринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Ключевскій, Василій Осиповичъ.
5. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
6. Лопатинъ, Левъ Михайловичъ.
7. Струве, Генрихъ Егоровичъ.
8. Щукинъ, Сергѣй Ивановичъ.
9. Виндельбандъ, Вильгельмъ (Германія).
10. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
11. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
12. Рибо, Томасъ (Франція).
13. Рише, Шарль (Франція).
14. Фулье, Альфредъ (Франція).

Члены-учредители:

15. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
16. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, проф. Петерб. унив.
17. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, проф. Московск. университета.
18. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳедоровичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ:

19. **Абрикосовъ**, Алексѣй Алексѣевичъ.
20. **Абрикосовъ**, Николай Алексѣевичъ.
21. **Айхенвальдъ**, Юлій Исаевичъ.
22. **Алексѣевъ**, Александръ Семеновичъ, проф. Моск. унив.
23. **Алферовъ**, Александръ Даниловичъ, препод. сред. учебн. завед.
24. **Андреевъ**, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
25. **Ари**, Викторъ.
26. **Апельротъ**, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
27. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
28. **Балталонъ**, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
29. **Басистовъ**, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
30. **Бачинскій**, Алексѣй Осиповичъ, прив.-доцентъ Москов. унив.
31. **Безобразова**, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернского университета.
32. **Безобразовъ**, Павелъ Владиміровичъ.
33. **Бердяевъ**, Николай Александровичъ.
34. **Бернштейнъ**, Александръ Николаевичъ, психіатръ, прив. доц. Москов. унив.
35. **Блонскій**, Павелъ Петровичъ.
36. **Боборынинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
37. **Бобровъ**, Евгенийъ Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета.
38. **Боткинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
39. **Брунъ**, Михаилъ Исаіевичъ, присяжн. повѣрен.
40. **Брюхатовъ**, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.
41. **Булгаковъ**, Сергѣй Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
42. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, докторъ зоологіи.
43. **Васильевъ**, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
44. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.
45. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.
46. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
47. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, докторъ всеобщей литературы, проф. Лазарев. института.

48. Вернадскій, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
49. Вешняковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ.
50. Викторовъ, Давидъ Викторовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
51. Випперъ, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
52. Викторскій, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
53. Виноградовъ, Николай Дмитріевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
54. Виноградовъ, Павелъ Гавриловичъ, проф. Оксфордск. унив.
55. Вормсъ, Альфонсъ Эрнестовичъ, прив. доц. Моск. универ.
56. Вульфертъ, Антонъ Карловичъ.
57. Вырубовъ, Григорій Николаевичъ, писатель.
58. Гамбаровъ, Юрій Степановичъ, проф. Петерб. политехникума.
59. Ганнушкинъ, Петръ Борисовичъ, психіатръ, прив. доц. Москов. университета.
60. Герасимовъ, Осипъ Петровичъ.
61. Гиацинтовъ, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
62. Гиляровъ, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
63. Голицынъ, кн., Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
64. Горбовъ, Николай Михайловичъ.
65. Гротъ, Константинъ Яковлевичъ, проф. Петерб. унив.
66. Грушка, Аполлонъ Аполлоновичъ, проф. Моск. унив.
67. Горская, Зинаида Степановна.
68. Городенскій, Николай Гавриловичъ, проф. Моск. Духов. Акад.
69. Громогласовъ, Илья Михайловичъ.
70. Гуторъ, Василій Петровичъ.
71. Давыдовъ, Николай Васильевичъ.
72. Данилевскій, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
73. Де-Роберти, Евгенийъ Валентиновичъ, писатель.
74. Дерюжинскій, Владиміръ Ѳедоровичъ, редакторъ «Журнала Министерства Юстиціи».
75. Джонстонъ, Вѣра Владиміровна.
76. Ефименко, Александра Яковлевна, писательница.
77. Жегалкинъ, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
78. Жуковскій, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
79. Занцевичъ, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
80. Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
81. Зографъ, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
82. Зыковъ, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
83. Ивановскій, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Казанск. унив.
84. Иванцовъ, Николай Александровичъ, прив. доц. Москов. унив.

85. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
86. **Ильинъ**, Иванъ Александровичъ, прив. доц. Москов. унив.
87. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
88. **Камаровскій**, гр., Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
89. **Каннабихъ**, Юрій Владиміровичъ, психіатръ.
90. **Карповъ**, Владиміръ Порфирьевичъ, прив. доц. Москов. унив.
91. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
92. **Кистяковскій**, Богданъ Александровичъ, прив. доц. Москов. университета.
93. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петербургѣ.
94. **Конисси**, Даніилъ Павловичъ.
95. **Коноваловъ**, Дмитрій Григорьевичъ, препод. Москов. Высшихъ женск. курсовъ.
96. **Корелина**, Надежда Петровна, секретарь редакціи «Вопросовъ Фил. и Псих.»
97. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
98. **Коробкинъ**, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
99. **Коршъ**, Ѳедоръ Евгеньевичъ, академикъ Имп. Академ. Наукъ.
100. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, проф. Моск. унив.
101. **Кубицкій**, Александръ Владиславовичъ, прив. доц. Моск. унив.
102. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
103. **Ланнъ**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
104. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.
105. **Лахтинъ**, Михаилъ Юрьевичъ.
106. **Лосскій**, Николай Онуфріевичъ, прив.-доц. Спб. универс.
107. **Любавскій**, Матвѣй Кузьмичъ, проф. Моск. унив.
108. **Лютославскій**, Викентій Францевичъ.
109. **Мальшинъ**, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
110. **Мануиловъ**, Александръ Аполлоновичъ.
111. **Масаринъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
112. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
113. **Милоковъ**, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
114. **Млодзѣевскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, проф. Моск. унив.
115. **Мокіевскій**, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
116. **Морозова**, Маргарита Кирилловна.

117. **Мороховецъ**, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
118. **Некрасовъ**, Павелъ Алексѣевичъ, докторъ чистой матем.
119. **Немировичъ-Данченко**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
120. **Новгородцевъ**, Павелъ Ивановичъ, директоръ Коммерческаго Института.
121. **Огневъ**, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
122. **Охоровичъ**, Юліанъ, д-ръ медицины.
123. **Первовъ**, Павелъ Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. завед.
124. **Петрушевскій**, Дмитрій Моисеевичъ, проф. Моск. унив.
125. **Поповъ**, Иванъ Васильевичъ, проф. Моск. духовн. акад.
126. **Поржезинскій**, Викторъ Карловичъ, проф. Моск. унив.
127. **Постовскій**, Николай Павловичъ, психіатръ.
128. **Преображенскій**, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
129. **Пржевальскій**, Владиміръ Владиміровичъ.
130. **Радловъ**, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
131. **Рачинскій**, Григорій Алексѣевичъ.
132. **Ржондковскій**, Николай Ивановичъ.
133. **Розановъ**, Матвѣй Никаноровичъ, проф. Моск. унив.
134. **Россолимо**, Григорій Ивановичъ.
135. **Ротъ**, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.
136. **Рубинштейнъ**, Моисей Матвѣевичъ.
137. **Рузскій**, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
138. **Рутковскій**, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
139. **Рыбановъ**, Ѳедоръ Егоровичъ, психіатръ.
140. **Савинъ**, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. унив.
141. **Саводникъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
142. **Самсоновъ**, Николай Васильевичъ, прив. доц. Москов. унив.
143. **Сербскій**, Владиміръ Петровичъ, проф. Моск. унив.
144. **Серджи**, Джованни, проф. антропологіи въ Римск. унив.
145. **Сикорскій**, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
146. **Скрябинъ**, Александръ Николаевичъ, профес. Московской консерв.
147. **Смирновъ**, Ѳедоръ Александровичъ.
148. **Соболевскій**, Василій Михайловичъ.
149. **Соколовскій**, Павелъ Эмилиевичъ, докторъ рим. права.
150. **Соколовъ**, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. духовн. акад.
151. **Софроновъ**, Ѳедоръ Васильевичъ, земскій врачъ.

152. Спасскій, Анатолій Алексѣевичъ, проф. Моск. дух. акад.
153. Сухановъ, Сергѣй Алексѣевичъ, психіатръ.
154. Танѣвъ, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.
155. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
156. Тимковскій, Николай Ивановичъ, писатель.
157. Тихомировъ, Павелъ Васильевичъ, проф. Нѣжинскаго лицея.
158. Трубецной, кн., Евгений Николаевичъ, проф. Моск. унив.
159. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, проф. Харьковскаго университета.
160. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
161. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
162. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Моск. унив.
163. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов. университета.
164. Хвостовъ, Веніаминъ Михайловичъ, проф. Моск. универс.
165. Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, проф. Москов. унив.
166. Цертелевъ, кн., Дмитрій Николаевичъ.
167. Челпановъ, Георгій Ивановичъ, проф. Московск. унив.
168. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
169. Шайкевичъ, Мартинъ Осиповичъ, психіатръ.
170. Шатерниковъ, Михаилъ Николаевичъ, прив. доц. Москов. унив.
171. Шварцъ, Александръ Николаевичъ.
172. Шервинскій, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
173. Шершеневичъ, Габріель Феликсовичъ.
174. Шпеттъ, Густавъ Густавовичъ.
175. Штейнъ, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
176. Щербановъ, Сергѣй Александровичъ, препод. средн. уч. завед.
177. Щербина, Александръ Моисеевичъ, прив. доц. Москов. унив.
178. Эверлингъ, Сергѣй Николаевичъ.
179. Эйхенвальдъ, Александръ Александровичъ, проф. Московск. университета.
180. Якоби, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
181. Яковенко, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.

Члены-соревнователи:

182. Абрикосова, Марія Филипповна.
183. Абрикосова, Глафира Алексѣевна.

184. **Абрикосовъ, Александръ Алексѣевичъ.**
185. **Андреева, Александра Алексѣевна.**
186. **Гончарова, Анна Сергѣевна.**
187. **Горскій, Константинъ Николаевичъ.**
188. **Каринская, Марія Александровна.**
189. **Любенкова, Юлія Львовна.**
190. **Львовъ, кн., Дмитрій Петровичъ.**
191. **Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.**
192. **Метнеръ, Елена Михайловна.**
193. **Мошкина, Екатерина Дмитриевна**
194. **Мальковская, Софья Александровна.**
195. **Мамонтовъ, Михаилъ Анатоліевичъ.**
196. **Павловъ, Александръ Владиміровичъ.**
197. **Петрункевичъ, Анастасія Сергѣевна.**
298. **Ремезовъ, Иванъ Дмитриевичъ.**
299. **Ферстеръ, Наталія Павловна.**
200. **Хмѣленская, Марія Николаевна.**
201. **Шахъ-Назаровъ, Семень Григорьевичъ.**

Члены-корреспонденты:

202. **Гелеръ фонъ-Равенсбургъ.**
203. **Максъ Дессуаръ.**
204. **А. Байерсдерферъ.**
205. **Шренкъ фонъ-Нотцингъ.**
206. **Левицкій, И. Н.**
207. **Демковъ, М. И.**
208. **Гартвигъ, Андрей Федоровичъ.**

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій—въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

**ССЛX. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія
26 марта 1911 года.**

Засѣданіе было открыто въ 9^{1/2} час. вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В. П. Карпова, Н. П. Корелиной, М. М. Рубинштейна, членовъ-соревнователей: Н. П. Ферстеръ, М. Н. Хмѣленской и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Д. ч. Н. А. Бердяевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ «А. С. Хомяковъ какъ философъ (гносеологія и метафизика)».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: М. М. Рубинштейнъ, О. А. Челищевъ, С. Н. Булгаковъ и Л. М. Лопатинъ.

4) Л. М. Лопатинъ сообщилъ письменное предложеніе Н. А. Иванцова объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества Е. А. Сидорова. Было постановлено подвергнуть баллотировкѣ Е. А. Сидорова въ одномъ изъ первыхъ засѣданій въ началѣ осени.

Засѣданіе было закрыто въ 1 ч. ночи.

Философскія изслѣдованія, == == обзрѣнія и проч.,

издаваемыя подъ редакціей проф. Г. Челпанова.

СОДЕРЖАНІЕ.

- Т. I. Вып. 2-й. **Щербина, А. М.** Ученіе Канта о вещи въ себѣ.
Вайнштейнъ, А. Э. Ученіе о реальности по Шубертъ-Зольдерну.
Челпановъ, Г. И. Авенариусъ и его школа.
- Т. I. Вып. 3-й. **Щербина, А. М.** Ученіе Канта о вещи въ себѣ (окончаніе).
Зѣньковскій, В. В. Современное состояніе психофизической проблемы.
Шлеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введеніе).
Челпановъ, Г. И. Априоризмъ и эмпиризмъ (отвѣтъ проф. Гилярову).
- Т. I. Вып. 4-й. **Шлеттъ, Г. Г.** Проблема причинности у Юма и Канта.
Челпановъ, Г. И. Рецензія на соч. И. С. Продана „О памяти“.
Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1902—1906 г.
- Т. II. Вып. 5-й. **Блонскій.** Ученіе Беркли о реальности.

Цѣна за каждый выпускъ 1 р.

Складъ изданія въ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Москва, Моховая, противъ Университета.

Открыта подписка на 1911 годъ на журналы:

1) „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“)

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой, за границу 7 р.

Въ 1911 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всеѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИЖЕКЪ,

въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и проч.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Жизнь и поэзія Джорджа Байрона. Литературно-біографическій очеркъ съ приложеніями избранныхъ стихотвореній. Сост. *Н. Я. Абрамовичъ*. II. Маркъ Твенъ. Юмористическіе рассказы. III. Оскаръ Уайльдъ. Духъ Кентервилья. Сказка въ пересказѣ *Е. Н. Тихомировой*. IV. Джекъ Лондонъ. Домъ Майца. Рассказъ изъ жизни полонезійскихъ островитянь. V. Чарльзъ Робертъ. Орлиный нахлѣбникъ. Разск. VI. Е. Опочининъ. Рассказы изъ русской жизни.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

1 р. 75 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкой, за границу 3 р.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на оба журнала 6 р. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки 5 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 50%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За стр. 40 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ страницы 10 р., за $\frac{1}{8}$ стр. 5 р.

Издательница *Е. Н. Тихомирова*.

Редакторъ *Д. И. Тихомировъ*.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій *Д. И. Тихомирова*: 1) Библіотека для семьи и школы. 2) Учительская бібліотека. 3) Учебники *Д. И. Тихомирова*.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

н а

„Богословскій Вѣстникъ“

1911-й годъ.

(Двадцатый годъ изданія.)

Въ 1911 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ по нижеслѣдующей программѣ:

I. Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (Св. Кирил. Александр.).

II. Оригинальныя изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ боьшей своей массѣ труды профессоровъ Академіи.

III. Изъ современной жизни: научно-богословское обозрѣніе важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ.

IV. Хроника академической жизни: отчеты о магистерскихъ диспутахъ, объ ученыхъ юбилеяхъ, о работѣ научныхъ академическихъ обществъ и кружковъ и о различныхъ перемѣнахъ во вѣшной и внутренней жизни нашей Академіи.

V. Библіографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностранной богословско-философской и церковно-исторической литературы.

VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься протоколы Совѣта Академіи за 1910 годъ и автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго, за 1895—1896 годы.

Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ подписчикамъ его въ 1911 году будутъ предложены

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ЧАСТИ

Твореній Преп. Ефрема Сирина.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ книги преп. Исаака Сирина

Восемь рублей съ пересылкой.

Прим. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ безъ приложенія разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб.

За перемѣну адреса 20 коп.

Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ орд. профъ Заозерскій.

Открыта подписка на 1911 годъ

(VII-ой ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми бесплатными приложениями, редакція „Семьи и Школы“ обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступнаго и занимательнаго для дѣтей и выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи, а также и на его изящную вѣнность. Для послѣдней дѣли текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно-исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдѣльныя картинки.

Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣловъ, Е. Волкова, Г. П. Володянь, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. Ѳ. Капелькинъ, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. Е. Кольцовъ, М. А. Круковский, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Мамия-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, И. П. Наживинъ, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулинъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличьева, В. Н. Харузина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 руб. 50 коп. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 3 руб. За границу 6 руб. Подписка на полгода 1 р. 75 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжномъ магазинѣ Н. Карбасникова. Въ редакціи имѣются комплекты журнала за прежніе годы: 1905-ый, 1906-ой, 1907-ой—по 3 руб., 1908-ой—по 5 руб. Журналъ за 1909-ый г. разошелся весь. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки.

Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

Открыта подписка на 1911 годъ

XXII г.
изданія.

на журналъ

XXII г.
изданія.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аври (Victor Henri), Ю. И. Ахенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. А. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вишперъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, прив.-доц. С. Г. Григорьевъ, прив.-доц. А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, Е. А. Звягинцевъ, акад. Н. Н. Златовратскій, А. А. Ивановскій, проф. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, д-ръ В. В. Корсаковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мирозичъ, Н. Ф. Михайловъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, проф. И. Г. Орманскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Раддигъ, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Черноускій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. Н. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ дост.—5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Коюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

(2-Й ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

на ежемѣсячный иллюстрированный церковно-общественный журналъ

„СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“.

Сотрудниками журнала состоятъ: епископъ Иннокентій, епископъ Михаилъ, Я. А. Богатенко, Л. В. Быстровъ, С. И. Быстровъ, Е. В. Воздвиженская, И. В. Галкинъ, Андрей Гордый (псевдонимъ), протоіерей о. Л. Денисовъ, И. В. Жилкинъ, Н. Д. Зенинъ, свящ. о. І. Исаичевъ, Л. Ф. Калашниковъ, профессоръ А. А. Кизеветтеръ, профессоръ С. А. Котляревскій, И. С. Логиновъ, начетчикъ И. А. Лукинъ, С. П. Мельгуновъ, И. Московскій (псевдонимъ), А. А. Пашковъ, свящ. о. В. Плотниковъ, г. Поморецъ (псевдонимъ), Е. Т. Поспѣловъ, А. С. Пругавинъ, И. Ф. Пучковъ, профессоръ М. Рейснеръ, И. Н. Сахаровъ, П. В. Цвѣтковъ, Л. Т. Шанскій (псевдонимъ), К. Н. Шведовъ, П. М. Шестаковъ, П. Н. Шмаковъ, начетчикъ И. В. Шурашовъ и другіе.

Журналъ выходитъ ежемѣсячными книжками не менѣе 6-ти печатныхъ листовъ (96 страницъ) по слѣдующей программѣ: проповѣди и статьи богословско-философскаго и церковно-общественнаго характера, бытовые рассказы, историческія изслѣдованія, очерки, документы и письма, статьи по народному образованію, обзоръ событій въ старообрядчествѣ (всѣхъ согласій) и внѣ его, обзоръ пнѣ періодической печати, отзывы о новыхъ книгахъ, отвѣты на вопросы подписчиковъ, церковное пнѣ и объявленія.

Годовые подписчики получаютъ въ видѣ бесплатнаго приложенія нигдѣ еще не печатавшійся капитальный трудъ покойнаго начетчика В. Т. Зеленкова „ВЫПИСКИ ИЗЪ СВЯТООТЕЧЕСКИХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ“ чч. II и III,—книгу въ высшей степени цѣнную, важную и крайне необходимую каждому духовному лицу, а также начетчикамъ и всѣмъ интересующимся исторіей, ученіемъ и установленіями церкви—старообрядцамъ (безъ различія согласій) и не старообрядцамъ (ч. 1-я этого труда, изданная въ 3000 экземплярахъ, разошлась безъ остатка).

Подписная цѣна на журналъ съ приложеніемъ, съ доставкой и пересылкой: на 1 г. 4 рубля, на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на 1 мѣсяць 50 к. Подписчикъ, доставившій 10 подписокъ на журналъ, 11-й экземпляръ получаетъ бесплатно. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 1 руб. и къ 1-му іюля 1 руб. Плата за объявленія: за цѣлую страницу 25 р., полстраницы 15 руб., $\frac{1}{4}$ страницы 8 руб., $\frac{1}{8}$ страницы 5 рублей. Вкладная объявленія: 1000 вкладокъ до 1 лота—15 руб., до 2 лот.—20 руб., до 3 лот.—25 руб. и т. д. За перемѣну адреса 20 коп.

Подписка на журналъ принимается: въ Москвѣ: 1) Пятницкая, д. 83, кв. 13, редакция журнала „Старообрядческая Мысль“; 2) Лубяно-Ильинскія торгов. помѣш., № 12, у Н. М. Вострякова; 3) Никольская ул., антикварн. книжный магазинъ П. Шибанова; 4) Б.-Каменцки, д. Уварова у А. В. Зайцева; 5) Мохомая, 14, кв. 1-я, у Ю. Г. Топорковой. Въ С.-Петербурѣ: Апраксинъ двор., корпусъ Ливенча у П. С. Макарова. Въ Кіевѣ: Подолъ, Волжская, 17, книгоиздательство „Знаменное пнѣ“. Въ Саратовѣ: 1) Б.-Сергіевская ул., л. Горина, у С. И. Быстрова; 2) Кузнецкая № 43 у М. И. Немурова. Въ Н.-Новгородѣ: Звѣздника, № 1, у старообрядческаго діакона о. Артемона Широкова. Въ Вольскѣ, Сар. губ.: Мохомая ул., у старообрядческаго свящ. о. Іоанна Гришенкова. Въ Хвалынскѣ, Сар. губ.: у старообрядческаго свящ. о. Іоанна Исаичева. Въ с. Балховѣ, Самар. губ., у старообрядческаго свящ. о. Михаила Зотова. Въ Одессѣ: на Преображенской ул., № 75, у учителя И. С. Логинова. Въ Запорожьѣ-Каменскомъ, Екатери н. губ., у П. Н. Пасухова. Въ Измаилѣ, Бесс. губ.: Екат. ул., бх. Никольской старообр. церкви у С. И. Петрова. Въ Кропау, Хер. губ.: у Е. А. Торлана. Въ л. Вязково, Бесс. губ.: у старообр. свящ. о. А. Г. Воробьева. Въ г. Новогеоргіевскѣ, Хер. губ.: у завѣдыв. Золотаревскихъ учн. Г. В. Галкина. Въ г. Богородскѣ, Моск. губ.: у В. Е. Макарова. Въ Екатеринбургѣ: Златоустовская, № 42, у А. Ф. Гусева. Въ Никополѣ, Екатериносл. губ.: ул. Крымской и Почтовой ул., у М. Т. Кушнерева. Въ г. Уральскѣ: у Ф. К. Рѣшетова. Въ Оренбургѣ: Дворянской пер., № 22, у Т. С. Лазарева. Въ г. Шадринскѣ: у М. Ф. Зарубина. Ялуторовскъ, Том. губ., с. Емурглинское: у Я. Ф. Ряжшева. Въ г. Армавирѣ, Куб. обл.: ст. Прочноокопская, у Е. С. Богаевского. Въ Ессентукахъ, Терской обл., у учит. Е. Н. Шмакова.

Редакторъ-издатель В. Е. Макаровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
 ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
 на 1911 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ заключаются:

- I. Отдѣлъ Наукъ.
 - II. Отдѣлъ критики и библиографіи.
 - III. Университетская лѣтопись.
 - IV. Приложения: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей, памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.
- Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.
- Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ А. Пюнтковскій.

Годъ изданія сорокъ шестой.

„Астраханскій Листокъ“

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Объявленія изъ губерній: Нижегород., Казанск., Симбирск., Самарск. и Саратов. и изъ Закаспійск. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно центральною конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки пегита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкою:

1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. — коп.,
 1 мѣс.—1 руб..

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

издаваемый М. М. Ковалевскимъ, подъ редакціей К. К. Арсеньева,
при ближайшемъ участіи

И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Мануилова, Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, А. С. Посникова, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева

Книга 4-я.—Апрѣль, 1911.

Англійская геліографюра: Н. В. Шелгуновъ.—I. Юность. Романъ. I—VI. Евгения Чирикова.—II. Пыль вѣковъ. Стихотвореніе. П. С. Соловьевой.—III. Кира Барсюкова. Повѣсть. I—IV. Ивана Странника.—IV. Порой мнѣ кажется я грежу на-яву... Стихотвореніе. Вѣры С.—V. Школьное дѣло у древнихъ грековъ. По новымъ даннымъ. В. Бузескула.—VI. Землетрясенія. В. Агафонова.—VII. Монастырь. Стихотвореніе. Александра Рославлева.—VIII. Тюремный покой. Изъ тюремныхъ воспоминаній періода ликвидаціи революціи. А. Марусина.—IX. Военный подборъ. К. Оберучева.—X. Что слышалъ учитель въ графскомъ домѣ. Очеркъ изъ жизни галицкой шляхты Каз. Тетмайера. Перев. съ польскаго. М. Славинской.—XI. Апрѣль. Изъ Сюлли Прюдона: „Les vaines tendresses“. Стихотвореніе. Ив. Тхоржевскаго.—XII. Узурпаторъ. Романъ Уильяма Дж. Лока. I—IV. Перев. съ англ. З. Журавекой.—XIII. Письма Н. В. Шелгунова къ С. Н. Кривенко.—XIV. Изъ исторіи общественнаго настроенія шестидесятыхъ годовъ. Молодое поколѣніе на рубежѣ новой эры. I—X. Нестора Котляревскаго.—XV. Хроника. Юбилей сената. К. К. Арсеньева.—XVI. Еврейскій вопросъ въ Россіи. В. Медема.—XVII. Молодая французская демократія. Письмо изъ Парижа. Бѣлорусова.—XVIII. Письмо изъ Бѣлграда. В. Богучарекаго.—XIX. Всемирная выставка въ Италіи. Письмо изъ Рима. Мих. Георгина.—XX. Последнія работы русскихъ ученыхъ о французской революціи. Н. И. Карѣва.—XXI. А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи (1911 г.). И. Ивановова.—XXII. Литературное обозрѣніе.—XXIII. Провинціальное обозрѣніе. И. В. Жилкина.—XXIV. Внутреннее обозрѣніе.—XXV. Критическіе наброски. С. А. Адрианова.—XXVI. Ложный патриотизмъ. Великая Россія. Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Кн. I. Л. З. Слонимскаго.—XXVII. Иностранное обозрѣніе.—XXVIII. Прошлое и настоящее 87-й статьи. Максима Ковалевскаго.—XXIX. Петръ Филипповичъ Якубовичъ †. К. К. Арсеньева.—XXX. Вопросы общественной жизни.—XXXI. Письмо въ редакцію.—XXXII. Извѣщеніе.—XXXIII. Объявленія.—XXXIV. Библиографическій листокъ.

Редакція журнала: Спб., Моховая, 37. Подписка принимается: въ Спб.—въ главной конторѣ журнала, Моховая, 37; въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28; въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы журнала, Большая Никитская, 5; въ Кіевѣ: книжный магазинъ Н. Оглоблина, Крещатикъ, 33; въ Одессѣ: книжный магазинъ „Образованіе“, Рипельевская, 12; въ книж. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20; въ книж. маг. „Трудъ“, Дерибасовская, 25; въ Варшавѣ: книжный магазинъ Н. Карбасникова и, кромѣ того, во всѣхъ извѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ книж. магазинахъ.

Книгопродавцы съ cadaго годового экземпляра могутъ удерживать 75 коп.

Безъ доставки: на годъ — 15 р. 50 к., $\frac{1}{2}$ года — 7 р. 75 к., $\frac{1}{4}$ года — 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. и Москвѣ—на годъ—16 р., $\frac{1}{2}$ года—8 р., $\frac{1}{4}$ года—4 р. Съ перес.: на годъ—17 р., $\frac{1}{2}$ года—8 р. 50 к., $\frac{1}{4}$ года—4 р. 25 к. За границей: на годъ—19 р., $\frac{1}{2}$ года—9 р. 50 к., $\frac{1}{4}$ года—4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою—1 р. 50 к.

Въ 1911 году будетъ продолжаться (35-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: **общій отдѣлъ**, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ **официально-справочный**. Цѣна журнала съ пересылкой во все города Россіи:

		Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ оф.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — к.	
” 6 ”	2 ” 20 ”	2 ” 20 ”	4 ” — ”	
” 3 ”	1 ” 20 ”	1 ” 20 ”	2 ” — ”	
” 1 ”	— ” 40 ”	— ” 40 ”	— ” 80 ”	

Московскимъ Городскимъ Управленіемъ издается ежемѣсячный журналъ „Бойни“, посвященный вопросамъ боевскаго дѣла.

Цѣна журнала 3 р. за годъ и 2 р. за 6 мѣсяцевъ, съ пересылкой и доставкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Городская Управа, Воскресенск. площадь, зданіе Думы.
Телеф. 262—91.

Открыта подписка на 1911 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ.

(5-й годъ изданія).

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Журналъ ставитъ своей основной задачей: 1) Содействовать обновленію нашей школы на началахъ, диктуемыхъ современной научной педагогикой и запросами русской жизни; 2) содействовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ новыхъ педагогическихъ идей какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, и даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. 50 к. въ годъ, на полгода—1 р. 50 к., на 3 мѣсяца—75 к.

Цѣна отдѣльной книжки 15 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Полянка, Успенскій переулокъ, домъ 8, кв. 2

Кромѣ того, подписка по той же цѣнѣ принимается во всехъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской имперіи.

Редакторы-издатели: Н. В. Тулузовъ и П. М. Шестаковъ.

Вѣра и Разумъ

въ 1911 году.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **два раза** въ мѣсяцъ, по де-
вяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годичное изданіе
журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго
содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р.
съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра
и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ
„Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и
въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ
Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петер-
бургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ
городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ
книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

Открыта подписка

на религиозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

1911 г. (4-й годъ изданія). 1911 г.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя, по Теософіи, по срав-
нительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ,
скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и другимъ отраслямъ
знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о дру-
гихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и
общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ те-
ософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ редакцію журнала, по вопросамъ
теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in
8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Камен-
ской, при участіи Анни Безантъ, доктора Рудольфа Штейнера, Альба, П.
Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, А. Ф. Вельцъ, В. Д. Гарднера, А. С. Гра-
левской, С. Н. Даль, Н. К. Гернетъ, М. А. Каменской, К. Кудрявцева, Е.
М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Ста-
нюковичъ, Д. Страйдена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Д. Успен-
скаго и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не
выходитъ.

Продолжается подписка на 1911 г.

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

(годъ изданія 32-й).

Издается подъ редакціей П. Б. Струве,

при постоянномъ сотрудничествѣ: К. Д. Бальмонта, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяева, В. Я. Брюсова, С. Н. Булгакова, Андрея Бѣлаго, В. И. Вернадскаго, Л. И. Гальберштадта, М. О. Гершензона, В. Ф. Гефдингга, Э. Н. Гиппиуся, В. С. Голубева, Л. Я. Гуревичъ, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, А. С. Изгоева, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, С. В. Лурье, В. А. Маклакова, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, П. И. Новгородцева, А. М. Ремизова, А. М. Рыкачева, Ө. Сологуба, кн. Е. Н. Трубецкаго, кн. Гр. Н. Трубецкаго, Д. В. Философова, С. Л. Франка, Л. Н. Яснополянскаго.

Въ литературно-критич. отдѣлѣ ближайшее участіе принимаетъ В. Я. Брюсовъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу	17 „	12 „ 75 „	8 „ 50 „	4 „ 25 „

На одинъ мѣсяць только для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Въ 1911 году по отдѣлу беллетристики въ „Русской Мысли“ между прочимъ будутъ помѣщены слѣдующія произведенія: Д. С. Мережковскій: отдѣльныя главы изъ новаго историческаго романа „Александръ I и декабристы“. Э. Н. Гиппиуся: „Чортова кукла“, романъ изъ современной жизни. А. И. Эргель: „Урожденная Тибикина“. Посмертное произведеніе. Валерій Брюсовъ: „Алтарь побѣды“, повѣсть изъ четвертаго вѣка по Р. X. Валерій Брюсовъ: „Путникъ“, психодрама въ одномъ дѣйствіи. Борисъ Садовскій: „Двухглавый орелъ“, историческая повѣсть конца XVIII в. О. Мартовъ: „Яблони цвѣтутъ“, романъ изъ современной жизни. Графъ Ал. Н. Толстой: „Родныя мѣста“, рассказъ. Ив. Странникъ: „Безъ трудовъ спасеніе“, бытовая сцена. А. М. Ремизовъ: „Гадстукъ“, рассказъ. Ипполитъ Тэнъ: „Этьенъ Меравъ“, вновь найденный романъ. Перев. съ французскаго.

Разказы С. Ауслендера, Н. Киселева, А. Кондратьева, А. М. Кузьмина, Ө. Сологуба, А. В. Тырковой и нѣсколькихъ переводн. роман. и рассказ.

Стихи К. Бальмонта, А. Блока, И. Бунина, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Э. Н. Гиппиуся, Н. Гумилева, Д. Мережковскаго, Н. Морозова, Ө. Сологуба и друг.

Въ отдѣлѣ статей будутъ между прочимъ напечатаны:

Литература и искусство:

Валерій Брюсовъ: „Великій риторъ“, жизнь и дѣятельность Авсонія, культурно-историческій очеркъ съ переводами стиховъ Авсонія. Валерій Брюсовъ: рядъ статей изъ литературной жизни Франціи. Андрей Бѣлый: „Природа у Пушкина, Баратынскаго, Тютчева“. Параллели. М. Волошинъ: „Нѣжность и жестокость въ творчествѣ Сологуба“. М. Гершензонъ — рядъ статей по характеристикѣ русскихъ писателей. Л. Я. Гуревичъ — рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Замѣтки о литературѣ“. Ө. Ф. Зелинскій: „Венеціанскій купецъ и Кольцо Нибелунга“. Д. В. Философовъ: „Борьба за стиль“. К. Чуковский: „Шевченко“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

на иллюстрированный литературный и научно-популярный
журналъ для семьи и школы

„ВСХОДЫ“.

XVI годъ изданія.

Съ 1911 года „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться Н. Н. Моревымъ и Э. С. Монвижъ-Монтвидомъ; составъ же сотрудниковъ, духъ и направленіе журнала остаются прежніе.

Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ среднія и низшія учебныя заведенія, бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній одобрены и включены въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ 1911 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальныя и переводныя, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянный отдѣлъ — критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду распространенія журнала въ учебныхъ заведеніяхъ, каждая книжка „ВСХОДОВЪ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединить въ одну книжку.

12 №№ „БИБЛИОТЕКИ ВСХОДОВЪ“ — книжка малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическ. или научно-популярн.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Въ журналъ принимаютъ участіе слѣдующія лица: И. Абрамовъ, Allegro, А. Алтаевъ, К. Баранцевичъ, В. Бруснянинъ, М. Ватсонъ, А. Вережниковъ, П. Вольногорскій, В. Вѣринъ, А. Галагай, Г. Галина, В. Гатцукъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, А. Доброхотовъ, С. Дрожжигъ, А. Заринъ, Ф. Заринъ, Е. Игнатъевъ, И. Игнатъевъ, В. Измайловъ, К. Караскевичъ, Л. Кормчій, А. Купріянова, П. Левицкій, В. Ленскій, И. Лѣсной, С. Миндловъ, А. Налимовъ, А. Нечаевъ, К. Носиловъ, Н. Носковъ, Д. Пахомовъ, В. Писнячевскій, С. Порѣпскій, И. Потапенко, Н. Пружанскій, Н. Рягова, З. Рагозина, А. Рославлевъ, А. Сварскій, П. Сурожскій, В. Сѣрошевскій, Г. Туминъ, А. Чеглокъ, Е. Шведеръ и друг.

Адресъ конторы: Спб. Невскій, 90.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ въ Россіи 5 р.; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к.; на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к.;
на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Плата за объявл. 1 стр. — 40 р., $\frac{1}{2}$ стр. — 20 р., $\frac{1}{4}$ стр. — 10 р.

Изд. Н. Моревъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтвидъ.